

Е. В. ЛУКИН

ЗАПАД ПРОТИВ ВОСТОКА

САЛАМИН:
2500 ЛЕТ
ПЕРВОЙ
БИТВЕ

А Л Е Т Е Й Я

**Запад против Востока. 2500 лет первой
битве**

Составитель Евгений Лукин

*Составитель выражает искреннюю благодарность руководителю
Рукописного отдела Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), доктору
филологических наук Т. С. Царьковой за предоставление материалов
из фонда Г. Р. Державина*

© Е. В. Лукин, составление, предисловие, перевод, публикации,
примечания 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Запад против Востока или Свобода против тирании?

Два с половиной тысячелетия назад на земле совершилось эпохальное событие: небольшая флотилия греческих кораблей в морском сражении при острове Саламин наголову разгромила огромный персидский флот. Это знаменовало решительную победу скромного сообщества греческих полисов над могущественной персидской державой. Первый масштабный военный конфликт между Западом и Востоком, каким стала Саламинская битва, имел судьбоносное значение для развития европейской цивилизации.

Хронология событий была такова. Весной 480 года до Р. Х. большое персидское войско, переправившись по понтонному мосту через Геллеспонт, вторглось на Греческую землю. Поход возглавил лично персидский царь Ксеркс. По некоторым подсчетам, под его началом находилось около 250 тысяч воинов, набранных от разных подвластных племен и народностей – персы, ассирийцы, арабы, фракийцы, финикийцы, инды и прочие. Войско Ксеркса сопровождала мощная морская армада. Целью похода было покорение Эллады.

На защиту родины греческие полисы отправили союзный отряд, насчитывавший 7 тысяч гоплитов, во главе со спартанским царем Леонидом. Отряд расположился в узком Фермопильском ущелье. Со стороны моря отважных бойцов поддерживал афинский флот. Персидское войско, подойдя к ущелью, неоднократно пыталось атаковать греков. После нескольких безуспешных попыток персы нашли местного жителя, который показал им тайную горную тропу в тыл противника. Узнав об этом, царь Леонид приказал союзному отряду отступить, а сам с 300 спартанцами остался защищать занятый рубеж. Храбрецы пали в неравном бою, стяжав бессмертную славу.

Одновременно около мыса Артемисий, что на северной оконечности острова Эвбея, состоялось морское сражение между персидскими и греческими флотами. Несмотря на численное превосходство, персы не сумели одержать верх. Однако, получив весть об отступлении союзного отряда из Фермопил, греческое командование распорядилось покинуть мыс Артемисий и перебраться в Саронический залив к

острову Саламин. Путь на Афины и Пелопоннес для персидского войска был открыт.

В Афинах на народном собрании огласили предсказания из Дельф, где находилось общегреческое святилище. Дельфийский оракул пророчил гибель города и призывал спастись бегством:

Деревянные стены защитят тебя и твоих детей.
Не жди ни топота коней, ни могучей поступи пехотинцев,
А обратись спиной к врагу и спасайся.
Но придет день, когда ты встретишь его в бою.
Священный Саламин, ты погубишь младую поросль,
Когда настанет время посева или время собирать урожай.

Афинский полководец Фемистокл, толкуя мрачное пророчество, сумел убедить запаниковавших горожан, что «деревянные стены» – это афинские корабли, а погибающая «младая поросль» – это персы, так как в противном случае оракул назвал бы Саламин «несчастливым», а не «священным». Он предложил оставить Афины без защиты, всех граждан, способных держать оружие, призвать во флот, а остальное население эвакуировать в город Трезен. Его замысел состоял в том, чтобы навязать персам морское сражение в узком проливе между Аттикой и островом Саламин, где маневренные греческие триремы показали бы свои преимущества перед большими персидскими кораблями.

Вскоре персы взяли Афины и сожгли город, перебив тех, кто остался в нем на милость победителя. Огромное персидское войско появилось на аттическом берегу, а бесчисленный флот подошел к Фалерской гавани. Увидев это, начальник греческого флота спартанец Еврибиад хотел сняться с якоря и отступить к Коринфскому перешейку, где сосредотачивалось союзное войско греков. Будучи несогласным с этим решением, Фемистокл отважился на небывалую хитрость. Он отправил своего доверенного раба к персидскому царю с тайным посланием, что переходит на сторону Ксеркса и советует ему немедленно напасть и уничтожить морские силы эллинов, которые и

так уже хотят бежать. Персидский царь прислушался к совету внезапно возникшего союзника.

28 сентября 480 года до Р. Х. началось Саламинское морское сражение. По данным Эсхила, против 1207 персидских кораблей выступило 310 греческих трирем. Однако в узком проливе неприятельский флот не мог использовать численное превосходство. Большие персидские суда, утратив управление, сбились в кучу. Маневренные триремы греков нападали на них, брали на abordаж и топили с помощью таранов. Персидские моряки, пытавшиеся выбраться на спасительный берег, были перебиты греческими воинами. Морское сражение закончилось сокрушительным разгромом завоевателя.

Персидский царь пребывал в смятении. Помимо поражения флота, которое он воочию наблюдал с горы Эгалео, ему доложили о намерении греков разрушить понтонный мост через Геллеспонт и тем самым преградить персидскому войску путь обратно домой. Эта весть, также подброшенная Фемистоклом через доверенного раба, подвигла Ксеркса поспешно покинуть пределы Европы.

Победа союза тридцати греческих полисов над самой могущественной державой мира произвела неизгладимое впечатление на современников. В честь Саламинского торжества греки посвятили Дельфам колоссальную статую Аполлона, держащего в руке нос триремы. Захваченные финикийские корабли были принесены в жертву греческим богам Аяксу, Посейдону и Афине. На распределении наград между военачальниками первый приз был оспорен каждым из них, зато второй почти единодушно присужден Фемистоклу. Также единодушно его чествовали греки на ближайших Олимпийских играх. Это свидетельствовало о том, что современники осознавали как выдающуюся роль Фемистокла в происшедшем сражении, так и значение Саламинской победы, которая на долгое время определила судьбу участвовавших в ней народов.

Философскую оценку битве при Саламине дал выдающийся немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831): «Здесь лежали на весах интересы всемирной истории. Здесь боролись друг с другом восточный деспотизм, т. е. мир, объединенный под властью одного властителя, и, с другой стороны, разделенные государства, объем и средства которых были невелики, но которые

были одушевляемы свободной индивидуальностью. Никогда в истории не проявлялось с таким блеском превосходство духовной силы над массой, и притом над такой массой, к которой нельзя относиться с пренебрежением. Эта война и затем развитие важнейших государств после этой войны составляют наиболее блестящий период греческой истории: все то, что содержалось в греческом принципе, тогда совершенно развернулось и проявилось». Таким образом, Гегель объяснил причину необыкновенного военного успеха Эллады в неоспоримом превосходстве свободной индивидуальности, реализуемой в условиях независимости, над темной могучей массой, подавляемой деспотичным властителем.

Такая политическая трактовка Саламинской победы в дальнейшем стала преобладающей. Ее использовали всякий раз, когда было необходимо доказать абсолютную эффективность демократического правления перед самодержавным владычеством. При этом обязательно ссылались на авторитет древнегреческих ученых мужей, толкуя их произведения в необходимом свете. Например, идейный сторонник русской революционной демократии и украинского национализма, профессор Киевского университета Федор Мищенко (1847–1906) в статье, предваряющей публикацию его перевода «Истории» Геродота, указывал на победоносную роль демократии в греко-персидских войнах: «Если не основанием, то во всяком случае самым убедительным оправданием такого предпочтения народного самоуправления перед деспотизмом было для Геродота позорное поражение персов и победное торжество Эллады, в особенности афинской демократии».

В духе гегелевской концепции торжества «свободной индивидуальности» трактует Саламинскую победу и современный российский ученый Евгений Жаринов (род. 1954): «Битва при Саламине представляла собой нечто большее, нежели просто сражение. То был кульминационный момент противостояния между Востоком и Западом, во многом определивший магистральные пути дальнейшего развития человечества. Попытка сдержать распространение эллинистического индивидуализма была предпринята под главенством персов. Они несли и насаждали систему представлений и ценностей, общую для всех централизованных деспотий восточного Средиземноморья. Недаром Виктор Дэвис

Хансон отмечает, что в языках прочих средиземноморских народов аналогов греческим словам “свобода” и “гражданин” просто-напросто не существовало».

Преподаватель Московского педагогического университета неслучайно ссылается на известного американского историка. В своих трудах профессор Стэндфордского университета Виктор Дэвис Хансон (род. 1953) всячески развивает упомянутую гегелевскую концепцию. По его мнению, Саламин «навсегда сделал европейскую цивилизацию тяготеющей к политической свободе и экономическому либерализму. И что бы ни говорилось о достоинствах и недостатках современной цивилизации Запада, но тенденции к укреплению демократии, всемерному расширению прав и в то же время к дальнейшему ослаблению гражданской ответственности реализуются в рамках мобильной, динамичной традиции, обязанной своим существованием давней сентябрьской победе Фемистокла. В конце сентября 480 года Фемистокл и афинские бедняки не только спасли от персов Грецию и нарождавшуюся западную цивилизацию, но и определили будущее того свободолюбивого, изменчивого и беспокойного общества, основные черты которого узнаваемы и по сей день». Иными словами, Саламинская победа – это очевидное торжество демократии над тиранией, победа сил добра над силами зла, которая привела к формированию основ свободного западного мира и расцвету культуры.

Между тем, эта грубая идеологическая схема едва ли соответствует исторической действительности. В такой схеме преднамеренно смешиваются политические и национальные (народные, родовые) начала, под понятием «свобода» понимается исключительно «демократия» и так далее. Точно также в годы Великой Отечественной войны коммунистическая пропаганда производила подобную диффузию, формулируя девиз для сражающихся советских воинов: «За Родину! За Сталина!»

Благодаря подобной философии истории утверждается не только абсолютный приоритет демократических ценностей над остальными, но и необходимость их глобального распространения, в том числе и путем военной агрессии. Тот же Виктор Дэвис Хансон, поддерживая американских ястребов, призывал идти на войну с Ираком «тяжело, долго, без чувства вины, извинений или отсрочки, пока наших врагов больше не станет». В контексте иракской войны он утверждал, что

«реальный вопрос состоит в том, будут ли Соединенные Штаты, как и действительно любая западная демократия, все еще обладать моральной ясностью, чтобы определить зло как зло, а затем безраздельно использовать все доступные ресурсы для борьбы с ним до полного искоренения».

При таком агрессивном подходе и произведения классического искусства легко подвергаются модернизации в духе западного «беспокойного и изменчивого» мышления. Так, в 1993 году знаменитый американский режиссер Питер Селларс (род. 1957) поставил на эдинбургских подмостках трагедию Эсхила «Персы». Он надел на персидского царя Ксеркса черный берет иракского диктатора Саддама Хусейна, облачил древнегреческих гоплитов в американскую униформу. Звон железных копий он сравнил с артиллерийской канонадой в ходе военной операции 1991 года по освобождению Кувейта, а солиста древнегреческого хора – с корреспондентом телеканала CNN, ведущим репортаж из печального Багдада:

Азия больше не будет
Жить по персидской указке.

Профессор Казанского университета Эдуард Рунг (род. 1972) отмечает, что «современные оценки греко-персидских войн имеют долгую традицию и в конечном итоге восходят к оценкам их современниками». Уже тогда древнегреческие писатели и поэты рассматривали этот грандиозный военный конфликт как «извечное» столкновение между Грецией (Европой) и Персией (Азией), и определяли его как борьбу за свободу против персидского порабощения: ведь в случае поражения и пленения каждый эллин становился рабом. Именно такая борьба за личную свободу, а значит и за свободу своего полиса мотивировала участников греко-персидских войн с эллинской стороны.

Об этом свидетельствует и непосредственный участник Саламинского сражения – великий драматург Эсхил (525–456 до Р. Х.), который посвятил битве при Саламине трагедию «Персы». Он первым представил греко-персидские войны как результат столкновения

Востока и Запада: «земля Азии выступила против страны Эллады», и указал на истинные намерения персов при вторжении на Греческую землю – «наложить рабское ярмо на Элладу». В его трагедии не было ни слова о демократии и тирании, зато был протест против рабства. Современники Эсхила, видевшие постановку трагедии в 472 году до Р. Х., еще помнили пламенный пеан греков, призывавший сражаться за свободу и отечество: «О, сыны эллинов! Идите, освободите родину, освободите детей, жен, богов отеческих храмы, могилы предков – бой идет теперь за все!». Защита своей земли, своего очага, своей семьи, своего народа – вот истинный императив, которым руководствовались греки в борьбе с вражеским нашествием.

Другой современник Саламинского сражения великий историк Геродот (484–425 до Р. Х.) видел во всех политических системах достоинства и недостатки. Он излагал свои взгляды, пользуясь приемами диалога, когда сторонникам тех или иных идей предоставлялась трибуна. Ярким примером такого подхода являлся изложенный «отцом истории» диспут трех персидских вельмож Отана, Мегабиза и Дария о том, какую политическую систему предпочтительнее вводить в государстве – демократию, олигархию или монархию. Как ни странно, в жарком споре победил сторонник монархии Дарий, отец злополучного Ксеркса. Ученые почти единодушно полагают, что персидские вельможи не могли вести такие дебаты: все эти рассуждения были вымыслом Геродота, образчиком его политической мысли. Можно задать риторический вопрос: если согласиться с Федором Мищенко и считать «отца истории» горячим поклонником демократии, то что помешало ему присудить победу в диспуте не монархисту Дарию, а демократу Отану? Только одно: Геродот сомневался в демократии как идеальной форме правления. Он говорил, что «многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного», приводя пример с милетским послом, которому удалось провести тридцать тысяч афинян, но не удалось обмануть одного лакедемонянина. Утверждение же Геродота, что «нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни», невольно отсылает нас к словам поэта Александра Пушкина о русском бунте, бессмысленном и беспощадном.

Политическое мышление Геродота было универсальным. Это не значит, что у него не имелось предпочтений. Свобода и закон – вот два

столпа, на которых зиждилось его мировоззрение. Свобода в представлении «отца истории» являлась внешней жизненной сферой, в которой существуют независимые греческие полисы, а закон являлся тем порядком, что определяет внутреннюю деятельность этих полисов. Спартанец Демарат заявлял царю Ксерксу, что греки «свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка – это закон, которого они боятся гораздо больше, чем твой народ тебя». Именно за эту внешнюю свободу (суверенитет) сражались союзные отряды Эллады во время греко-персидских войн. Политическое устройство греческих полисов, будь оно демократическое или тираническое, в данном случае не имело значения.

Таким образом, причина Саламинской победы таилась вовсе не в превосходстве демократии над тиранией, а в едином патриотическом порыве эллинов, которых сумел сплотить блестящий афинский полководец Фемистокл «Так, острый ум одного человека освободил Грецию, и Европа одолела Азию, – писал о нем древнеримский историк Корнелий Непот. – Была одержана еще одна победа, достойная марафонского трофея: ведь при Саламине произошло то же самое – малочисленные корабли разгромили самый большой на памяти человеческой флот». Великолепное владение тактическим и стратегическим мастерством, а также искусством дезинформации отличали Фемистокла от других военачальников, которые не обладали исключительной способностью быстро принимать решения в непредвиденных обстоятельствах. По мнению древнегреческого историка Фукидида, «это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий».

По сути, Фемистокл является символом той самой «свободной индивидуальности», которая, по мысли Гегеля, продемонстрировала превосходство духовной силы над темной массой, торжество демократии над тиранией. Между тем, показательна дальнейшая судьба афинского полководца. Несмотря на особые заслуги перед Афинами и Элладой, афиняне после одержанной победы подвергли его ostracism и изгнанию. По словам Плутарха, «народ изгнал его ostracism из желания уменьшить его влияние и силу. Этому подвергались все, чье значение казалось опасным и нарушающим демократическое равенство. Ostracism не был наказанием – он служил лишь удовлетворением чувству зависти и утешением для тех,

кому приятно унижение влиятельных личностей и возможность вымещать на них свою злобу, оскорбляя их». Подобная «благодарность» была характерна для многих демократических сообществ. Напомним, что новгородское вече изгнало князя Александра Ярославича Невского после его победы над шведским войском на берегах Невы. Причина оказалась такой же – опасность усиления, говоря современным языком, бонапартистских тенденций.

Последующая история «спасителя Эллады» изобиловала поразительными метаморфозами. Преследуемый афинянами и спартанцами, которые пригрозили ему смертной казнью за предполагаемую измену, он бежал в Азию, где явился к своему давнему врагу – персидскому царю Ксерксу, обещавшему за его голову огромное вознаграждение. Ошеломленный царь, видя перед собой распростертого ниц противника, проявил подлинное превосходство духовной силы – простил ему поражение при Саламине и пожаловал в управление три города. Стремясь проверить преданность нового подданного, Ксеркс предложил Фемистоклу возглавить новое вторжение в Грецию, но храбрый полководец решительно отказался выполнить царское пожелание, заявив, что никогда не поднимет меч на родину. Не видя перед собой иного выхода, он попытался принять яд. Этот поступок еще более возвысил афинского героя в глазах самодержца, и тот отменил поход на Элладу. Фемистокл был осыпан царскими милостями.

Разумеется, сюжет о необыкновенном великодушии персидского царя Ксеркса стал особенно популярным в эпоху просвещенного абсолютизма XVIII–XIX веков, поскольку соответствовал распространенным тогда патерналистским представлениям об идеальном монархе – строгом и заботливом отце своего народа, который не только действует по закону, карая злоумышленников, но и проявляет «милость к падшим». По мотивам исторического сюжета итальянский либреттист Пьетро Метастазιο (1698–1782) написал трагедию «Фемистокл». На ее основе итальянский композитор Андреа Бернаскони (1706–1784) сочинил оперу, имевшую колоссальный успех в театрах Европы.

Творчеством Пьетро Метастазιο, которого французский просветитель Жан-Жак Руссо называл «единственным гением», интересовалась русская императрица Екатерина Великая. Являясь

автором девяти либретто и многих пьес, она считала творения выдающегося итальянца достойными для подражания, на что указывала своим придворным сочинителям. Среди них выделялся ее личный кабинет-секретарь Гавриил Романович Державин (1743–1816). Уже после смерти государыни он попросил князя П.Г. Гагарина перевести ему трагедию «Фемистокл». Пользуясь представленным подстрочником, русский поэт написал одноименную оперу в трех действиях.

Опера Державина «Фемистокл» представляет огромный исторический интерес как свидетельство творческих исканий замечательного стихотворца. К тому же она соответствовала его искренним монархическим убеждениям. Образ всемогущего персидского царя перекликался в его стихах с изображением богоподобной императрицы Екатерины Великой:

И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу.

Взор, объемлющий моря и сушу, замыкающий в себе целый мир, – таков философский смысл единодержавия, философский смысл власти как земной, так и небесной. Этот выразительный символ всевидящего ока известен с древних времен и присутствует практически во всех мифологиях – от египетской и древнегреческой до буддистской и христианской. Неудивительно, что точно таким же взором обладал в глазах подданных и властитель Азии. Древнегреческий поэт Тимофей Милетский (ок. 450–360 до Р.Х.) в своей поэме «Персы», посвященной битве при Саламине, вложил в уста персидского воина необычную угрозу. Тонущий в море воин грозил морскому богу Посейдону тем, что его повелитель, персидский царь Ксеркс, обязательно расправится с ним за гибель войска в эгейских волнах – замкнет во взор бушующее море:

Настанет время – он придет
И соснами азийских гор
Взволнует воды, а простор
Во взор блуждающий замкнет.

Перевод Е. В. Лукина

Тимофей Милетский считался поэтом-новатором. «Если бы мы не имели Тимофея, – говорил Аристотель, – то в нашей лирической поэзии был бы большой пробел». С похвалой отзывался о нем Платон, и даже суровые дорийцы признавали красоту его песен. Однако удивительные новации поэта вызывали и порицания. Выступая на Элевсинских мистериях, Тимофей дерзнул приладить к семиструнной кифаре еще четыре струны, и возмущенные спартанские цари приказали подвергнуть его изгнанию, чтобы «каждый, видя суровый порядок города, воздержался вносить в Спарту что-либо непотребное». По свидетельству Плутарха, комедиограф Ферекрат высмеивал новаторское творчество Тимофея: «Он всех превзошел своими чудовищными диссонансами, от которых ползут мурашки, недопустимые ноты чрезмерной высоты и какие-то свистульки». На эти нападки поэт с вызовом отвечал: «Старых песен я не пою – мои молодые сильнее!».

От обширного творческого наследия Тимофея до нас дошел только отрывок поэмы «Персы», воспевавшей победу эллинов в Саламинской битве. Завершая свой шедевр, поэт пожелал Афинам «цветущего обилия и мира благозакония», что перекликалось с представлением Геродота о свободе и законе как основных категориях афинского бытия.

Саламинская победа обусловила свободное существование Греции в течение двух тысяч лет. Лишь в середине XV века османский султан Магомет Завоеватель покорил многочисленные греческие княжества. Османское иго продолжалось почти три столетия. На рубеже XVIII–XIX столетий в Греции вспыхнуло освободительное движение за независимость, на знамени которого было начертано имя Фемистокла. Молодой греческий поэт Ригас Фереос (1757–1798), призывая

сограждан к вооруженному восстанию против чужеземного гнета, обращался к славному прошлому Эллады: «Есть добродетель – любить отечество, родившее великого мужа Фемистокла, которому удивлялся весь мир, север и юг. Будем подражать ему в добродетели и мужестве, славном и похвальном».

Символично, что в тот же год, когда был казнен Ригас Фереос, Греческая земля родила нового певца свободы – талантливого поэта Дионисиоса Соломоса (1798–1857), который стал автором прекрасной поэмы «Гимн свободе»:

Я узнаю твой меч чудесный
В сиянье греческих побед.
Я узнаю твой взор небесный,
Объемлющий весь белый свет.

Перевод Е. В. Лукина

Все тот же взор, замыкающий в себе целый мир, озарил стихи поэта, только теперь он принадлежал не восточному деспоту, а отважной свободе – верной любви Эллады. Таким образом, этот всеохватный взор на самом деле олицетворял собою независимую власть, которая могла иметь различные политические свойства. Не случайно после создания суверенного греческого государства в 1832 году первые два четверостишия поэмы Дионисиоса Соломоса стали национальным гимном Греции.

* * *

Греко-персидские войны явились переломным моментом в истории Эллады. Три десятка греческих полисов, зачастую враждовавших между собой, сумели объединиться перед лицом врага, выдержать нашествие могущественной Персидской державы и отстоять свою независимость. В этой борьбе они опирались на идею общеэллинского единства, основанного на общности языка и веры, культуры и образа

жизни. В этой борьбе они защищали не политические системы, которые отличались от полиса к полису, а свои отчие земли, свои дома, свои семьи – все то, что подразумевает понятие «родина». Их вел на священную битву выдающийся патриот Эллады – афинский полководец Фемистокл, обладавший не только блестящими способностями стратега и тактика, но и неколебимой волей к победе.

Греческий народ сохранил память о великих героях и славных победах. Эта память впоследствии помогла ему низвергнуть иноземное иго и вернуть независимость своей отчизне. Современный национальный флаг Греции насчитывает девять сине-белых полос, что соответствует девяти буквам греческого слова «свобода».

Евгений Лукин,
Санкт-Петербург

История Геродот

Книга восьмая

Урания

Состав эллинского флота при Артемисии, морские битвы (1-23). Осмотр варварами поля сражения при Фермопилах (24-25). Путь варваров от Фермопил в Беотию, Фокиду и в Дельфы, чудо в Дельфах (26-39). Состав эллинского флота у Соломина (40-49). Афины заняты варварами (50-55). Распри в эллинском флоте, хитрость Фемистокла (56-64). Чудо, предзнаменующее беды варваров (65). Персидский флот у Фалера, военный совет (66-69). Сооружение стен пелопоннесцами на Истме (70-73). Распри в эллинском флоте, хитрость Фемистокла, появление Аристиды на Саламине (74-82). Поражение варваров при Саламине (83-96). Сборы Ксеркса к возвращению в Азию и оставление Мардония с войском в Европе (97-103). История с Гермотимом (104-106). Отступление персидского флота и преследование его эллинами (107-120). Наказание эллинами городов, отдавших Ксерксу, дележ военной добычи и чествование Фемистокла (121-125).

Осада Потидеи Артабазом и взятие Олинфа (126-129). Второй год войны: эллинский флот у Самоса и Делоса, пребывание Мардония в Фессалии (130-135). Посольство от Мардония в Афины, родословная Александра, царя македонян, неудача посольства (136-144).

1. Из эллинов зачислены были во флот следующие: афиняне, доставившие сто двадцать семь кораблей, причем платейцы, хотя и не искусные в морском деле, но движимые храбростью и усердием, снабжали эти корабли людьми вместе с афинянами; коринфяне доставили сорок кораблей, мегарцы двадцать; халкидяне поставили воинов на двадцать кораблей, но корабли им даны были афинянами. Египтяне доставили восемнадцать кораблей, сикионцы двенадцать, лакедемоняне десять, Эпидавр восемь, эретрийцы семь, трезенцы пять, стирейцы два, столько же и кеосцы, да еще два пятидесятивесельных судна. Наконец, опунтские локры явились на помощь с семью пятидесятивесельными судами.

2. Таковы были эллины, отправившиеся к Артемисию, а я уже сказал, какое количество кораблей доставлено было каждым народом.

Число собранных у Артемисия кораблей, за исключением пятидесятивесельных судов, было двести семьдесят один. Главнокомандующего флотом поставили спартанцы, именно Еврибиада, сына Евриклида. Союзники объявили, что они не последуют за афинскими вождями и распустят войско, какое соберется, если только главнокомандующим будет не лакедемонянин.

3. Дело в том, что уже вначале, до отправки в Сицилию послов с просьбой о помощи, шла речь о том, что командование флотом следует поручить афинянам. Так как союзники восстали против этого, то афиняне уступили, будучи сильно озабочены спасением Эллады и зная, что Эллада погибнет, если эллины станут спорить между собою из-за преобладания, и они рассуждали верно. Действительно, внутренние смуты настолько хуже войны, ведомой единодушно, насколько война хуже мира. Будучи именно такого убеждения, афиняне не противились, уступили, но так было до тех пор, пока они имели крайнюю нужду в союзниках, что и доказали потом: когда персов прогнали и стали воевать с царем уже за его землю, тогда под предлогом наглости Павсания афиняне отняли первенствующее положение у лакедемонян. Но это случилось впоследствии.

4. В то время прибывшие к Артемисию эллины объаты были ужасом при виде огромного множества кораблей у Афет и чрезвычайной многочисленности воинов; действительно, силы варваров превзошли их представление и ожидание; поэтому они решили бежать от Артемисия внутрь Эллады. Узнав о таком решении, эвбейцы просили Еврибиада подождать немного, пока они не поместят в надежное убежище детей своих и слуг. Когда уговорить Еврибиада им не удалось, они обратились в другую сторону и стали склонять афинского вождя Фемистокла за триста талантов к тому, чтобы афиняне оставались перед Эвбеей и дали морскую битву.

5. Фемистокл употребил следующую меру для того, чтобы удержать эллинов: из этих денег он отдал Еврибиаду пять талантов, давая их как бы из своих денег. Еврибиад перешел на его сторону. Из прочих вождей противился этому только вождь коринфян Адимант, сын Окита, заявляя, что не останется и отплывет от Артемисия. Тогда Фемистокл стал заклинять его и сказал следующее: «Ты не покинешь нас, потому что я дам тебе большие подарки, нежели те, какие прислал бы тебе царь мидян, если бы ты покинул союзников». Он это сказал и в

то же время отослал на корабль Адиманта три таланта серебра. Подарками он склонил их на свою сторону, и эвбейцы были удовлетворены. Сам Фемистокл извлек из этого выгоду, потому что тайно удержал остальные деньги для себя; те лица, которые получили долю из этих денег, думали, что для такой цели деньги получены были из Афин.

6. Так остались эллины у Эвбеи и дали морскую битву. Происходила она при следующих обстоятельствах: тотчас после полудня варвары подошли к Афетам; уже и прежде они знали, что подле Артемисия стоит небольшое число эллинских кораблей; теперь они видели это сами и возымели большое желание попытаться овладеть ими. Однако персы решили не нападать на корабли спереди для того, чтобы эллины не заметили их приближения и не обратились в бегство, причем ночь могла бы прикрыть бегущих; конечно, эллины должны были спастись бегством, а персы говорили, что и сам огненоситель не должен уйти живым.

7. С этой целью они употребили следующую хитрость: из всех кораблей отделили двести и послали их за Скиаф для того, чтобы незаметно для неприятелей они обошли кругом Эвбеи подле Каферея и Гереста и вошли в Еврип. С прибытием в Еврип они замыкали эллинов и отрезали им обратный путь в Элладу, тогда как остальные корабли должны были напасть на эллинов спереди. Порешив так, варвары отослали назначенные для этого корабли, но сами не думали нападать на эллинов в тот самый день, до тех именно пор, пока отправившимися кругом Эвбеи воинами не будет дан сигнал о прибытии их на место. Итак, часть кораблей пошла кругом острова, а остальным сделан был смотр у Афет.

8. В то время как варвары делали смотр кораблям, некто Скиллий, уроженец Сикиона, лучший водолаз того времени, который во время кораблекрушения, что случилось у Пелиона, спас персам многие сокровища и многие приобрел для себя, – этот самый Скиллий, уже и раньше замышлявший перебежать к эллинам, теперь нашел случай привести свой замысел в исполнение. Каким образом он отсюда прибыл к эллинам, я не могу сказать с точностью, а то, что говорят об этом, меня удивляет, если только это правда; говорят именно, что он подле Афет нырнул в море и вынырнул не раньше, как по достижении Артемисия, проплыв, следовательно, под морем около восьмидесяти

стадиев. Много баснословного рассказывается об этом человеке, кое-что, впрочем, и достоверное. Что касается этого случая, то, по моему мнению, он прибыл к Артемисию в лодке. Тотчас по прибытии он сообщил вождям эллинов о кораблекрушении, как оно было, и о том, что посланы корабли в обход кругом Эвбеи.

9. Получив это известие, эллины сошлись на совещание. Из множества предложений взяло верх следующее: в тот день остаться на месте в стоянке, потом, после полуночи, отступить и выйти навстречу огибавшим Эвбею кораблям. После этого, так как против них никто не показывался, эллины выждали вечернюю пору и сами поплыли на варваров с целью испытать их способ сражения и прохождение между неприятельских судов.

10. При виде того, что эллины идут против них с небольшим числом судов, воины Ксеркса, а в особенности начальники их были уверены, что враги сошли с ума и сами направили на них свои корабли в надежде без труда захватить неприятельские корабли. Надежда эта была весьма основательна: они видели, что эллинских кораблей немного, что у них в несколько раз больше и что их корабли имеют лучший ход, нежели эллинские. Все это они сообразили и стали окружать эллинов кольцом. Все из ионян, благорасположенные к эллинам и против воли отправившиеся на войну, сильно встревожены были тем, что эллинов окружают со всех сторон, и были убеждены, что ни один из них не возвратится домой: столь ничтожными представлялись им силы эллинов. Напротив, все те ионяне, которые радовались происходящему, спорили между собою из-за того, кто из них первый захватит аттический корабль и получит за то награду от царя, так как в стоянке у персов только и речи было, что об афинянах.

11. Когда эллинам дан был сигнал, они прежде всего выстроили свои корабли против варваров носами вперед и кормами внутрь, потом по второму сигналу перешли в наступление, правда, на небольшом пространстве и только с фронта. В это время они захватили тридцать варварских кораблей и сына Херсиева Филаона, брата саламинского царя Горга, человека значительного в персидском флоте. Первым эллином, взявшим неприятельский корабль, был афинянин Ликомед, сын Эсхрея; он же получил первую награду. Войска сражались с одинаковым мужеством, и только наступившая ночь разделила сражающихся. Эллины отступили на кораблях к Артемисию, а варвары

к Афетам (сражение было более тяжелое, нежели они ожидали). В этой морской битве из числа всех эллинов, находившихся под начальством царя, перебежчиком оказался один только Антидор из Лемноса, в награду за это афиняне дали ему участок земли на Саламине.

12. С наступлением ночи – время года было середина лета – полил обильнейший дождь и шел всю ночь с сильными раскатами грома с Пелиона; трупы и обломки кораблей выбрасывало к Афетам; они кружились у корабельных носов и лопасти весел приводили в беспорядок. Находившиеся там воины при известии об этом пришли в ужас, полагая, что среди стольких бед они погибнут окончательно. Ибо прежде, чем оправиться от бури и кораблекрушения, случившихся у Пелиона, попали в жестокую морскую битву, а после битвы пошел ливень, потекли к морю бурные потоки и раздались сильные громовые раскаты. Так прошла для них ночь.

13. Однако эта же ночь была еще более ужасной для тех из варваров, которым приказано было обогнуть Эвбею, ужаснее была потому, что застигла их на пути в открытом море. Действительно, конец их был печален. Когда гроза и дождь разразились над кораблями в то время, как они плыли мимо «Лощин» Эвбеи, ветер понес их, и они, сами не зная, куда несутся, ударились о скалы. Все это было совершено божеством для того, чтобы персидское могущество сравнялось с эллинским и не было гораздо сильнее его. Итак, воины эти погибли у «Лощин» Эвбеи.

14. Варвары в Афетах обрадовались, когда настало утро, и неподвижно стояли со своими кораблями на месте: они довольны были тем, что в тогдашнем положении среди стольких бед могут, по крайней мере, остаться в покое. Между тем на помощь эллинам прибыли пятьдесят три аттических корабля. Эллинов ободрило их появление, равно как и полученное известие о том, что все варвары, плывшие кругом Эвбеи, истреблены бурей. Они снова дождались той же поры дня и сделали нападение на киликийские корабли, при наступлении ночи истребили их и возвратились назад к Артемисию.

15. На третий день после этого варвары, считая великим позором для себя то, что незначительное число кораблей причинило им такой урон, а также из страха перед судом Ксеркса, не стали дожидаться, пока эллины начнут битву, и, ободряя друг друга, вывели корабли свои в море около полудня. Случилось так, что и эти морские битвы, и

битва сухопутная у Фермопил происходили в одни и те же дни; кроме того, как воины Леонида дрались за охранение прохода, так сражение на море всецело происходило из-за Еврипа. Итак, одни ободряли друг друга к борьбе, чтобы не пускать варваров в Элладу, а другие – чтобы сокрушить эллинское войско и завладеть морским путем.

16. Воины Ксеркса выстроились в боевой порядок и начали наступление, а эллины неподвижно стояли у Артемисия. Варвары расположили свои корабли в виде полумесяца и стали окружать эллинов кольцом, чтобы охватить их со всех сторон. Тогда эллины также перешли в наступление и начали бой. И в этом морском сражении обе стороны оказались равносильными. Дело в том, что флот Ксеркса терпел неудобства вследствие своей же обширности и многочисленности кораблей, ибо корабли мидян смешивались в беспорядке и попадали один на другой; тем не менее они сопротивлялись и не отступали, считая позором для себя бежать перед небольшим числом кораблей. Эллинских кораблей и воинов погибло много, но варварских кораблей и людей погибло гораздо больше. После такого сражения оба войска разошлись.

17. В этой битве из воинов Ксеркса больше всех отличились египтяне: помимо других славных подвигов, они захватили пять эллинских кораблей вместе с воинами. Из эллинов в тот же день больше всех отличились афиняне, а из числа афинян сын Алкивиада Клиний; он на собственное иждивение вооружил двести воинов и прибыл на собственном корабле.

18. Обе стороны охотно прекратили сражение и поспешно возвратились к своим стоянкам. По окончании битвы и по возвращении на стоянку эллины имели в своей власти мертвые тела и обломки кораблей; но так как они пострадали жестоко, особенно афиняне, у которых половина кораблей была повреждена, то порешили бежать внутрь Эллады.

19. Однако Фемистокл сообразил, что, если от варваров отторгнуты будут племена ионийское и карийское, то эллины смогут одолеть остальное войско. Так как к тому времени эвбейцы выгоняли свой скот к морю, он собрал сюда вождей и сказал им, что знает средство, с помощью которого рассчитывает отторгнуть от царя доблестнейших из его союзников. Только это он и открыл им. Что же касается настоящего положения дел, сказал Фемистокл, то следует поступить так: пускай

каждый из них убьет столько скота эвбейцев, сколько желает, ибо лучше, чтобы скот достался эллинскому войску, а не варварам. Вместе с тем постарался уговорить начальников, чтобы каждый из них приказал своим воинам зажечь огонь. О благовременном возвращении в Элладу, прибавил Фемистокл, он позаботился сам, о том именно, чтобы эллинам возвратиться невредимыми. Начальники приняли его совет, тотчас велели зажигать огни и приниматься за скот.

20. Эвбейцы пренебрегли изречением оракула Бакида, как ничего не значащим, поэтому совершенно ничего не унесли со своего острова, не приготовили никаких запасов на случай угрожавшей осады и тем сами себе уготовили несчастный конец. Изречение об этом Бакида гласило следующее:

Позаботься о том, чтобы удалить с Эвбеи многоблеющих коз, Когда говорящий на варварском языке наложит на море папирусное ярмо.

Эвбейцы не применили этих слов ни к тогдашнему своему положению, ни к будущему, и потому теперь предстояло им подвергнуться величайшим бедам.

21. Пока они были заняты этим, явился соглядатай из Трахина. При Артемисии находился соглядатай Полий, родом из Антикиры; он имел наготове хорошо устроенную лодку и должен был дать знать находившимся в Фермопилах воинам, если бы флот сильно пострадал в сражении; также был соглядатай и при Леониде, афинянин Аброних, сын Лисикла; он обязан был отправиться на тридцативесельном судне к тем войскам, что находились у Артемисия, и известить их, если бы несчастье постигло сухопутное войско. Этот-то Аброних и явился к ним с известием о судьбе Леонида и его войска. Узнав об этом, эллины не стали больше медлить с отступлением и отправились в обратный путь в том самом порядке, в каком каждый народ был в стоянке; первыми шли коринфяне, последними афиняне.

22. Тогда Фемистокл выбрал из афинских кораблей самые быстрые, поплыл с ними кругом острова и во всех местах, где находилась вода для питья, начертал надписи, которые были прочитаны ионянами на следующий день по прибытии к Артемисию. Надписи гласили следующее: «Несправедливо поступаете, ионяне, воюя против отцов и поработая Элладу. Лучше всего переходите на нашу сторону! Если же сделать этого не можете, то, по крайней мере, удалитесь и держитесь в стороне, и склоните к тому карийцев. Если вы не можете сделать ни

того ни другого, если вы находитесь под столь тяжелым игом, что не в силах отложиться от царя, то, по крайней мере, помните, что происходите от нас и что начало этой борьбы нашей с варварами исходит от вас, поэтому в случае стычки будьте нерадивы в бою». Фемистокл начертал это с двояким расчетом, как мне кажется: или надпись останется неизвестной царю и побудит ионян изменить ему и перейти на сторону своих, или же она будет доставлена Ксерксу и истолкована в худом смысле, через то навлечет на ионян подозрение и устранил их от участия в морских сражениях. Вот что начертал Фемистокл.

23. Тотчас после этого явился к варварам в лодке некий житель Гистиеи с известием о бегстве эллинов от Артемисия. Варвары не поверили этому, заключили вестника под стражу и отрядили для расследования несколько быстрых кораблей. Когда корабли доставили известие о том, что было, весь флот целиком, с первыми лучами солнца направился к Артемисию. В том месте он прождал до полудня и затем поплыл к Гистиее. По прибытии туда варвары овладели городом гистиейцев и нападали на все приморские деревни местности Эллопии в земле Гистиеотиды.

24. Пока флот находился в этом месте, Ксеркс принял все меры касательно тел павших воинов и отправил во флот глашатая. Принятые меры состояли в следующем. Из всех своих воинов, павших подле Фермопил (а таких было около двадцати тысяч), он оставил только тысячу трупов, все остальные велел похоронить в вырытых канавах, насыпать сверху земли и набросать древесных листьев для того, чтобы воины флота не видели могил. По прибытии в Гистию глашатай созвал на собрание все войско и сказал: «Союзники! Царь Ксеркс дает каждому из вас позволение покинуть свой пост и идти посмотреть, как он сражался с безрассудными людьми, рассчитывавшими одолеть мощь царя».

25. Когда это было объявлено, число лодок для переправы оказалось слишком недостаточным: столь многие желали поглядеть на поле сражения. Переправившись к Фермопилам, они ходили среди трупов и рассматривали их. При этом всем казалось, что павшие все лакедемоняне и феспийцы, хотя они видели тут и илотов. Однако от переправившихся не скрылось, что сделал Ксеркс с трупами своих воинов. И действительно, это было смешно: мертвых тел варваров

лежало на виду только тысяча, тогда как тела эллинов собраны были все в одном месте в числе четырех тысяч. Этот день союзники употребили на осмотр мертвецов, а на следующий одни отплыли к кораблям своим в Гистиею, другие с Ксерксом во главе продолжали путь.

26. Тем временем из Аркадии прибыли к варварам в небольшом числе перебежчики, которые просили пропитания и искали работы. Персы повели их к царю и расспрашивали, чем занимаются эллины; расспрашивал их об этом один из персов за всех. Те отвечали, что эллины устроили Олимпийские игры и любят гимнастическими и конными состязаниями. На вопрос о том, что служит наградой победителю, из-за чего происходит состязание, перебежчики отвечали, что победителя награждают оливковым венком. Тогда сын Артабана Тигран высказал благороднейшее мнение, за что царь укорил его в трусости, а именно: услышав, что наградой служит венок, а не деньги, он не мог сдержать себя, чтобы в присутствии всех не сказать: «Горе нам, Мардоний! Против какого народа повел ты нас на войну: они состязаются не из-за денег, а из-за доблести».

27. Между тем тотчас после поражения при Фермопилах фессалийцы отправили глашатая к фокийцам, на которых они всегда злобились, особенно после недавнего поражения. Дело в том, что за несколько лет до похода царя фессалийцы вместе с союзниками напали со всем войском на фокийцев, но были разбиты ими и подверглись жестокой участи. Когда фокийцы оттиснуты были к Парнасу, в числе их был и гадатель Теллий, родом из Элиды; этот Теллий придумал следующую хитрость: он побелил гипсом шестьсот храбрейших фокийцев, не только их самих, но и их вооружение, а ночью напал с ними на фессалийцев, отдав приказание убивать всякого, кого заметят непобеленным. Фессалийская стража первая увидела их и пришла в ужас, так как приняла это за нечто сверхъестественное; за стражей последовало все войско, так что фокийцы имели в своей власти четыре тысячи трупов и щитов неприятельских; половину щитов они пожертвовали в Абы, а другую – в Дельфы. На десятую долю денег, добытых в сражении, поставлены были большие кумиры вокруг треножника, что против храма в Дельфах (1), а другие такие же пожертвованы в Абы. Вот что учинили фокийцы с фессалийской пехотой, когда были осаждены ею.

28. Когда фессалийская конница вторглась в землю фокийцев, они нанесли ей поражение, от которого та не могла оправиться. В проходе, что у Гиамполиса, фокийцы выкопали огромную канаву, вложили в нее пустые амфоры и, набросав сверху земли, сровняли это место с остальной почвой; так ждали они вторжения фессалийцев. Между тем фессалийцы, рассчитывая без труда окружить фокийцев, стремительно бросились на них и попали на амфоры; там их лошади поломали себе ноги.

29. Будучи озлоблены этими двумя поражениями, фессалийцы отправили к фокийцам глашатая со следующим объявлением: «Теперь, фокийцы, вы уже яснее видите, что вам не равняться с нами. В самом деле, и раньше, пока только одобрялось нами поведение эллинов, мы всегда стояли у них выше вас, и теперь у варваров мы имеем такую силу, что от нас зависит лишить вас земли и обратить в рабство. Однако мы не злопамятны и потому, хотя могли бы сделать все, удовольствуемся за прежнее зло пятьюдесятью талантами серебра и тогда обещаем отвести от вашей земли грозящие ей беды». Вот что объявили фессалийцы.

30. Дело в том, что одни лишь фокийцы из жителей той области не склонялись на сторону мидян, притом, как я по соображению заключаю, не по какой-либо иной причине, но вследствие вражды к фессалийцам; если бы, напротив, фессалийцы были на стороне эллинов, фокийцы склонились бы на сторону мидян. В ответ на заявление фессалийцев фокийцы сказали, что денег не дадут им вовсе и что они могли бы, если бы только захотели, принять сторону мидян, но что по доброй воле никогда не будут предателями Эллады.

31. По получении такого ответа фессалийцы вознегодовали на фокийцев и проводили варваров в их землю. Варвары из Трахинии вторглись прежде всего в Дориду. Здесь тянется узкая полоса Дорийской земли в тридцать стадиев шириной между областями Малийской и Фокидской; в древности это была Дриопида. Эта же самая область есть родина пелопоннесских дорийцев. Вторгшись в Дорийскую область, варвары не разоряли ее, потому что тамошние жители были на стороне мидян, да и фессалийцы не желали того.

32. Из Дориды варвары вторглись в Фокиду, но не покорили фокийцев. Часть их взшла на высоты Парнаса; на вершине этой горы, особняком поднимающейся против города Неона, может удобно

поместиться толпа народа; называется она Тифора. Туда часть фокийцев снесли свое имущество и взошли сами; большинство их удалилось к озольским локрам, в город Амфиссу, который лежит по ту сторону Крисейской равнины. Варвары исходили всю Фокиду, причем войско их имело проводников из фессалийцев; куда бы они ни приходили, везде все жгли и разоряли, бросая огонь на города и храмы.

33. Здесь шли они вдоль реки Кефис и опустошили все: сожгли города Дримос, Харадру, Эрохос, Тефроний, Амфикею, Неон, Педиеи, Тритеи, Элатею, Гиамполис, Парапотамии и Абы; в Абах был богатый храм Аполлона с сокровищницами и множеством пожертвований. Там же было и теперь есть прорицалище; варвары ограбили и сожгли этот храм. Несколько фокийцев они догнали на горах и взяли в плен, нескольких женщин толпа изнасиловала, от чего те и умерли.

34. Миновав Парапотамии, варвары прибыли в Панопей. Там войско разделилось и начиная оттуда дошло двумя путями: гораздо бо льшая и сильнейшая часть войска с Ксерксом во главе по дороге в Афины вторглась к беотийцам в Орхоменскую область. Беотийский народ весь был на стороне мидян; города их охранялись македонянами, расставленными в них и с этой целью присланными Александром; они охраняли эти города и тем давали знать Ксерксу, что беотийцы заодно с мидянами. Итак, часть варваров направилась по этому пути.

35. Другая часть варваров со своими вождями устремилась к дельфийскому святилищу, направо от себя оставляя Парнас. Все местности Фокиды, куда проникали варвары, опустошались ими: они сожгли города панопеев, давлиев и эолидов. По отделении от остального войска варвары пошли этим путем с целью ограбить дельфийское святилище и представить царю Ксерксу его сокровища. Как я слышал, все замечательные предметы в этом храме известны были Ксерксу лучше, нежели те, которые он оставил в своих храмах; действительно, многие говорили о них постоянно, в особенности о пожертвованиях Алиаттова сына Креза.

36. При известии об этом дельфийцы сильно оробели. Объятые ужасом, они вопрошали прорицалище относительно священных сокровищ: следует ли закопать их в землю, или вынести в другую страну. Однако божество воспретило касаться сокровищ и объявило, что само оно достаточно сильно для защиты их. По получении такого ответа дельфийцы стали заботиться о себе самих: женщин и

детей отослали через море в Ахею, большинство их самих взойшло на вершины Парнаса, а имущество перенесено в Корикийскую пещеру; другая часть удалилась в локридскую Амфиссу. Таким образом, все дельфийцы, за исключением шестидесяти и прорицателя, покинули свой город.

37. Когда наступающие варвары были близко и уже видели храм, прорицатель по имени Акерат заметил, что перед храмом лежит священное оружие (2), вынесенное из внутренней части святилища: прикасаться к нему не смел никто из людей. Прорицатель отправился известить о чуде дельфийцев, остававшихся в городе; между тем варвары поспешно подходили к храму Афины Пронеи, и им явились чудеса еще более замечательные, нежели раньше упомянутое. Действительно, велико чудо – самопроизвольное появление военного оружия изнутри храма и нахождение перед ним. Но знамения, следовавшие вскоре за этим, были поразительнейшими чудесными явлениями, ибо, когда варвары подошли к святилищу Афины Пронеи, в это время с неба упала на них молния, а от Парнаса оторвались две вершины, с сильным шумом устремились на них и многих задавили. Из храма же Афины Пронеи слышались громкий голос и жалобные восклицания.

38. Когда все это вместе обрушилось на варваров, ими овладел ужас, а дельфийцы, узнав о бегстве неприятелей, спустились с горы и перебили немалое число их; уцелевшие бежали прямо в Беотию. Как я слышал, спасшиеся бегством варвары рассказывали, что, кроме этих чудес, они видели и другое, а именно: два тяжеловооруженных воина сверхчеловеческого роста неотступно следовали за ними, гнали и убивали их.

39. По словам дельфийцев, эти два воина – местные герои Филак и Автоной, святилища которых находятся вблизи храма: Филаково – подле самой дороги, над храмом Пронеи, а Автоноево – подле Касталии, у подножия крутого утеса Гиампии. Что касается камней, упавших с Парнаса, то они сохранились до нашего времени и лежат в святилище Афины Пронеи, куда попали через ряды варваров.

40. Между тем эллинский флот по просьбе афинян отплыл от Артемисия и причалил к Саламину. Афиняне просили эллинов пристать с кораблями к Саламину для того, чтобы самим поместить там в безопасности своих детей и женщин, а затем обсудить, что

делать дальше. Дело в том, что афиняне были обмануты в своих расчетах и теперь собирались посоветоваться о положении дел: они полагали было, что найдут пелопоннесцев со всем их войском в Беотии против варваров, но не нашли ничего подобного; они узнали, что пелопоннесцы укрепляют стеною Истм, будучи озабочены более всего спасением Пелопоннеса, что поэтому оберегают только его, а об остальной Элладе не заботятся. Вот почему при этом известии афиняне попросили союзников остановиться с кораблями у Саламина.

41. Таким образом, все союзники причалили к Саламину, а афиняне к своей земле. По прибытии сюда афиняне объявили через глашатая, чтобы каждый афинянин спасал, куда может, своих детей и слуг. После этого большинство отправили детей и слуг в Трезену, иные – на Эгину, а иные – на Саламин; все торопились спасти свое добро в безопасном месте во исполнение оракула, но больше всего по следующей причине: афиняне рассказывают, что огромная змея, страж акрополя, обитает в храме. Впрочем, не только говорят об этом, но и каждое новое новолуние совершают и предлагают змее жертву, как будто она в самом деле находится в храме; ежемесячная жертва состоит из медовой лепешки. В прежнее время такая медовая лепешка всегда бывала съедается, а теперь осталась нетронутой. Когда жрица объявила об этом, афиняне тем скорее и с большей охотой покинули город, ибо, думали они, сама богиня покинула акрополь. Вывезя все добро свое в безопасные места, афиняне отплыли к стоянке.

42. Когда эллины, которые стояли у Артемисия, расположились с кораблями у Саламина, остальной эллинский флот при известии об этом прибыл туда же из Трезены: раньше им приказано было собираться в трезенскую гавань Погон. Там корабли собрались в гораздо большем числе, нежели сколько участвовало их в сражении при Артемисии, и от большего числа городов. Главнокомандующий был тот самый, что и при Артемисии, спартанец Еврибиад, сын Евриклида, хотя не из царского рода. Наибольше кораблей, притом с самым лучшим ходом, доставили афиняне.

43. Во флоте сражались следующие эллины: из Пелопоннеса лакедемоняне на шестнадцати кораблях, коринфяне, доставившие сюда столько же вооруженных кораблей, как и к Артемисию, сикионцы доставили пятнадцать кораблей, эпидаврийцы десять, трезенцы пять, гермионяне три. Все эти эллины, кроме гермионян, – дорийского и

македонского племени; они выселились в последнее время из Эриней, Пинда и Дриопиды. Гермionyне – дриопы, вытесненные из так называемой теперь Дориды Гераклом и малийцами. Это были вышедшие из Пелопоннеса.

44. Из той части материка, что лежит за Пелопоннесом, афиняне доставили больше кораблей, чем все прочие, а именно сто восемьдесят. И притом они одни, ибо в сражении при Саламине платейцы не помогали афинянам по следующей причине: когда эллины отплывали от Артемисия и находились уже против Халкиды, платейцы высадились на противоположный берег Беотии для того, чтобы укрыть домашних своих в безопасном месте; занятые спасением их, они не участвовали в битве. Что касается афинян, то они, пока нынешнюю Элладу населяли пеласги, были пеласгами и именовались кранаями. В царствование Кекропа названы были еще кекропидами, а когда власть наследовал Эрехфей, переименованы были в афинян, наконец от Иона, сына Ксуфа, начальника афинских войск, названы ионянами.

45. Мегарцы доставили такое же число вооруженных кораблей, как и к Артемисию; ампракиоты явились на помощь с семью кораблями, а левкадцы – с тремя; эти эллины были также дорийского племени из Коринфа.

46. Из островитян эгинцы доставили тридцать кораблей; у них были и другие вооруженные корабли, но те стояли на страже у земли эгинцев; при Саламине они сражались на тридцати кораблях с наилучшим ходом. Эгинцы по происхождению дорийцы из Епидавра; раньше имя острова их было Энона. За эгинцами следовали халкидяне с теми двадцатью кораблями, которые имели они при Артемисии, и эретрийцы с семью кораблями. Это – ионяне. Дальше следовали кеосцы ионийского племени из Афин, с теми самыми кораблями, что были и у Артемисия. Наксосцы доставили четыре корабля. Подобно прочим островитянам они были посланы своими согражданами к мидянам; но приказание это оставили без внимания и прибыли к эллинам по внушению Демокрита, человека влиятельного среди сограждан и в то время командовавшего триремой. Наксосцы – по происхождению ионяне из Афин. Стирейцы доставили те же самые корабли, с какими стояли у Артемисия, а кифнии – одно пятидесятивесельное судно; те и другие – дриопы. Туда же вышли

жители Серифа, Сифноса и Мелоса; из островитян они одни отказали варвару в земле и воде.

47. Все эти эллины, сражавшиеся при Саламине, обитают по эту сторону области феспротов и реки Ахеронт, ибо феспроты живут на границе с ампракиотами и левкадцами, которые вышли на войну из крайних областей Эллады. Из тех эллинов, какие обитают за этими пределами, одни только жители Кротона явились на помощь подвергавшейся опасности Элладе с одним кораблем; начальником корабля был некий Фаилл, трижды победивший на Пифийских играх. Кротонцы по происхождению ахейцы.

48. Все союзники доставили триремы; только мелосцы, сифнийцы и серифии доставили пятидесятивесельные суда. Мелосцы происходят из Лакедемона и доставили два судна, жители Сифноса и Серифа, ионяне из Афин, привели с собой по одному судну. Общее число кораблей, кроме пятидесятивесельных судов, было триста семьдесят восемь.

49. Сойдясь у Саламина, вожди от поименованных государств устроили совещание. Еврибиад предложил, чтобы каждый желающий высказал свое мнение о том, какая страна из остающихся в их распоряжении представляется наиболее удобной для морского сражения. Дело в том, что Аттика была уже покинута, и Еврибиад спрашивал о прочих землях. Предложения большинства ораторов сводились к одному: плыть к Истму и дать морскую битву перед Пелопоннесом, причем высказывалось следующее основание: в случае поражения на море при Саламине они были бы осаждены на острове, куда не могла бы явиться к ним никакая помощь; напротив, находясь подле Истма, они могут укрыться у своих-

50. В то время как вожди пелопоннесцев высказывали такие соображения, явился некий афинянин с известием, что варвары вошли в Аттику и всю ее опустошают огнем. Действительно, та часть войска, которая с Ксерксом во главе направилась через Беотию, сожгла город Феспии (феспийцы бежали в Пелопоннес), а также Платеи и прибыла в Аттику, где все опустошала. Феспии и Платеи варвары предали пламени после того, как узнали от фиванцев, что они не на стороне мидян.

51. Варвары со времени переправы через Геллеспонт, откуда они начали свой путь и где ради перехода в Европу провели один месяц,

дошли до Аттики в три следующие месяца, когда у афинян архонтом был Каллиад- Варвары взяли пустой город, а также тех немногих афинян, которых нашли в храме, храмовых казнохранителей и бедняков; эти заградили доступ к акрополю досками и бревнами и так отбивались от неприятеля- Они не удалились на Саламин по причине бедности и потому еще, что только себя считали верными истолкователями изречения, которое дала им пифия, а именно что деревянная стена будет неодолима и что, согласно оракулу, эта стена, а не корабли, и есть верное убежище.

52. Персы расположились на том холме, противолежащем акрополю, который афиняне называют ареопагом, и стали осаждать акрополь следующим способом: стрелы обворачивали в паклю, зажигали и потом пускали из луков в укрепление. Осаждаемые афиняне, хотя доведены были до последней крайности и укрепление обрушилось, продолжали, однако, сопротивляться. Предложение Писистратидов относительно сдачи было отвергнуто афинянами; с целью защиты они употребляли различные средства, между прочим, бросали в варваров громадными камнями каждый раз, когда те подступали к воротам. Вследствие этого Ксеркс, не будучи в состоянии взять афинян, долгое время не знал, что делать.

53. Наконец после таких затруднений доступ в акрополь открылся варварам: дело в том, что, согласно изречению оракула, всей Аттике суждено было подпасть под власть персов. Итак, перед акрополем, но позади ворот и подъема, там, где не стояло никакой стражи и куда, как всем казалось, не мог взойти никто из людей, в этом-то месте, с крутым спуском подле святилища Кекроповой дочери Аглавры (3), взойшли несколько человек. Когда афиняне увидели этих варваров, взойшедших на акрополь, одни из них кинулись со стены вниз и погибли, а другие бежали внутрь святилища; взойшедшие на стену варвары бросились прежде всего к воротам, отворили их и перебили молящих о защите; по умерщвлении всех их варвары ограбили храм и предали огню весь акрополь.

54. Вполне завладев Афинами, Ксеркс отправил в Сузы всадника с приказанием известить Артабана о достигнутом успехе. На другой день после отправки вестника он созвал афинских изгнанников, следовавших за его войском, приказал им взойти на акрополь и там по своему обряду принести жертву; он приказал это или потому, что

видел во сне какой-нибудь призрак, или потому, что сожжение храма смущало его душу. Афинские изгнанники исполнили распоряжение Ксеркса.

55- Скажу теперь, почему я упомянул об этом. В акрополе есть храм Эрехфея, который почитается сыном земли, а в храме есть оливковое дерево и источник соленой воды, которые, по рассказам афинян, выставлены были свидетелями Посейдоном и Афиной в споре их из-за этой страны. Оливковое дерево истреблено было огнем вместе с самым храмом. Но когда на другой день после пожара вступили в храм те из афинян, коим царь приказал совершить жертвоприношение, они заметили, что от ствола оливы выросла ветка почти в локоть длиной, — и рассказали это.

56. Находившиеся у Саламина эллины при известии о том, что случилось с афинским акрополем, были до такой степени поражены страхом, что некоторые вожди не стали дожидаться решения подлежащего вопроса, устремились на свои корабли, подняли паруса и отплыли; оставшиеся порешили дать морское сражение перед Истмом. Наконец, наступила ночь, эллины разошлись из собрания и удалились на корабли.

57. Когда Фемистокл возвратился на свой корабль, некий афинянин Мнесифил спросил его, какое решение они приняли. Услышав от него, что решено вывести корабли к Истму и перед Пелопоннесом дать сражение на море, он сказал: «Если только эллины уведут свои корабли от Саламина, то на море ты не будешь уже сражаться за твою родину. Эллины разойдутся по своим городам, и ни Еврибад, ни кто другой не будет в состоянии удержать их и добиться того, чтобы войско не разбредось: так безрассудство вождей погубит Элладу. Поэтому, если есть какая-либо возможность, иди и попытайся отменить решение; может быть, ты как-нибудь убедишь Еврибада, он изменит свое решение и останется здесь».

58. Предложение это очень понравилось Фемистоклу. Ничего не отвечая Мнесифилу, он направился к кораблю Еврибада. По прибытии к кораблю, Фемистокл заявил Еврибаду, что желает поговорить с ним об общественном деле; тот предложил ему взойти на корабль и говорить, о чем желает. Тогда Фемистокл сел подле и изложил ему все слышанное от Мнесифила как бы свое собственное

мнение, добавил и многое другое, пока наконец просьбами не склонил Еврибиада сойти с корабля и снова созвать вождей на собрание.

59. Когда вожди собрались, Фемистокл, прежде чем Еврибиад объяснил причину собрания их, говорил долго и убеждал настойчиво. В это время вождь коринфян Адимант, сын Окита, заметил: «На состязаниях, Фемистокл, бьют палками тех, которые поднимаются преждевременно». В свое оправдание тот ответил: «Но остающиеся позади не получают венка». Столь скромно ответил Фемистокл коринфянину.

60. Напротив, Еврибиаду Фемистокл не говорил уже ничего того, что говорил прежде, а именно что союзники рассеются, если снимутся с якоря у Саламина: в присутствии союзников не подобало жаловаться на них. Он употреблял теперь другие доводы и говорил так: «В твоей власти спасти Элладу, если ты послушаешь меня, останешься и здесь дашь морскую битву, а не передвинешь своей стоянки к Истму в угоду людям, которые это предлагают. Если услышишь одно предложение, противопоставь ему другое. У Истма ты должен будешь сражаться в открытом море, а это для нас слишком невыгодно, так как корабли наши тяжелее на ходу и малочисленнее. Потом, если бы даже в остальном мы имели удачу, ты потеряешь Саламин, Мегары и Эгину. Ибо за флотом неприятеля будет следовать сухопутное войско, и таким образом ты сам поведешь варваров на Пелопоннес и подвергнешь опасности целую Элладу. Наоборот, если ты поступишь так, как я говорю, будешь иметь следующие выгоды: во-первых, если мы будем сражаться с немногими кораблями против многих на узком пространстве, то окажемся гораздо сильнее их, ибо сражение в узком месте выгодно для нас, а в широком для них. Во-вторых, уцелеет Саламин, где мы поместили наших детей и женщин. Наконец, в этом же способе действий содержится и то, чего вы жаждете больше всего: оставаясь и сражаясь на море в этом месте, ты будешь отстаивать Пелопоннес так же, как и битвой при Истме; кроме того, ты не поведешь варваров на Пелопоннес, если только сумеешь быть благоразумным. Если же случится так, как я рассчитываю, и мы со своими кораблями одержим победу, то варвары не явятся к вам на Истм и не подвинутся дальше Аттики. Они в беспорядке уйдут обратно, и мы поможем и даруем спасение Мегарам, Эгине и Саламину, у которого по изречению оракула нам суждено победить

врагов. Если люди замышляют что-либо сообразное со здравым смыслом, то обыкновенно дело удастся; напротив, если люди задумывают что-нибудь несообразное, то обыкновенно и божество не благоприятствует решениям человеческим».

61. Когда говорил это Фемистокл, коринфянин Адимант снова стал нападать на него. Он велел молчать человеку без родины и не позволял Еврибиаду давать голос человеку, лишенному города: когда Фемистокл покажет свой город, тогда только разрешал он подавать ему голос вместе с другими. Предлагал это Адимант потому, что Афины были взяты неприятелем и находились в его власти. Тогда Фемистокл долго укорял и его, и коринфянин и в речи своей доказал, что у его сограждан и город, и земля больше, чем у них, так как у афинян есть двести вполне снаряженных кораблей и нет такого эллинского народа, который мог бы отразить их нападение.

62. Доказав это в своей речи, Фемистокл перешел к Еврибиаду и говорил с бо льшим возбуждением, чем прежде: «Или ты останешься здесь и покажешь себя человеком доблестным, или не останешься и погубишь Элладу, ибо в кораблях решение этой войны. Итак, послушай меня. Если же ты не поступишь так, мы немедленно забираем на корабли наших домашних и переселяемся в Италию, в город Сирис, который искони был нашим и по изречению оракула должен быть заселен нами. Вы вспомните мои слова, когда лишитесь таких союзников».

63. Эта речь Фемистокла переубедила Еврибиада, как мне кажется, потому главным образом, что он опасался, как бы афиняне не покинули эллинов, если он переведет к Истму свои корабли. Действительно, если бы афиняне оставили союзников, то эллины не были бы уже в состоянии выдержать борьбу с варварами. Поэтому он решил оставаться на месте и здесь же дать морское сражение.

64. После споров у Саламина, согласно решению Еврибиада, союзники стали приготовляться к морской битве на этом месте. Когда на следующий день с восходом солнца случилось сотрясение на суше и на море, эллины решили дать обет богам и призвать на помощь Эакидов. Так они и сделали, а именно: дали обет всем богам, а потом призвали из Саламина Эанта и Теламона; за Эаком и прочими Эакидами отрядили корабль на Эгину.

65. Сын Феоклада Дикей, афинский изгнанник, человек влиятельный у мидян, в то время как Аттика была покинута жителями и опустошалась сухопутным войском Ксеркса, случайно находился на Фриасийской равнине вместе с лакедемонянином Демаратом. По его уверению, они увидели идущую от Элевсина пыль, как будто тысяч от тридцати человек, и когда выражали изумление, какие люди могли бы поднять такую пыль, скоро услышали восклицание, и восклицание это показалось им мистическим иакхом. Демарат был несведущ в элевсинской святыне и потому спросил его, Дикей, что означает раздавшийся голос. «Демарат, – отвечал он, – царскому войску угрожает неизбежно тяжкая беда. Так как Аттика лишена своих жителей, то очевидно голос этот божественный и идет от Элевсина на помощь афинянам и союзникам. Если облако пыли опустится к Пелопоннесу, то самому царю и его войску опасность угрожает на материке; если оно обратится к кораблям, что при Саламине, то царю предстоит опасность потерять свой флот. Элевсинское празднество афиняне совершают ежегодно в честь Матери и Кору (4), и каждый желающий из афинян и прочих эллинов посвящается в празднество; то восклицание, которое ты слышишь, они произносят в честь Иакха на этом празднестве». «Молчи, – сказал на это Демарат, – и не говори о том никому другому. Если слова твои дойдут до царя, ты потеряешь голову, и ни я, ни кто другой не в силах будем спасти тебя. Поэтому молчи, а о войске позаботятся боги». Пока Демарат давал такой совет, рассказывал Дикей, на том месте, где была пыль и слышался голос, поднялось облако и понеслось к стоянке эллинов, что у Саламина. Из этого они заключили, говорил Дикей, что гибель предстоит флоту Ксеркса. Вот что рассказывал сын Феоклада Дикей, ссылаясь на свидетельство Демарата и других.

66. После осмотра места поражения лакедемонян воины, находившиеся во флоте Ксеркса, переправились обратно из Трахина в Гистию. Там они прождали три дня и затем поплыли через Еврип; в следующие три дня они прибыли в Фалер. Как мне думается, варваров вторглось в Аттику с суши и с моря не меньше, чем сколько их перешло к Сепиаде и Фермопилам. Ибо вместо тех варваров, которые погибли от бури или пали при Фермопилах и в битвах на море при Артемисии, я ставлю воинов, которые тогда еще не следовали за царем, а именно: малийцев, дорийцев, локров, беотийцев,

выступивших со всем своим войском, кроме феспийцев и платейцев, а также каристийцев, андросцев, теносцев и прочих островитян, за исключением жителей пяти городов, имена которых упомянуты мной выше. Вообще, чем дальше подвигался персидский царь внутрь Эллады, тем больше становилось число следовавших за ним народов.

67. Итак, все эти воины вступили вАттику, кроме паросцев, которые остались позади у Кифна в ожидании исхода борьбы. Когда остальные воины прибыли в Фалер, к кораблям их сошел сам Ксеркс, дабы посоветоваться с начальниками кораблей и узнать их мнение. По прибытии туда Ксеркс занял возвышенное место; затем явились тираны подчиненных ему народов и начальники кораблей и сели в том порядке, в каком каждый из них пользовался почетом у царя, а именно: первым сел царь Сидона, вторым царь Тира, а за ними остальные приглашенные. Когда они сели в порядке один за другим, Ксеркс послал Мардония спросить и узнать мнение каждого о том, следует ли давать сражение на море.

68. Мардоний обходил и спрашивал всех, начав от сидонского царя; все высказывали одинаковое мнение, предлагая дать морскую битву, только Артемисия сказала следующее: «Передай, Мардоний, царю то, что говорю я, ибо в морских битвах при Эвбее я не была трусливее прочих и совершила подвиги не последнего разряда. Мне, владыка, подобает высказать перед тобой мое истинное мнение, которое я считаю наиболее выгодным для твоего дела, и потому скажу тебе: щади свои корабли и не давай морской битвы, так как эти люди на море настолько сильнее твоих людей, насколько мужчины сильнее женщин. Неужели тебе непременно нужно подвергать себя опасности в битвах на море? Разве ты не имеешь в своей власти Афин, ради которых и предпринимал поход? Но ты владеешь и остальной Элладой, и на пути твоём нет противника; те, которые сопротивлялись тебе, подверглись заслуженной участи. Я скажу тебе, чем, по-моему, кончится дело неприятелей. Если ты не станешь торопиться с морской битвой и будешь удерживать свои корабли здесь, у берега, или подвинешься дальше еще к Пелопоннесу, то замыслы твои, владыка, осуществляются без труда, ибо эллины не в состоянии сопротивляться тебе долгое время. Ты рассеешь их, и все они разбегутся по своим городам, ибо на этом острове нет у них, как я слышала, съестных припасов. Да и невероятно, чтобы эллины, прибывшие сюда из

Пелопоннеса, спокойно оставались здесь, когда ты поведешь на Пелопоннес сухопутное войско; им не придет тогда на мысль сражаться на море за Афины. Наоборот, если ты поторопишься дать морскую битву немедленно, то я опасаюсь, как бы поражение флота не принесло несчастья и твоему сухопутному войску. Наконец, царь, обрати внимание на то, что у хороших господ обыкновенно дурные рабы, а у дурных господ хорошие рабы. У тебя, лучшего из людей, есть дурные рабы, которые считаются в числе твоих союзников: египтяне, киприоты, киликийцы и памфилы. От них нет тебе никакой пользы».

69. Когда Артемисия говорила это Мардонию, все благорасположенные к ней огорчались такими речами в ожидании, что она претерпит что-либо недоброе от царя за то, что не советует давать сражение на море. Напротив, другие, злобствовавшие на нее и завидовавшие ей потому, что она почтена была царем превыше всех союзников, радовались этому разногласию в надежде, что оно погубит Артемисию. Когда мнения были сообщены Ксерксу, он остался очень доволен предложением Артемисии и, хотя и прежде считал ее превосходной женщиной, теперь превозносил еще больше. И все-таки Ксеркс велел следовать мнению большинства, полагая, что в сражении при Эвбее персы были нерадивы вследствие его отсутствия, теперь же он решил, что будет сам взирать на битву.

70. Когда дан был приказ отчалить от берега, варвары повели свои корабли к Саламину и там спокойно расположились и выстроились в боевой порядок. В тот день они уже не успели дать битву, потому что наступила ночь, поэтому готовились к следующему дню. Между тем страх и тревога овладели эллинами, особенно теми, кто явился из Пелопоннеса; тревожились они потому, что, находясь у Саламина, должны были сражаться за афинскую землю и в случае поражения были бы отрезаны на острове и осаждены, причем родина их оставалась бы беззащитной. И в самом деле, в тот же вечер сухопутное войско варваров отправилось на Пелопоннес.

71. Однако сделано было все возможное для того, чтобы варвары не вторглись в Пелопоннес с суши, а именно: лишь только пелопоннесцы узнали о гибели Леонида с воинами при Фермопилах, они сбежались из своих городов к Истму и там расположились; начальником их был сын Анаксандрида и брат Леонида Клеомброт. Расположившись у

Истма, они засыпали Скиронову дорогу, а потом, согласно общему решению, провели стену через Истм. Так как там были многие тысячи людей и все участвовали в работе, то сооружение подвигалось быстро. Сносились каменные плиты, кирпичи, бревна и полные коробки песку, причем работы эллинов, собравшихся к Истму, вовсе не останавливались – ни днем, ни ночью.

72. Из эллинов явились поспешно к Истму следующие народы: лакедемоняне, все племена аркадцев, элейцы, коринфяне, сикионцы, эпидаврийцы, флиунты, трезенцы и гермионяне. Таковы были эллины, поторопившиеся на защиту Истма и сильно перепуганные угрозавшей Элладе опасностью. Напротив, остальные жители Пелопоннеса не заботились о том нисколько. Между тем празднества олимпийские и карнейские уже миновали.

73. Пелопоннес занимают семь народов; два из них туземного происхождения и населяют теперь ту же самую область, что и в древности, а именно аркадцы и кинурии. Один народ, ахейский, не выходил из Пелопоннеса, но покинул свою область и теперь там занимает чужую. Прочие четыре народа из семи – пришельцы: дорийцы, этолийцы, дриопы и лемносцы. У дорийцев есть много знаменитых городов, у этолийцев один только – Элида, у дриопов – Гермiona и Асина, что подле лаконского города Кардамылы. Все парореаты – лемносцы. Из числа туземцев, кажется, одни только кинурии – ионяне; но они превратились в дорийцев частью потому, что находились под властью аргивян, а частью от действия времени: они занимают Орней и окрестности Аргоса. Остальные города этих семи народов, кроме перечисленных, стояли в стороне от защитников Эллады, а если сказать правду, то, находясь в стороне от обороны, стояли заодно с мидянами.

74. Итак, те из эллинов, какие находились на Истме, неустанно заняты были работой, как бы вступая уже в последнюю борьбу и не питая надежды совершить что-либо славное на море. Однако эллины, стоявшие у Саламина, хотя и слышали о работах на Истме, были в тревоге, опасаясь не столько за самих себя, сколько за Пелопоннес. Некоторое время они ходили друг к другу и украдкой беседовали, изумляясь безрассудству Еврибиада; наконец недовольство прорвалось наружу. Состоялось собрание, на котором говорили много, все о тех же делах, причем, по мнению одних, следовало отплыть к Пелопоннесу и

сражаться за него, а не оставаться для борьбы за покоренную страну; напротив, афиняне, эгинцы и мегарцы предлагали оставаться на этом месте для отражения неприятеля.

75. Когда предложение пелопоннесцев стало одерживать верх, Фемистокл тайком вышел из собрания и послал в стоянку мидян человека в лодке с поручением сказать там, что было нужно; человек этот, по имени Сикинн, был рабом Фемистокла и воспитателем детей его. После этих событий, когда жители Феспий принимали новых граждан, Фемистокл помог Сикинну сделаться феспийским гражданином. В то время он прибыл в лодке к варварам и обратился к их вождям с такой речью: «Меня послал начальник афинян тайком от прочих эллинов сказать – он сочувствует царю и больше желает победы вам, нежели эллинам, – что эллины в страхе замышляют бегство, и что теперь вы имеете возможность совершить славнейший подвиг, если только не дадите им разбежаться. Они враждуют друг с другом и не устоят против вас; вы увидите, что одни из них, сочувствующие вам, будут сражаться против других, вам не сочувствующих». Сикинн объявил им это и тотчас удалился обратно.

76. Варвары поверили известию и прежде всего высадили множество персов на островок Пситталию, что лежит между Саламином и материком; потом в полночь выступили в открытое море корабли, стоявшие на западном крыле, к Саламину с целью окружить остров; в то же время отчалили и те корабли, которые стояли у Кеоса и Киносур (5), и заняли весь пролив до Мунихия. Варвары вывели свои корабли с целью отнять у эллинов возможность убежать и чтобы запереть их на Саламине и отметить за битвы при Артемисии. С другой стороны, многие персы высажены были на островок Пситталию для того, чтобы в случае морской битвы, когда люди и обломки кораблей должны будут приставать главным образом к этому месту (остров лежал как раз в том проливе, где ожидалось сражение), – чтобы на этот случай персы могли спасать одних, своих, и истреблять других, чужих. Все это варвары делали в тишине, чтобы не проведали о том враги их, и заняты были всю ночь без сна.

77. Я не умею возражать против изречений гадателей и доказывать, что они неверны, потому что не желаю отвергать изречений метких, каково следующее:

Когда сопрягут мостом из кораблей священный берег Артемиды
В золотом вооружении и лежащую на море Киносуру
Преисполненные безумной надежды вследствие разрушения
славных Афин,
Тогда божественная Правда смирит чрезмерную Алчность,
Детище Наглости (6), яростно неистовствующее и замышляющее
сожрать все.
Ибо медь сразится с медью, и море окрасит кровью Арес.
Тогда далеко видящий Кронид и достойная Победа даруют
Элладе день свободы.

Так как Бакид дает столь меткое слово, то я не дерзаю говорить что-либо сам против его изречений и не верю другим.

78. Тем временем между вождями при Саламине происходил сильный спор, и они еще не знали, что варвары на своих кораблях окружили их; даже когда днем увидели их ряды, то воображали, что варвары занимали прежнее место.

79. Пока вожди спорили между собой, из Эгины переправился к ним афинянин, сын Лисимаха Аристид, которого народ предал было ostracism. Я слышал о его характере и убежден, что это был наилучший и справедливейший человек в Афинах. Он подошел к собранию и вызвал Фемистокла, который был не друг ему, а злейший враг. Однако, ввиду тогдашних тяжких бед, он забыл о вражде и вызвал Фемистокла, желая переговорить с ним. Раньше он слышал, что пелопоннесцы настаивали на том, чтобы флот отплыл к Истму. Когда Фемистокл вышел, Аристид сказал ему следующее: «Во всякое время, а в особенности теперь, нам следует состязаться из-за того, кто может сделать больше добра родине. Скажу тебе, что совершенно безразлично, много ли или мало будут говорить об отплытии флота отсюда к пелопоннесцам. Говорю тебе как очевидец, что теперь ни коринфяне, ни сам Еврибиад, как бы они ни желали, не могут отплыть отсюда: мы со всех сторон окружены неприятелем. Ступай в собрание и объяви это».

80. «Ты даешь очень полезный совет, — отвечал Фемистокл, — и приносишь благую весть. То, чего я так желал, теперь исполнилось, и

ты сам был очевидцем этого. Узнай же, что мидяне поступили так по моему внушению. Так как эллины добровольно не желали вступать в битву, то необходимо было принудить их к тому против их желания. Так как ты пришел сюда с добрым известием, то сам и сообщи его эллинам, ибо если я передам эту весть, они подумают, что она сочинена мной, и не поверят, что так поступили варвары. Поэтому сам подойди к ним и объяви, каково наше положение. Если ты объявишь им и они поверят, это наилучше, если же не поверят, для нас безразлично: они не разбегутся более, ибо, по твоим словам, мы окружены со всех сторон».

81. Аристид подошел к эллинам и сообщил им то же самое, прибавив, что прибыл от Эгины и лишь с трудом проплыл между выстроившимися неприятельскими кораблями. Стоянка эллинов окружена со всех сторон кораблями Ксеркса, поэтому он советует готовиться отразить врага. Сказав это, Аристид вышел, а между вождями снова начались споры, потому что большинство их не верило известию Аристида.

82. Они еще не верили известию, когда явилась трирема с теносскими перебежчиками, находившаяся под начальством Пантия, сына Сосимена; трирема передала всю правду. За этот подвиг теносцы вписаны на дельфийском треножнике в числе эллинов, сокрушивших варвара. Вместе с этим кораблем, перебежавшим к Саламину, и с тем лемносским, что раньше перебежал к Артемисию, флот эллинов достиг полной цифры трехсот восьмидесяти кораблей, ибо прежде недоставало до этого числа двух кораблей.

83. Так как вожди эллинов поверили сообщению теносцев, то стали готовиться к морской битве. На заре они созвали собрание флотских воинов, перед которыми Фемистокл произнес превосходную речь и говорил лучше всех вождей. Вся его речь состояла в том, что лучшее противопоставлялось худшему, насколько то и другое содержится в природе и положении человека. Он убеждал их выбрать лучшее и в заключение речи велел взойти на корабли. Воины стали всходить на корабли, а в это время прибыла от Эгины трирема, которая послана была за прочими Эакидами.

84. Эллины вывели в море все свои корабли, и варвары тотчас напали на них. Все эллины думали было грести уже назад и пристать с кораблями к берегу; только афинский гражданин Аминий из Паллены

выступил вперед и ударил на неприятельский корабль. Один корабль сцепился с другим, и воины их не могли уже разойтись; тогда прочие корабли поспешили на помощь Аминию и вступили в битву. Так началось сражение на море по рассказу афинян, а эгинцы передают, что сражение начато было той триремой, которая отлучалась на Эгину за Эакидами. Кроме того, передают, что к эллинам явился женский призрак, отдававший приказание так, что голос его слышала вся стоянка эллинов, а перед тем стыдивший их словами: «Доколе, трусы, вы будете грести назад?»

85. Против афинян выстроились финикияне, так как они занимали северо-западное крыло со стороны Элевсина, а против лакедемонян – ионяне, занимавшие юго-восточный фланг со стороны Пирея (7). Только немногие из ионян, согласно внушению Фемистокла, действовали нерадиво, большинство не последовало этому внушению. Я мог бы перечислить имена многих начальников трирем, овладевших эллинскими кораблями, но вовсе не назову их, за исключением двух самосцев: сына Андродаманта Феоместора и сына Гистиея Филака. Имена двух только начальников я называю потому, что за этот самый подвиг Феоместор сделался тираном Самоса по назначению персов, а Филак записан был в число «благодетелей» царя и награжден обширными землями. Эти «благодетели» царя называются по-персидски оросангами. Так было с этими начальниками трирем.

86. Большинство варварских кораблей погибло в сражении при Саламине, причем одни из них уничтожены были афинянами, другие эгинцами. Так как эллины сражались на море с соблюдением правил, все на своих местах, а варвары не успели еще устроиться и ничего не делали со смыслом, то неизбежно должно было случиться то, что и случилось на самом деле. Однако в тот день варвары показали себя гораздо мужественнее, нежели в сражении при Эвбее, потому что почти каждый из них из страха перед Ксерксом сражался с усердием, и каждому казалось, что на него глядит сам царь.

87. Относительно прочих воинов я не могу сказать с точностью, как сражался тот или другой из варваров и эллинов. Но Артемисия сделала следующее, чем стяжала себе у царя еще большее уважение. Когда дела царя пришли уже в большое расстройство, в это самое время за кораблем Артемисии пустился в погоню аттический корабль; корабль ее не мог спастись, потому что впереди его находились многие корабли

союзников, а сам он был очень близок к неприятельским судам. Тогда-то она употребила следующее средство, которое действительно оказалось полезным: преследуемая аттическим кораблем, она стремительно бросилась на союзнический корабль калиндян, на котором плыл и царь калиндян Дамасифим. Была ли у Артемисии вражда к нему еще в то время, когда она находилась у Геллеспонта, я не могу сказать с точностью, не знаю и того, сделала ли она это намеренно или же корабль калиндян только случайно встретился с ее кораблем. Она бросилась на корабль и быстро затопила его, извлекая для себя из этого счастливого случая двойную выгоду, а именно: когда начальник аттической триремы заметил, что Артемисия напала на варварский корабль, то или принял ее корабль за эллинский, или подумал, что корабль перебежал от варваров к эллинам и им помогает; поэтому повернул в сторону от нее и обратился на другие корабли.

88. Итак, первая выгода дня для Артемисии была та, что она избежала гибели, вторая – что этим коварным поступком она стяжала себе от Ксеркса высочайшее уважение. Как говорят, царь, наблюдая за битвой, видел, что ее корабль напал на другой, причем кто-то из приближенных сказал ему: «Видишь ли, государь, как доблестно сражается Артемисия и как она затопила неприятельский корабль?» Царь спросил, действительно ли это сделано Артемисией, на что те отвечали утвердительно, ибо хорошо знали отличительный знак ее корабля, а погибший корабль приняли за неприятельский. Как сказано выше, все случившееся послужило к ее благополучию, и то, между прочим, что с калиндского корабля не спасся ни один воин, который мог бы обличить Артемисию. Говорят, на замечание приближенных Ксеркс заметил: «Мужчины стали у меня женщинами, а женщины мужчинами». Вот что, говорят, сказал Ксеркс.

89. В этом сражении пал военачальник Ариабигн, сын Дария, брат Ксеркса; пало много и других знатных персов, мидян и прочих союзников; из эллинов пали только немногие. Так как эллины умели плавать, то те из них, у которых корабли были повреждены и которые не погибли в рукопашном бою, переплывали на Саламин; напротив, большинство варваров не умело плавать и потому гибло в море. С того времени, как первые корабли варваров обратились в бегство, они погибали в огромном числе. Дело в том, что задние ряды воинов пытались пройти на кораблях вперед, желая также отличиться перед

царем каким-нибудь подвигом, и сталкивались с убегающими кораблями своих же воинов.

90. В этом смятении случилось еще следующее: несколько финикиян, корабли которых были уничтожены, явились к царю и обвиняли ионян в том, что через их предательство они потеряли свои корабли; однако случилось так, что вожди ионян не были казнены, а оклеветавшие их вожди финикиян получили возмездие. Пока обличители еще говорили, на аттический корабль напал корабль самофракийский; аттический стал тонуть, а быстро подоспевший эгинский корабль затопил самофракийский. Но самофракийцы были искусны в метании копий; ударами копий они сбили воинов с тонувшего корабля, потом взошли на него и так завладели им. Этот-то случай и спас ионян. Действительно, когда Ксеркс увидел столь славное дело их, он в сильнейшем гневе и с ругательствами обрушился на всех финикиян, затем велел отрубить им головы, чтобы не клеветали на храбрецов, будучи сами трусами. Ксеркс сидел у подошвы горы, которая возвышается против Саламина и называется Эгалеос, и всякий раз, когда замечал, что кто-либо из его воинов отличается в морской битве, расспрашивал о нем, а писцы записывали имя начальника корабля вместе с названиями отца его и города. Несколько причастным к такой судьбе финикиян был и перс Ариарамн, друг ионян, присутствовавший при этом. Палачи обратились к финикиянам.

91. Когда варвары, спасаясь, пустились бежать к Фалеру, эгинцы устроили на них засаду в проливе и совершили замечательные подвиги. Тогда как афиняне в общем смятении разбивали те из кораблей, которые оказывали им сопротивление или убегали, эгинцы повреждали корабли, отплывавшие к Фалеру; несколько раз корабли, убегавшие от афинян, попадали на пути своем в руки эгинцев.

92. В это время случайно повстречались корабли Фемистокла, преследовавшего неприятельский корабль, и эгинца Поликрита, сына Криоса, напавшего на тот самый сидонский корабль, который захватил было корабль эгинский, стоявший на передовом посту у Скиафа. На этом корабле находился сын Исхеноя Пифей, которого персы изрубили и из удивления к его храбрости держали на корабле. Сидонский корабль, везший Пифея, взят был в плен вместе с персами, так что Пифей живым доставлен был на Эгину. При виде аттического корабля,

Поликрит по особому знаку признал его за судно начальника, громким голосом вызвал Фемистокла, глумился над ним и с укоризной напоминал о «сочувствии эгинцев мидянам». Поликрит укорял в этом Фемистокла после того, как напал на неприятельский корабль. Между тем варвары, корабли которых уцелели, бежали и прибыли в Фалер под защиту сухопутного войска.

93. В этой морской битве наибольшую славу из эллинов стяжали себе эгинцы, потом афиняне, а из отдельных воинов эгинец Поликрит и афиняне – Евмен, сын Анагирунта, и Аминий из Паллены, который преследовал и Артемисию. Если бы Аминий знал, что Артемисия была на этом корабле, то не перестал бы преследовать его до тех пор, пока не захватил бы корабля или сам не был бы взят в плен. Так приказано было начальникам афинских трирем; кроме того, назначена была награда в десять тысяч драхм тому, кто захватит Артемисию живой, ибо они сильно негодовали на то, что женщина пошла на войну против Афин. Но она, как мы сказали выше, убежала; в Фалере же укрылись и прочие варвары со своими уцелевшими кораблями.

94. По словам афинян, коринфский вождь Адимант, лишь только корабли сразились, немедленно в страхе и ужасе велел снять паруса и бежал; коринфяне при виде бегства начальнического судна также отступили. Когда, убегая, они находились подле святилища Афины Скирады, что на Саламине, встретилось им, продолжают афиняне, по божескому соизволению быстроходное судно, которого, как оказалось, никто не посылал; при встрече с судном коринфяне ничего еще не знали о том, что случилось с флотом. Что это было делом божества, коринфяне заключили из следующего: приблизившись к кораблям, находившиеся в судне люди сказали: «Ты, Адимант, повернул назад свои корабли, покинул эллинов и обратился в бегство, а они теперь одерживают такую победу над неприятелем, какой сами желали». Так как Адимант не верил известию, то они снова сказали, что готовы отдаться ему в качестве заложников и принять смерть, если эллины не окажутся победителями. Только после этого Адимант и прочие коринфяне повернули назад свои корабли и явились в стоянку эллинов, когда все кончилось. Такая молва о коринфянах идет от афинян; сами они отвергают этот рассказ и утверждают, что в морском сражении они были в числе первых; согласно с ними свидетельствует и остальная Эллада.

95. Сын Лисимаха афинянин Аристид, о котором я упоминал недавно как о наилучшем человеке, поступил следующим образом во время битвы при Саламине. Взял с собой много тяжеловооруженных воинов из числа расставленных вдоль саламинского берега, афинян по происхождению, и высадился с ними на остров Пситталию; они перебили всех персов, находившихся на этом островке.

96. Когда сражение кончилось, эллины вытащили на Саламин все находившиеся еще там обломки кораблей и приготавливались к новой морской битве в уверенности, что царь снова употребит в дело уцелевшие корабли. Между тем западный ветер подхватил множество корабельных обломков и понес их к берегу Аттики, к так называемому мысу Колиада. Так целиком исполнилось не только то изречение оракула об этой морской битве, которое приписывается Бакиду и Мусею, но и те слова относительно вынесенных сюда обломков кораблей, которые за много лет до того произнесены были афинским прорицателем Лисистратом в изречении, остававшемся непонятным для всех эллинов, а именно:

Колиадские женщины будут жарить на веслах.

Это и должно было исполниться по удалении персидского царя.

97. При виде поражения Ксеркс боялся, как бы кто-либо из ионян не посоветовал эллинам или же как бы не вздумали они сами плыть к Геллеспонту для разрушения мостов; он боялся гибели, если будет отрезан в Европе, и потому стал помышлять о бегстве. Желая скрыть это намерение от эллинов и собственных воинов, он велел делать насыпь к Саламину, связать вместе финикийские суда, чтобы они служили мостом и стеной, и готовился к битве, как бы собираясь дать новое сражение на море. Видя такое поведение Ксеркса, все были вполне убеждены, что он серьезно решил оставаться и вести войну; только Мардоний, как наилучше знавший его характер, ничем этим не обманывался.

98. В то же время Ксеркс послал в Персию гонца с известием о постигшем его несчастье. Среди смертных существ нет такого, которое достигало бы места назначения быстрее персидского вестника; так

искусно это устроено персами. Рассказывают, что на сколько бы дней ни тянулся весь путь, на всем его протяжении расставляются столько лошадей и людей, чтобы на каждое расстояние в один день пути приходилось по одной лошади и по одному человеку. Ни снег, ни дождь, ни жара, ни ночь не могут воспрепятствовать тому, чтобы каждый из них совершил подлежащий путь с возможной быстротой. Первый гонец передает возложенное на него поручение второму, второй третьему; и так все дальше поручение передается от одного другому, подобно тому как у эллинов совершается ношение факела на празднике Гефеста. Эту почту на лошадях персы называют «ангарейон».

99. Первое полученное в Сузах известие о том, что Ксеркс взял Афины, привело в такой восторг оставшихся дома персов, что они все улицы усыпали миртами, воскурляли фимиами, приносили жертвы и предавались пиршествам. Напротив, второе пришедшее к персам известие так потрясло их, что все они разорвали на себе одежды и разливались в бесконечных воплях и жалобах, причем Мардония считали виновником бед. Так вели себя персы не столько из горя о гибели кораблей, сколько из страха за Ксеркса, и это продолжалось все время до тех пор, пока появление самого Ксеркса не успокоило их.

100. Когда Мардоний увидел, как тяжело удручен Ксеркс исходом морской битвы, он подозревал, что царь замышляет бежать из Афин. Сообразив, что должен будет понести наказание за то, что склонил царя идти войной на Элладу, Мардоний решил, что для него выгоднее попытаться еще счастья в битве, в надежде или покорить Элладу, или кончить жизнь с честью в борьбе за великое дело. Впрочем, он больше рассчитывал на покорение Эллады. Обдумав все это, Мардоний обратился к царю с такой речью: «Не печалься, государь, и не огорчайся слишком тем, что случилось. Ибо состязание не бревен, а людей и лошадей решит для нас исход войны. Ни один из народов, которые воображают, что все уже кончено, не дерзнет, сойдя с кораблей на сушу, противостоять тебе, равно как не решится на это ни один с этого материка: те, которые сопротивлялись тебе, понесли наказание. Если тебе угодно, мы теперь же нападём на Пелопоннес, а если хочешь подождать, можно сделать и потом. Не теряй бодрости духа! Ибо эллинам нет спасения; они должны стать твоими рабами и заплатить за то, что учинили теперь и прежде; лучше всего поступи

таким образом. Если же ты решишься уйти сам и увести с собою войско, у меня готов другой совет, соответствующий и такому решению. Не делай, царь, персов посмешищем для эллинов: персы не причинили тебе никакого ущерба, и ты не можешь сказать, что мы народ трусливый; если трусами оказались финикияне, египтяне, киприоты и киликийцы, то в этом несчастье персы вовсе не повинны. Итак, персы не виноваты перед тобой, а потому послушай меня: если не угодно тебе оставаться здесь, возвращайся в свои владения с большей частью войска, а я с отборными тремястами тысяч воинов обязуюсь поработить тебе Элладу».

101. Ксеркс выслушал это с удовольствием и радостью, насколько можно было радоваться после таких несчастий, и сказал Мардонию, что обсудит положение дела и ответит, то ли он сделает или другое. Когда он совещался с приглашенными персами, то решил позвать на совещание и Артемисию, потому что раньше она одна, как оказалось, понимала, что следовало сделать. Когда Артемисия явилась, царь отпустил всех персов советников и копьеносцев и сказал ей следующее: «Мардоний советует мне остаться здесь и напасть на Пелопоннес. Он говорит, что персы и сухопутное войско ничуть не виноваты в поражении и что они охотно дадут доказательство своей невиновности. Поэтому он советует мне или так поступить, или выражает желание самому покорить моей власти Элладу с отборными тремястами тысяч войска, предлагая мне с остальным войском возвратиться в мои владения. Так как ты давала мне тогда благой совет относительно морской битвы, а именно удерживала от нее, то и теперь посоветуй, то ли мне сделать или другое, чтобы выбрать лучшее решение».

102. Ксеркс спрашивал совета, а Артемисия отвечала ему так: «Трудно, царь, найти мне самый полезный совет для тебя, но при настоящих обстоятельствах мне кажется, что тебе самому следует возвратиться домой, а Мардония, если он хочет и дает такое обещание, оставить здесь, с кем он пожелает. Ибо, во-первых, если он сделает такие завоевания, о каких мечтает, и если осуществятся замыслы, которые он высказывает, то, государь, это будет твоим делом, потому что исполнят его рабы твои. Во-вторых, если бы случилось противное желаниям Мардония, то большого несчастья не будет, потому что уцелеешь ты и могущество дома твоего. Ведь если уцелеешь ты с

домом твоим, то эллины многократно и часто должны будут бороться за свое существование, а для Мардония не важно, если бы что и случилось с ним. Потом, если бы даже эллины одержали над ним победу, то еще не были бы победителями, потому что они сокрушили бы твоего раба. Ты сжег Афины, ради чего и предпринят тобой поход, и возвратись домой».

103. Советом Ксеркс остался доволен: Артемисия в своем ответе советовала то, что он и сам думал. Действительно, я полагаю, Ксеркс не остался бы здесь даже в том случае, если бы оставаться советовали ему все мужчины и все женщины: до такой степени он оробел. Поэтому Ксеркс похвалил Артемисию и поручил ей отвезти сыновей его в Эфес: несколько незаконнорожденных сыновей Ксеркса следовали за ним в походе.

104. Вместе с сыновьями Ксеркс послал стража Гермотима, по происхождению педасейца, который среди царских евнухов занимал первое место. Педасейцы живут севернее Галикарнасса. У этих педасейцев, как рассказывают, случается следующее: когда жителям окрестностей этого города угрожает в близком будущем какое-нибудь несчастье, тогда у тамошней жрицы богини Афины вырастает большая борода. Это случалось у них уже дважды.

105. Из среды этих-то педасейцев и происходил Гермотим, который за нанесенную ему обиду отомстил больше всех известных мне людей. Дело в том, что он был взят в плен неприятелем и продан. Купил его житель Хиоса Панионий, который поддерживал свое существование нечестивейшим ремеслом: покупал красивых мальчиков и всех оскорял, потом отвозил их в Сарды и Эфес и там продавал за большие деньги, ибо у варваров евнухи за их верность во всякого рода делах ценятся дороже, нежели неоскорянные мужчины. Панионий многих подверг уже оскорянию, потому что жил с этого, и, между прочим, Гермотима. Однако Гермотим не во всем был несчастлив: из Сард он явился к персидскому царю с различными подарками и спустя некоторое время приобрел у Ксеркса из всех евнухов наивысший почет.

106. Когда царь с персидским войском шел на Афины и находился в Сардах, в это время Гермотим по какому-то делу отправился в Мисийскую область, которую занимают хиосцы и которая называется Атарней, и там встретил Паниония. Он узнал его, говорил с ним долго

и ласково, причем прежде всего перечислил все блага, какими благодаря ему пользовался теперь, а потом обещал Панионию сделать ему за это много добра, если он переселится в Атарней со своими родственниками и будет жить там. Панионий с радостью принял предложение и переселился с женой и детьми. Когда Гермотим захватил Паниония со всей семьей, то обратился к нему с такой речью: «Ты, приобретающий себе средства к жизни нечестивейшим занятием, что дурного я сделал тебе, сам я или кто-либо из моих предков, тебе или кому-либо из твоих? За что ты из мужчины превратил меня в ничто? Ты воображал тогда, что скроешь свои деяния от богов? Но боги по закону справедливости предали тебя за твои нечестивые деяния в мои руки. Поэтому не жалуйся на кару, какая последует тебе от меня». Когда после этой грозной речи приведены были к нему сыновья Паниония, сему последнему приказано было отрезать детородные части родным детям, которых было четверо, что он и вынужден был сделать. Потом, когда Панионий исполнил это, Гермотим принудил сыновей совершить оскотление над своим отцом. Такая месть постигла Паниония от Гермотима.

107. Когда Ксеркс поручил Артемисии отвезти сыновей в Эфес, тогда позвал Мардония и приказал ему выбрать себе воинов, каких желает, и постараться совершить дела, достойные речей его. Так прошел этот день, а на следующую ночь вожди, согласно распоряжению царя, направились со своими кораблями из Фалера обратно к Геллеспонту с возможной для каждого быстротой, дабы охранить мосты для перехода царя в Азию. Подплыв близко к Зостеру, где к морю тянутся небольшие мысы эллинского материка, варвары приняли их за неприятельские корабли и отбежали на далекое расстояние; только со временем, узнав, что это не корабли, а мысы, они собрались снова и продолжали путь.

108. С рассветом эллины видели, что сухопутное войско остается на том же месте, и полагали, что флот по-прежнему находится подле Фалера. Они ждали, что варвары возобновят морскую битву, и потому готовились к отражению. Когда же узнали, что корабли ушли, немедленно решили преследовать их; они гнались до Андроса, но флота Ксерксова не видели и по прибытии к Андросу устроили совещание. Фемистокл предлагал направить корабли между островов и в погоне за флотом плыть прямо к Геллеспонту, чтобы разрушить там

мосты. Еврибиад высказал противное мнение, говоря, что если они разрушат мосты, то этим повергнут Элладу в величайшее несчастье. Ибо, говорил он, если персидский царь, будучи отрезан, вынужден будет оставаться в Европе, то он постарается не бездействовать, потому что при бездействии никакой успех не будет для него возможен, невозможным сделается и самое возвращение домой, а войско его погибнет от голода; напротив, если он будет действовать неустанно, то все в Европе может перейти к нему, город за городом, народ за народом; они или будут взяты силой, или еще раньше заключат с ним мирный договор; пропитание варварам непрерывно будут доставлять ежегодные сборы плодов у эллинов. Однако ему кажется, что после поражения на море царь персидский не останется в Европе и следует дать ему бежать, пока он не укроется в свою землю; тогда-то, предлагал Еврибиад, следует вести с ним борьбу уже за его владения. Прочие вожди пелопоннесцев присоединились к этому мнению.

109. Заметив, что не может убедить большинство собрания плыть к Геллеспонту, Фемистокл обратился от пелопоннесцев к афинянам, так как эти последние больше всех огорчены были тем, что варвары убегают, стремились плыть к Геллеспонту, хотя бы одним, если не пожелают того прочие эллины. Фемистокл сказал им: «Я сам был уже свидетелем множества таких случаев и еще большее число их знаю по слухам: когда народы, доведенные поражением до крайности, снова поднимались на борьбу и прежнее поражение заглаживалось. Мы, спасшие неожиданно и себя самих, и Элладу, отразившие такие полчища людей, не станем преследовать бегущих. Ведь не мы совершили это, но боги и герои, им ненавистно было, чтобы над Азией и Европой владычествовал один человек, нечестивый и преступный, тот самый, который одинаково обращался с храмами и частными жилищами, сжигал их и низвергал кумиры, который бичевал море и опустил в него оковы. Теперь, когда совершилось все это, для нас выгодно остаться в Элладе и позаботиться о себе самих и о своих домашних; пускай каждый восстановит свой дом и займется усердно посевом, после того как враг будет окончательно отражен. А с весной мы поплывем к Геллеспонту и Ионии». Фемистокл говорил это для того, чтобы на будущее время обеспечить себе милость персидского

царя и иметь убежище на случай, если бы от афинян постигла его какая беда. Так действительно и случилось.

110. Говоря это, Фемистокл обманывал афинян, а они верили ему, ибо и прежде он считался человеком умным, а теперь ум его и проницательность подтвердились на деле, почему афиняне с полной готовностью последовали его совету. Лишь только они согласились на это, Фемистокл немедленно отправил на судне доверенных людей (он был уверен, что они не откроют даже под пыткой того, что он велел им передать царю). В их числе опять был и слуга его Сикинн. По прибытии к берегам Аттики все остались на судне, а Сикинн поднялся к Ксерксу и сказал ему: «Меня послал Фемистокл, сын Неокла, вождь афинский, из всех союзников достойнейший и умнейший, объявить тебе, что афинянин Фемистокл с целью оказать тебе услугу удержал эллинские корабли, желавшие преследовать тебя и разрушить мосты на Геллеспонте. Теперь возвращайся совершенно спокойно». Сказав это, эллины отплыли обратно.

111. Когда решено было не преследовать дальше варварских кораблей и не плыть к Геллеспонту для разрушения переправы, эллины расположились кругом Андроса, чтобы взять остров; ибо жители Андроса были первые из островитян, к которым Фемистокл обратился с требованием денег и которые ему в том отказали. Когда Фемистокл объявил им, что явились афиняне с двумя сильными божествами, Увещанием и Принуждением, и что поэтому деньги должны быть непременно даны ему, жители Андроса отвечали на это: «Афины наверное велики и богаты, потому что имели богов полезных, тогда как андросцы бедны землей в высочайшей степени и два бесполезных божества не покидают их острова, но всегда охотно живут на нем, Бедность и Беспомощность, и обладающие такими божествами андросцы денег не дадут, ибо могущество афинян ни за что не осилит их немощи». Так отвечали андросцы и не дали денег, а потому были осаждены.

112. Фемистокл не унимался в своем корыстолюбии, и тех самых послов, которые посылались к царю, отправлял и на прочие острова с угрозами и с требованием денег, причем объявлял, что, если они не дадут требуемого, он пойдет на них с эллинским войском, осадит и завоюет их. Такими речами Фемистокл собрал большие суммы денег от каристян и паросцев. При известии о том, что Андрос за сочувствие

мидянам подвергся осаде, и зная, что Фемистокл из всех полководцев пользуется наибольшим значением, жители этих островов посылали ему деньги, опасаясь такой же участи. Я не могу сказать, давали ли деньги и какие-нибудь иные острова, но полагаю, давали не эти одни, но и некоторые другие. Однако это нисколько не отвратило беды от каристян, а паросцы умилоствовали Фемистокла деньгами и тем избежали нападения. Отправляясь от Андроса, Фемистокл собирал деньги с островитян тайком от прочих военачальников.

113. Между тем войско Ксеркса, выждав несколько дней после морской битвы, двинулось тем же самым путем обратно в Беотию. Ибо Мардоний решил, во-первых, что царя следует провожать, а во-вторых, что время года для войны было уже неудобное, что лучше перезимовать в Фессалии, а потом с весной сделать нападение на Пелопоннес. По прибытии в Фессалию Мардоний выбрал для себя из персов прежде всего всех так называемых бессмертных (кроме вождя их Гидарна, так как сей последний решил не покидать царя), потом из прочих персов тех, которые были в панцирях, тысячу человек конницы, а также мидян, саков, бактрийцев, индийцев, пехотинцев и конников. Эти народности он взял целиком, а из прочих союзников выбирал понемногу, именно таких, которые выделялись красивой наружностью или которые, как он слышал, совершили что-нибудь замечательное. Из выбранных им отдельных народностей персы были наиболее многочисленны, за ними следовали мидяне. Эти последние были не малочисленнее персов, но уступали им в силе. Таким образом, всех вообще воинов вместе с конницей было у Мардония триста тысяч человек.

114. В то время как Мардоний делил войско, а Ксеркс находился в Фессалии, лакедемоняне получили из Дельф изречение оракула, повелевавшее требовать от Ксеркса удовлетворения за смерть Леонида и принять то, что он предложит им. Спартанцы со всей поспешностью послали глашатая, который нашел еще все персидское войско в Фессалии, предстал пред Ксерксом со следующими словами: «Лакедемоняне и Гераклиды из Спарты требуют от тебя, царь мидян, удовлетворения за смертоубийство, потому что ты умертвил царя их, когда он защищал Элладу». Ксеркс рассмеялся и долгое время ничего не отвечал, наконец, указывая на Мардония, который случайно находился подле него, произнес: «Вот пускай Мардоний даст им

подобавшее удовлетворение». Глашатай принял это замечание и удалился.

115. Ксеркс оставил Мардония в Фессалии, а сам поспешно направился к Геллеспонту и прибыл к месту переправы через сорок пять дней, можно сказать, совсем без войска. Куда и к какому народу варвары ни приходили, везде грабили плоды и питались ими; если же плодов не находили, то собирали вырастающую из земли траву, сдирали кору с деревьев, обрывали листья как домашних, так и диких деревьев и ели все без остатка. К этому вынуждал их голод. Кроме того, войско постигли и истребляли чума и кровавый понос. Заболевавших воинов Ксеркс оставлял по городам, через которые проходил, и приказывал жителям ухаживать за больными и кормить их; так, некоторых оставил он в Фессалии, других в Сирисе, что в Пеонии, третьих в Македонии. Там же покинул он и священную Зевсову колесницу, когда шел на Элладу; на обратном пути он не взял колесницы, потому что пеоны отдали ее фракийцам, а на требование Ксеркса отвечали, что кобылицы паслись на лугу, когда были похищены верхними фракийцами, обитающими у истоков Стримона.

116. В то время царь бисальтов и Крестонийской земли, фракиец, совершил чудовищный поступок. Он объявил, что добровольно не подчинится Ксерксу, и поднялся на вершину горы Родопы, а сыновьям воспретил идти на войну против Эллады; они же не обратили внимания на запрет или, быть может, ими овладело желание взглянуть на войну, и они отправились в поход вместе с персидским царем. Когда сыновья, все шестеро, возвратились невредимыми домой, отец за этот поступок выколол им глаза. Так они были наказаны.

117. Между тем персы по выходе из Фракии прибыли к проливу и со всей поспешностью переправились в Абидос на кораблях, ибо оказалось, что мосты не были больше протянуты; буря разрушила их. Здесь варвары замешкались и, располагая бо льшим количеством съестных припасов, чем в дороге, наедались без всякой меры, вследствие чего, а также и от перемены воды значительная часть уцелевшего войска погибла. Остальные вместе с Ксерксом прибыли в Сарды.

118. Есть, впрочем, и другой рассказ об этом, гласящий следующее: выступив из Афин, Ксеркс прибыл в Эион, что на Стримоне, но отсюда не шел больше сухим путем, а поручил Гидарну отвести войско к

Геллеспонту, сам же сел на финикийский корабль и возвратился в Азию. Во время плаванья захватил его сильный, бурный ветер со стороны Стримона. Буря все усиливалась, а корабль был так переполнен, что множество персов из числа сопровождавших Ксеркса помещалось на палубе. Царь в испуге громко спросил кормчего, можно ли как-нибудь спастись. «Государь, – отвечал кормчий, – нет спасения, если только корабль не будет освобожден от большинства плывущих на нем». Говорят, услышав это, Ксеркс сказал: «Теперь, персы, вы должны доказать свою любовь к царю, потому что спасение мое, кажется, в ваших руках». Так сказал царь, а персы благоговейно преклонились перед ним и соскочили с корабля в море; облегченный таким способом корабль благополучно достиг Азии. Лишь только Ксеркс сошел на берег, рассказывается далее, как поступил следующим образом: кормчего за то, что спас жизнь царю, наградил золотым венком, а за то, что погубил многих персов, велел обезглавить.

119. Таков другой рассказ о возвращении Ксеркса, но я не верю ему вовсе, в особенности в той части его, которая касается гибели персов. Ведь, если бы действительно так отвечал кормчий царю, то – из десяти тысяч человек ни один не станет возражать против моего мнения – царь в таком случае поступил бы так: заставил бы тех, что были на палубе (а именно знатнейших персов), сойти в нижнюю часть корабля, а стольких гребцов-финикийян, сколько было персов, велел бы выбросить в море. Однако царь, как сказано выше, пошел сухим путем вместе с остальным войском и возвратился в Азию.

120. Важным свидетельством этого служит также следующее: известно, что на обратном пути Ксеркс прибыл в Абдеры, вступил с ними в союз гостеприимства и подарил им золотой меч и шитую золотом тиау. Как передают только жители Абдер, чему я, однако, вовсе не верю, Ксеркс после бегства из Афин распоясался здесь впервые, потому что был уже в безопасности. Абдеры расположены ближе к Геллеспонту, нежели к Стримону и Эиону, где, говорят, царь сел на корабль.

121. Между тем эллины, будучи не в состоянии взять Андрос, обратились против Кариста, опустошили его землю и возвратились на Саламин. Здесь, прежде всего, отделили из добычи первинки победы, в том числе три финикийских триремы; одну из них пожертвовали на

Истм, где она была до моего времени, другую – на Суний, а третью – на Саламин и посвятили Эанту. Потом разделили добычу между собой и отборную часть отослали в Дельфы; из них сделан был кумир величиной в двенадцать локтей с корабельным носом в руке; он стоял в том же месте, где и золотое изображение македонянина Александра.

122. Отослав первинки в Дельфы, эллины от имени всех спрашивали божество, достаточны ли и приятны ему полученные дары. Божество отвечало, что от всех эллинов приношения приятны, но не от эгинцев, и требовало от них награды за победу в морской битве у Саламина. Услышав об этом, эгинцы пожертвовали три золотых звезды, которые стоят на медной мачте в углу очень близко к чаше Креза.

123. После раздела добычи эллины поплыли к Истму, чтобы воздать победную награду достойнейшему из них в этой войне. По прибытии туда военачальники у алтаря Посейдона подавали голоса с целью указать первого и второго из числа всех их; при этом каждый давал свой голос себе самому, потому что достойнейшим всякий почитал себя, а вторым большинство единодушно признало Фемистокла. Таким образом, все прочие начальники получили по одному голосу, а Фемистокл далеко превзошел их по числу голосов, присуждавших вторую награду.

124. Из зависти друг к другу эллины не желали оставить так вопрос о первенстве и, признав дело нерешенным, возвратились по своим городам. Однако по всей Элладе гремела слава о Фемистокле как об умнейшем из всех эллинов. Так как он не был награжден теми эллинами, которые участвовали в битве при Саламине, хотя и был победителем, то вскоре после этого явился в Лакедемон, желая получить там награду. Лакедемоняне приняли его прекрасно и наградили высокими почестями. Еврибиада они наградили оливковым венком за мужество и такой же венок дали Фемистоклу в награду за ум и проницательность; кроме того, подарили ему колесницу, самую лучшую в Спарте. После того как он был превознесен многими похвалами, на пути из Спарты провожали его триста отборных спартанцев, тех самых, которые именуются всадниками, до тегейской границы. Это был, насколько нам известно, единственный человек, которого так провожали спартанцы.

125. Когда из Лакедемона Фемистокл возвратился в Афины, здесь один из врагов его, житель Афидн (8) Тимодем, из числа людей вовсе

незамечательных, но снедаемый завистью, нападал на него, а именно: укорял за посещение Лакедемона и говорил, что не самому себе, а Афинам он обязан почестями, полученными от лакедемонян. Так как Тимодем не переставал повторять это, то Фемистокл сказал наконец: «Вот как стоит дело: будучи бельбинитом, я не получил бы почестей от спартанцев, а ты не получил их, хоть и афинянин». На этом и кончилось.

126. Сын Фарнака Артабаз уже и раньше пользовался уважением в среде персов, а после сражения при Платеях возвысился еще больше; с шестьюдесятью тысячами войска, отобранного Мардонием, он проводил царя до пролива. Когда царь был уже в Азии, Артабаз, находясь на обратном пути подле Паллены как раз во время восстания потидейцев, считал для себя недостойным не поработить потидейцев, тем более что Мардоний зимовал в Фессалии и Македонии и вовсе не торопил его идти на соединение с остальным войском. Дело в том, что жители Потидеи открыто восстали против варваров, когда царь прошел мимо них, а персидский флот бежал от Саламина. Точно так же восстали и прочие обитатели Паллены.

127. Итак, Артабаз занялся в то время осадой Потидеи. Подозревая, что и олинфяне замышляют восстание против царя, он осадил и их город; занимали его боттии, вытесненные с побережья Фермейского залива македонянами. С помощью осады он взял олинфян, вывел их к озеру и там перебил, город передал халкидийцам, а управление его поручил торонейцу Критобулу; таким образом, Олинфом завладели халкидийцы.

128. Взяв Олинф, Артабаз со всем старанием стал осаждать Потидею. В то время, как он ревностно вел осаду города, вождь скионян Тимоксейн вступил в переговоры с ним относительно выдачи города. Каким образом начались эти переговоры, я не могу сказать, потому что не рассказывается об этом, а под конец было следующее: всякий раз, когда написанное письмо Тимоксейн желал отослать к Артабазу или Артабаз к Тимоксейну, то обворачивали его вокруг стрелы подле зарубок, стрелу обтыкали перьями и пускали в условленное место. Но замысел Тимоксейна выдать Потидею был обнаружен, ибо, пуская стрелу из лука в условленное место, Артабаз промахнулся и ранил в плечо потидейца. Сбежалась толпа и окружила раненого, как обыкновенно бывает на войне; сбежавшиеся тотчас

взяли стрелу и, заметив на ней письмо, отнесли к начальникам; были при этом и союзники от остальных жителей Паллены. Хотя письмо было прочитано и виновный в измене открыт, но начальники решили ради жителей Скионы не подвергать Тимоксейна наказанию за измену, чтобы скионяне не почитались изменниками во все последующее время. Таким-то образом был изобличен Тимоксейн.

129. Артабаз осаждал Потидею уже три месяца, когда случился сильный и продолжительный морской отлив; заметив, что на этом месте образовалось болото, варвары двинулись вдоль берега на Паллену. Когда они прошли две части пути, а оставалось пройти еще три для того, дабы проникнуть в Паллену, наступил сильный морской прилив, какого, по словам туземцев, никогда не бывало, хотя он происходит часто. Одни из варваров погибли по неумению плавать, к другим, умевшим плавать, подъезжали в лодках потидейцы и убивали их. По словам потидейцев, причиной волнения на море и гибели персов было то, что именно те из персов, которые погибли через море, нанесли оскорбление храму Посейдона и кумиру, находившемуся в предместье Потидеи. Мне кажется, они говорят это правильно. Уцелевших варваров Артабаз отвел в Фессалию к Мардонию. Такова была судьба воинов, провожавших царя.

130. Спасшийся от гибели флот Ксеркса после бегства от Саламина и переправы царя и войска из Херсонеса в Абидос прибыл в Азию и зимовал в Киме. С наступлением весны флот поспешно стал собираться к Самосу; там же часть кораблей и зимовала. Большинство флотских воинов составляли персы и мидяне. Начальниками их были Мардонт, сын Багея, и Артаинт, сын Артахея; вместе с ними был облечен властью и племянник Артаинта Ифамитра, взятый самим дядей. Потерпев тяжкое поражение, варвары не шли уже дальше вперед, на запад, и никто не принуждал их к тому; они расположились при Самосе и наблюдали за тем, как бы не отложились Иония; вместе с ионийскими у них было триста кораблей. Варвары вовсе не ждали, чтобы эллины явились в Ионию, полагая, что они удовольствуются охранением своей страны. Заключали они так из того, что эллины не преследовали их во время бегства от Саламина и с радостью отступили назад. Итак, хотя на море мужество персов было сокрушено, но они полагали, что на суше Мардоний значительно превзойдет неприятеля. Поэтому во время пребывания на Самосе они

частью совещались о том, не могут ли причинить какого-нибудь зла неприятелям, а частью напряженно выжидали, чем кончится предприятие Мардония.

131. Наступление весны, а также пребывание Мардония в Фессалии тревожили эллинов. Сухопутное войско их еще не собиралось, а флот прибыл к Эгине в числе ста десяти кораблей. Предводителем их и начальником флота был Левтихид, сын Менара, внук Гегесилая, правнук Гиппократида, праправнук Левтихида, потомок Анаксилая, Архидама, Анаксандрида, Феопомпа, Никандра, Харилая, Евнома, Полидекта, Притания, Еврифонта, Прокла, Аристодема, Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла; он происходил, таким образом, из другого царского дома. Все эти личности, кроме первых семи, перечисленных мной после Левтихида, были царями Спарты. Начальником афинян был Ксантипп, сын Арифрона.

132. Когда все корабли явились к Эгине, в эллинскую стоянку прибыли от ионян вестники, которые незадолго до этого приходили в Спарту с просьбой к лакедемонянам освободить Ионию; в числе вестников находился и сын Басилида Геродот. Они составили между собой заговор на жизнь хиосского тирана Страттиса; первоначально их было семеро. Однако один из соумышленников выдал их замысел, и заговор был открыт, после чего остальные шестеро бежали из Хиоса и прибыли сначала в Спарту, а потом на Эгину и упрашивали эллинов идти на Ионию, но уговорили их, да и то с трудом, дойти только до Делоса. Все, что было дальше, пугало эллинов, потому что тамошние местности были им неведомы, и казалось, что все они полны были войском; Самос они представляли себе на таком же расстоянии, как и Геракловы столпы. Случилось так, что варвары из страха не дерзали плыть на запад дальше Самоса, а эллины, несмотря на просьбы хиосцев, не спускались на востоке ниже Делоса. Таким образом, страх охранял местности, лежавшие между варварами и эллинами.

133. В то время, как эллины плыли к Делосу, Мардоний зимовал в Фессалии. Отсюда он посылал к окрестным прорицалищам человека по имени Мис, родом из Европоса, с поручением спрашивать везде прорицалища, к которым только можно было обращаться им. Что желал узнать Мардоний от прорицалищ, когда давал такое поручение, не могу сказать, потому что об этом не сообщается; но я полагаю, что

он посылал спросить относительно тогдашнего положения дел и ни о чем другом.

134. Сам Мис, как известно, прибыл в Лебадию и за деньги склонил одного из местных жителей спуститься к Трофонию; ходил он также к оракулу в фокидские Абы. С самого начала Мис явился в Фивы и там прежде всего спрашивал совета у Аполлона Исмения (здесь, как и в Олимпии, мнение оракула познается из всесожжения); потом также за деньги он уговорил какого-то иноземца лечь спать в святилище Амфиарая, ибо ни одному фиванцу не дозволяется обращаться здесь к оракулу по следующей причине. В изречениях оракула Амфиарай предложил фиванцам выбирать одно из двух по своему желанию, воздерживаясь от другого, а именно: пользоваться им или как прорицалищем, или как союзником. Вот почему никому из фиванцев не позволено засыпать в этом храме.

135. По словам фиванцев, тогда случилось нечто, на мой взгляд, необычайно чудесное, а именно: обойдя все прорицалища, житель Европоса Мис вошел и в святилище Аполлона Птойского. Святилище это называется Птойским, принадлежит оно фиванцам, а расположено за Копайдским озером, у горы, подле города Акрефии. Когда вступил в этот храм человек, называющийся Мисом, а за ним следовали по выбору от государства три фиванских гражданина, чтобы записать предстоявшее изречение, вдруг заговорил к ним прорицатель на варварском языке. Сопровождавшие Миса фиванцы были удивлены при звуках варварского языка вместо эллинского и не знали, как им поступить в этом случае; но Мис из Европоса выхватил из рук их табличку, которая была у них с собой, и стал записывать слова прорицателя; при этом он сказал, что прорицатель говорит на карийском языке. Записав изречение, он ушел обратно в Фессалию.

136. Прочитав изречения оракулов, Мардоний отправил послом в Афины сына Аминты Александра, по происхождению македонянина. Александра он выбрал, во-первых, потому, что персы были в родстве с ним, а именно: на сестре Александра Гигее, она же дочь Аминты, женился перс Бубар и имел от нее сына Аминту, жившего в Азии и названного по имени деда со стороны матери. От персидского царя дан был ему для жительства большой город во Фригии Алабанда. Мардоний и потому еще послал в Афины Александра, что он был, как узнал Мардоний, прокшеном афинян и оказал им услуги. Мардоний

рассчитывал, что таким способом он скорее всего склонит на свою сторону афинян, о которых, конечно, слышал как о народе многочисленном и воинственном; притом он знал, что постигшие персов бедствия на море были главным образом делом афинян. Поэтому с переходом их на его сторону Мардоний надеялся без труда завладеть морем, что и было бы на самом деле; на суше он считал себя гораздо сильнее эллинов и потому рассуждал, что таким способом действий одержит верх над эллинами. Может быть, и оракулы предсказывали ему то же самое и советовали заключить союз с афинянами; по совету оракулов он и отправил посла в Афины.

137. Предок этого Александра в седьмом колене, Пердикка, приобрел власть над македонянами при следующих обстоятельствах. Из Аргоса бежали к иллирийцам три брата из числа потомков Темена: Гаван, Аероп и Пердикка. Из Иллирии они перешли в Верхнюю Македонию и прибыли в город Лебею. Там за плату они служили у царя; один пас лошадей, другой быков, а самый младший, Пердикка, мелкий скот. Жена царя сама пекла для них хлеб, ибо в древности были бедны деньгами и владыки народов, не только люди простые. Каждый раз, когда хлеб был испечен, хлеб наемного мальчика Пердикки увеличивался вдвое против первоначального объема; так как это повторялось постоянно, то царица сообщила мужу. При этих словах царю тотчас пришла мысль, что это – чудо, и притом многозначительное. Он призвал наемных слуг и приказал им покинуть его страну. Те отвечали, что уйдут, когда получат заслуженные деньги. Царь, рассудок которого помрачен был божеством, услышав речь о вознаграждении, сказал: «Вот приличное вознаграждение, которое я и уплачиваю вам», при этом указал на солнце, потому что в это время солнечные лучи проникали в дом через дымовую трубу. При этих словах Гаван и Аероп, старшие из братьев, стояли молча, изумленные, а мальчик сказал: «Мы принимаем, царь, то, что ты даешь» – и ножом, который случайно был при нем, отчертил на полу солнечный свет, потом трижды зачерпнул себе солнца на грудь и удалился; за ним последовали и братья.

138. По уходе их кто-то из приближенных объяснил царю, что значит поведение мальчика и как разумно самый младший из братьев принял то, что было дано им. Царь в ярости выслушал это и послал в погоню всадников с приказанием убить бежавших. В стране есть река,

которой потомки этих людей из Аргоса приносят жертвы как спасительнице. Когда Темениды переправились через реку, воды в ней прибыло до такой степени, что всадникам нельзя было перейти через нее. Между тем Темениды прибыли в другую область Македонии и поселились подле садов, которые принадлежали, как говорят, сыну Гордия Мидасу; в них растут розы в диком состоянии, причем каждая имеет по шестьдесят листиков, и по запаху превосходят все другие розы. В этих садах, как рассказывают македоняне, пойман был Мидосом Силен. Выше садов тянется гора по имени Бермий, вследствие холода труднодоступная. Овладев этой местностью и делая отсюда нападения, они покорили и остальную Македонию.

139. От этого Пердикки Александр происходит следующим образом. Александр был сын Аминты, Аминта – сын Алкета, отец Алкета был Аероп, отец Аеропа – Филипп, отец Филиппа – Аргей, отец Аргея – Пердикка, тот самый, который приобрел царскую власть. Таково происхождение Александра, сына Аминты.

140. Посланный Мардонием по прибытии в Афины сказал следующее: «Афиняне! Мардоний говорит вам так: «От царя получил я следующую весть: афинянам я прощаю все прегрешения, содеянные относительно меня. И теперь, Мардоний, поступи так: во-первых, возврати им их землю, во-вторых, пускай, кроме этой, возьмут себе и другую, какую захотят, и остаются независимыми. Храмы их и все, что я истребил огнем, восстанови, если только они согласятся вступить в союз со мной. Получив такое приказание, я обязуюсь непременно выполнить его, если вы этому не воспрепятствуете. Вот что я говорю вам. Не безумно ли после этого воевать вам против царя? Ведь вы не можете выйти победителями, не можете все время и противиться царю. Ибо вы видели массы войск Ксерксовых и их подвиги, слышали и о том, каково у меня войско теперь. Поэтому, если бы даже вы превзошли и победили нас, на что у вас не может быть никакой надежды, раз вы рассудительны, – явится другое войско, много раз большее. Итак, не мечтайте равняться с царем, чтобы не потерять своей земли и не находиться вечно в опасности за свое существование, помиритесь и перестаньте воевать. Вы имеете возможность кончить войну с честью, потому что таково желание царя. Будьте свободны, заключите только с нами военный союз без коварства и обмана». Мардоний поручил мне сказать вам это, афиняне. О своем

благорасположении к вам я не скажу ничего, потому что теперь не о том следует знать вам прежде всего; я прошу вас, послушайте Мардония. Для меня ясно, что вы не будете в состоянии вести непрерывную войну с Ксерксом; если бы я не видел этого, то с такими речами не пришел бы к вам ни за что, ибо могущество Ксеркса сверхчеловеческое, и рука у него не в меру длинная. Поэтому, если вы немедленно не заключите с ним союза, когда он столько предлагает вам под условием вашего на то согласия, я страшусь за вас, так как вы больше, нежели кто-нибудь другой из союзников, живете на военной дороге, одни подвергаетесь истреблению, ибо занимаете область отдельную от прочих, лежащую между двумя воюющими сторонами. Итак, послушайте Мардония. Вы должны высоко ценить то, что могущественный царь отпускает прегрешения вам одним из всех эллинов и желает быть в дружбе с вами». Так говорил Александр.

141. Между тем лакедемоняне узнали, что Александр явился в Афины с целью склонить афинян к союзу с варваром; тогда они вспомнили изречения оракулов, что им вместе с прочими дорийцами суждено быть изгнанными из Пелопоннеса мидянами и афинянами. Поэтому они сильно боялись, как бы афиняне не вступили в союз с персидским царем, и решили немедленно отправить в Афины послов. Случилось так, что они выступили перед народом в одно время с Александром. Ибо афиняне хорошо знали, что лакедемоняне прослышат о появлении посла от варвара, прибывшего ради заключения союза и, прослышав о том, вскоре пришлют вестников, а потому выжидали и затягивали переговоры; они поступали так с намерением открыть лакедемонянам свое настроение.

142. Когда кончил речь Александр, вслед за ним стали говорить послы от Спарты: «Нас послали лакедемоняне просить вас не причинять Элладе никакого зла и не принимать предложений от варвара. Это было бы слишком несправедливо и позорно для всех эллинов, особенно для вас, по многим причинам. Вы подняли эту войну, когда мы того не желали; борьба шла вначале из-за ваших владений, теперь она касается целой Эллады. Далее, было бы невыносимо, если бы афиняне, навлекши на эллинов все эти беды, сделали еще виновными и в порабощении их, те самые афиняне, которые всегда, с давних уже времен известны тем, что освобождали многие народы. Правда, мы соболезнуем о вашем бедственном

положении, о том, что уже дважды вы потеряли сборы плодов, что уже долгое время дома ваши в разрушении. За это лакедемоняне и союзники объявляют вам, что будут содержать ваших женщин и неспособных к войне родственников во все продолжение борьбы. Не следуйте увещаниям македонянина Александра, который старается сделать угодными вам предложения Мардония. Ему ведь необходимо действовать таким образом: сам тиран, он помогает тирану; вы же не должны делать этого, если только благоразумны, ибо вам известно, что у варваров вовсе нет ни верности, ни правды». Так говорили послы.

143. Александру афиняне дали следующий ответ: «Действительно, мы и сами знаем, что у царя мидян войско гораздо многочисленнее нашего, так что вовсе не следует укорять нас в неведении. Однако мы преданы свободе и будем сопротивляться, как только сможем. Ты не пытайся уговорить нас вступить в союз с варваром: мы не последуем твоим увещаниям. После этого объяви Мардонию, что говорят афиняне: до тех пор, пока солнце будет следовать по своему пути, мы никогда не заключим союза с Ксерксом и будем воевать против него в надежде на помощь богов и героев, которыми он пренебрегал, храмы и кумиры которых предал пламени. Впредь ты не показывайся афинянам с такими речами и не уговаривай нас совершить нечестивое дело, воображая, что радеешь о нашей пользе, ибо мы не желаем, чтобы ты, проксен и друг афинян, подвергся от нас какой-либо обиде». Так отвечали афиняне Александру.

144. Послам от Спарты афиняне дали следующий ответ: «Совершенно понятно, что лакедемоняне боялись, как бы мы не вступили в союз с варваром, однако стыдно было бояться вам этого, так как вы знаете настроение афинян. Ибо нигде на земле нет столько золота, столь прекрасной и плодоносной страны, чтобы мы решились взамен этого и в угоду мидянам обратить Элладу в рабство. Существуют многие важные причины, препятствующие нам сделать это даже в том случае, если бы мы желали; первое и самое важное препятствие – сожжение и разрушение кумиров и храмов, за что мы обязаны мстить в наивысшей мере, а не заключать союз с тем, кто учинил это; во-вторых, единство с эллинами по крови и языку, общие с ними святилища и празднества, одинаковые нравы; стать предателям всего этого было бы невозможно для афинян. Итак, знайте, если

почему-либо вы не знали раньше, что никогда мы не заключим союза с Ксерксом, пока останется в живых хоть один афинянин.

Мы ценим вашу заботливость о нас, то, что вы обращаете внимание на наши разрушенные дома и даже готовы содержать наши семейства. За это мы преисполнены к вам признательности, однако, что бы с нами ни случилось, мы решились переносить все, нисколько не обременяя вас. Поэтому при настоящем положении высылайте войско как можно скорее. Мы полагаем, что недалеко то время, когда варвар вторгнется в нашу страну, а именно: лишь только получит известие, что мы не сделаем ничего того, о чем он просит нас. Итак, прежде чем варвары явятся в Аттику, вам необходимо заранее вторгнуться в Беотию». После такого ответа афинян послы отправились обратно в Спарту.

Примечания к Книге восьмой «Истории» Геродота

1. Вероятно, бронзовые статуи в человеческий рост, изображавшие Аполлона и Геракла в борьбе с священным треножником в Дельфах.
2. Очевидно, лук и стрелы Аполлона, хранившиеся в святилище.
3. Аглавра – дочь Кекропа, жрица Афины. Исполнив прорицание, она принесла себя в жертву, чтобы тем самым даровать победу отечеству в войне с элевсинцами. Афиняне посвятили ей рощу и храм близ Акрополя.
4. То есть Деметры и Персефоны.
5. Киносура (Собачий Хвост) – мыс в Аттике к западу от Марафона.
6. В этом переводе под Правдой разумеется Дика (Дике) – божество справедливости; под Алчностью – Кор, олицетворение надменности и высокомерия; под Наглостью – мать Кора, олицетворение чрезмерного высокомерия.
7. Пирей – афинская гавань, основана Фемистоклом в 493/478/77 гг. до н. э.
8. Афидны – город на севере Афин, близ Марафона.

Персы Эсхил

Трагедия

Действующие лица

Хор старцев, Верные.

Атосса, мать Ксеркса, жена Дария.

Вестник.

Тень Дария.

Ксеркс.

Сцена во время действия представляет дворец персидского царя в Сузах;

невдалеке – гробница Дария, отца Ксерксова.

Явление 1

Хор: Нас зовут Верными персов, ушедших в землю Эллинскую; мы стражи обильных и многозлатных седалищ; нас сам царь Ксеркс, Дарием рожденный государь, набрал по старшинству нашему надзирать над страпою. Сердце в нас, чая беду, сильно уже крушится о возврате царя и многозлатного войска в груди. Вся сила Азии ушла; стенает Азия по молодежи, а ни один вестник, ни один всадник не приходит в город персов. Все ушли, покинув Сузы, Экбатаны и древнюю крепость Киссиему: одна на конях, другие на кораблях, иные по суше, – полки воинские образуя; каковы Амистр, Артафрен, Мегабат, Астасп, вожди персов, цари, великому царю подвластные, огромного войска блюстители, и стрелами побивающие, и всадники, – страшные на взгляд, страшные в битве по гордой смелости духа. Кроме них – Артемвар, тешащийся конскими битвами, Масистр, еще побивающий стрелами, доблестный Имей, Фарандак и гонитель коней Сосфан. Других воителей прислал великий, многопитательный Нил: тут были Сусискан Пегастагон, рожденный в Египте, и начальник священной Мемфиды (Мемфиса) великий Арсам, и надзирающий над маститыми Фивами Ариомард, и живущие в болотах гребцы, страшные, числом бесчисленные! За ними пошла толпа изнеженных лидян; а с ними (1) те, которые занимают весь материк, и которых Митрагаф и Арктей доблестный, наместники царя, и многозлатные Сарды выслали на колесницах о двух и о трех дышлах: и глядеть было

страшно! И обитатели священного Тмола, Мардон, Фаривий, и метатели копий мисане, грозят наложить на Элладу иго рабства. И Вавилон многозлатный выслал гурьбою пеструю толпу (2), и корабельщиков, и тех, кто на стрельбу свою надеются. И меченосный люд пошел изо всей Азии по грозному велению царя. Таковые-то мужи, цвет Персии, ушли! Стенает о них вся Азийская земля, воспитавшая их; тяжело скорбит! Родители и супруги, считая дни долгого их отсутствия, трепещут!

Перешло уж города разоряющее царское войско на противоположный берег земли соседней, переправившись по плотам через пролив Геллы Афаматовны (Геллеспонт), накинуд на выю пучины иго, – дорогу, из бревен сплоченную. Гонит ярый царь, муж золотого рода, богоподобный, гонит он на всю землю стадо необъятное, и по суше, и по морю, на крепких страшных воевод полагаясь.

С мрачным взглядом в очах, со взглядом кровожадного дракона, многорукий, многокорабельный, мчась на сирийской колеснице, ведет он Арея, луком укрощающего, на людей, славным копьем (3). Нет никого, кто бы устоял против великого потока мужей, кто бы крепкими плотинами сдержал необоримую волну моря. Неодолимо войско персов, крепок народ!

Но кто из смертных уклонится от коварного обмана судьбы? Кто проворною ногою, легким скачком убежит от нее? Сперва благосклонная, улещиванием заводит беда смертного в тенета, откуда выпрыгнуть ему уже нет возможности!

По божьей воле издревле судьба осилила нас, понудила персов вести войны – башен рушительницы, конников скопляющие, города разоряющие. Полагаясь на канаты утлых зданий, на машины людей перевозящие, выучились они смотреть без боязни на морские рощи, когда широкопутное море белеет от бурного ветра.

Вот почему сердце у меня, словно в черном одеянии, разрывается от страха – о, как бы царство не услышало, что обезлюдел великий город Сусиды, лишился сего войска персидского, как бы не раздался в ответ ему – о, глас города Киссиева, вопли толпы женщин, не разорвалось бы одеяние виссинное (4).

Ибо весь конные и пеший люд, словно рой пчел, выбыл за вождем войска, переправившись по мосту, с одного берега пролива на другой

положенному. Ложа мужей наполняются слезами тоскующих жен. Персиянки в страшном горе; все они остались одни; тоскует каждая по муже любимом; распростилась с ярим воинственным товарищем по ложу!

Приложим же, персы, сидя здесь, на сем древнем седалище, честную усердную заботу: нужда того требует! Каковы-то дела Ксеркса царя, от Дария рожденного, из рода, по родоначальнику нам близкого: другой ли лук победил или сила копья острого одолела (5)?

Видят приближающуюся сюда Атоссу.

Но вот спешит сюда светило, очами богам подобное, мать царя, царица моя. Падаю перед нею, падаю! – Надлежит нам всем словами благоговейными приветствовать ее. – О царица! О надо всеми персиянками верховная! Старая мать Ксеркса! Здравствуй, жена Дариева! Ты и супруга бога персов, и мать их бога, если только старое счастье не изменило теперь войску.

Явление 2

Атосса: Потому-то и пришла я сюда, покинув золотом убранные хоромы и общее ложе, мое и Дариево. И мое сердце грызет забота. Скажу вам слово, други мои! Не за себя боюсь, а о том, как бы великое богатство не убежало от нас, как бы, бежа, оно не опрокинуло ногою своею того довольства, которое Дарием так было возвышено, не без помощи некоего бога. Отсюда о том две верные мысли на сердце у меня: богатства без людей высоко не следует чтить, но и без богатства человеку не улыбается счастье на столько, сколько в нем силы и достоинства. Богатства моего нечем укорить; но боюсь за глаза, а глазом дома считаю присутствие господина. Потому, когда дела таковы, будьте мне, персы, в верности поседевшие, будьте советниками. Вся надежда моя на вашу мудрость.

Хор: Знай же, царица сей земли, не нужно тебе дважды называть слово и дело, которое власть нам укажет. Преданных тебе созываешь в советники.

Атосса: Много вижу я ночных видений с тех пор, как сын мой, набравши войско, пошел в землю Иаонов (6), разорить ее желая; но никогда я еще не видела такого ясного сна, как в прошедшую ночь. Я расскажу тебе сей сон. Приснилось мне, что предстали моим очам две жены, красиво одетые: одна в персидском одеянии, другая в

дорическом (7). И ростом они были гораздо выше теперешних жен, и красоты безукоризненный, сестры единокровные. Одной по жребию досталась в родину земля Эллинская, другой – варварская. Они, мне привиделось, подняли из-за чего-то меж собою разор. Сын мой, проведав о том, стал унимать их, укрощать; запрягает их в колесницу, налагает на выи их ярмы. Одна из жен этим убранством кичилась и послушно во рту узду держала; другая же билась, царапала руками колесницу, наконец, сорвала узду, рванула колесницу и переломила пополам дышло. Сын мой упал; предстал ему отец его Дарий, болея о нем. Лишь только увидел его Ксеркс, начал рвать одежду на теле... Вот что видела я ночью. А когда встала и коснулась рукою прекрасно текущего родника, то подошла к алтарю, желая принести жертву богам отвратителям, которым следует; и вдруг вижу, орле прилетает на алтарь Аполлона. От страха, други мои, я онемела. Потом вижу, является ястреб и щиплет голову орлу. А тот только присел, и без сопротивления дал себя щипать ястребу. Страшно мне было видеть это, а вам слышать. Помните: сын мой в случае неудачи не обязан отдавать отчета государству. Лишь бы спасся: так же по-прежнему будет царствовать над сею землею.

Хор: Не хотим тебя, мать, ни слишком пугать словами, ни ободрать. А обратись с молитвами к богам, и если дурное что видела, проси у них, чтобы отвратили от тебя зло, и чтобы благое совершилось и для тебя, и для детей твоих, и для царства, и для всех друзей. А потом следует тебе сделать возлияние земле и умершим и просить супруга твоего Дария, которого, говоришь ты, видела ночью, чтобы он благодушно из-под земли выслал доброе тебе и сыну твоему, а все недоброе скрыл бы во мраке подземном. Вот что советую тебе, будучи пророком по усердию и преданности, и все то, полагаю, к лучшему обратится.

Атосса: Ты первый оказался усердным и преданным толкователем этих снов, обратил дело во благо сыну и дому моему. Да свершится же все хорошее! А все то, как ты советуешь, мы принесем богам и подземным друзьям, когда воротимся домой. Теперь же хочу вот о чем узнать, о други! В каком месте земли находятся Афины? Как о том говорят?

Хор: Далеко, у захода царя Гелия (солнца).

Атосса: Так этим-то городом сын мой захотел овладеть? **Хор:** Да, тогда бы вся Эллада была подвластна царю!

Атосса: Ужели у них так много войска?

Хор: И войско это много уже наделало бед мидянам.

Атосса: А кроме этого, что еще у них? Богатство достаточное?

Хор: Есть у них источник серебра, клад земли.

Атосса: Да разве они славятся стрельбою?

Хор: Ни мало! У них копья для рукопашного боя и щиты.

Атосса: Кто же пастырь их и владычествует над войском?

Хор: Они ничьими рабами не зовутся и никому не подвластны.

Атосса: Как же им устоять против пришлых неприятелей?

Хор: Да вот, Дариево войско было велико и прекрасно, а они истребили его.

Атосса: Страшные вещи говоришь ты для родителей ушедших.

Явление 3

Показывается вестник

Хор: Но мне кажется, скоро ты узнаешь дело во всей истине, не лживо; по персидскому бегу вот того мужа так заключать подобает. Несет он что-нибудь верное, либо доброе, либо худое.

Вестник: О, города всей Азии! О, персидская земля, пристань великого богатства! Одним ударом сокрушено великое довольство! Пропал, пал цвет персов! О, первейшее на свете горе – возвещает горе... Но, персы, нужно же раскрыть вам всю беду. Все войско варваров погибло!

Хор: Скорбные, скорбные это беды! Беды новые, жестокие! О, слыша про сие горе, обливайтесь, персы, слезами!

Вестник: Так и следует! Все, что там было, погибло! И сам я не ждал увидеть день возвращения.

Хор: Ох, как век оказался для нас, старых, долог! Услышали мы беду безнадежную.

Вестник: Я, персы, сам там был; не от других речи слышал: могу сказать, какие беды там приключились.

Хор: О, напрасно ходило из земли Азийской в землю Эллинскую, напрасно ходило туда множество стрел всяческих.

Вестник: Полны трупами жалостно погибших скалы Саламина и вся страна окрестная.

Хор: О, ты говоришь, в широких одеждах носятся по морю окровавленные тела погибших друзей.

Вестник: Да, луки ничего не пособили. Погибло все войско в морской сшибке.

Хор: Завопите же воплем злосчастливым, зловещим для пораженных. Войско погибло, – и, увы, отовсюду боги устроили нам беды.

Вестник: О, как ненавистно звучит имя Саламина! О, Афины! Как скорблю я, даже вспоминая об них!

Хор: Страшны Афины врагам: как не помнить их? Сколько персиянок соделали они втуне вдовыми и безмужними.

Атосса: Долго я молчала, бедная, бедою оглушенная! Несчастье так велико, что ни говорить не могу, ни о бедствиях расспрашивать. Но нужно выносить горе, богами посылаемое: ибо мы смертны. Приди же в себя, и хоть стенаешь о бедствиях, расскажи, раскрою всю бездну злосчастия. Скажи, кто не умер? Кого из вождей народа будем оплакивать? Кто пал? Чье место в строю опустело?

Вестник: Сам Ксеркс жив, и смотрит на свет божий.

Атосса: Ты показал великий свет моему дому, из мрачной ночи соделал ясный день.

Вестник: А Артемвар, блюститель конницы бесчисленной, разбился о жестокие скалы Силениев (8). Тысячник Дадак от удара копья скорым скачком с корабля соскочил. И Тенагон, витязь бактрийский, живет теперь у Эантова острова (9), морем обушеваемого. Лилей, Арсам, третий с ними Аргест ударились головой о жесткую землю, голубей кормилицу (10). А живший при Ниле египетском Арктей, да Адев, Ферессев, да еще Фарнух, – эти с одного корабля попадали. Хрисей Маталл, десятитысячник, вождь тридцати тысяч черной конницы (11), омочил багряной кровью бороду русую, густую, длинную. И Маг Араб, и Вактриянин Артам погибли, стали жильцами жесткой земои Саламинской. Аместрий, Амфистрей, многотрудным копьем вращавший, доблестный Ариомард, скорбь Сардам нанесший, Сисам Мисянин, Фаривий, двухсот пятидесяти кораблей начальник, родом из Лирны, благообразный муж, – все померли, все пали, не в час, бедные, горемычные. Сиеннесий, первый по мужеству, наместник Киликии, – он один пуще всех делал доуки врагам, – и он погиб безжалостно. Вот о скольких вождях вспомнил я теперь; из многих зол о немногих извещаю.

Атосса: Увы, слышу я крайние беды: позор, громкие вопли постигли персов... Но воротись к рассказу своему, поведай мне, сколько ж много было кораблей эллинских, как посмели они корабельными стычками завязать битву с войском персидским?

Вестник: По числу кораблей, будь в том уверена, варвары бы одолели. У эллинов было всего-то тридцать десятков кораблей, да десятков еще отборных. А у Ксеркса, знаю наверно, была тысяча кораблей, да еще двести семь отличных по быстроте бега (12). Так было дело. Ведь, кажется, мы не слабее их были в битве?

Атосса: Но некий поэтому демон погубил войско, неровно опустив веса роковые!

Вестник: Боги спасают город богини Паллады. **Атосса:** Так значит, не разрушены еще Афины? **Вестник:** Тот город, в котором есть люди, надежен. **Атосса:** А поведай, какое было начало морской стычки; кто начал битву, эллины или сын мой, множеством кораблей кичась?

Вестник: Начал всю беду, государыня, аластор (13): невесть откуда явился не то, злой демон! Приходил к нам из войска афинского некий эллин, и сказал сыну своему Ксерксу: «Когда наступит тьма черной ночи, эллины уже не думают оставаться, а бросятся на скамьи корабельные, а тайком в разные стороны разбредутся, животы свои спасаячи». Сын твой, лишь услышал это (не понял эллинова лукавства и зависти богов!), тотчас всем начальникам кораблей такой наказ: «Лишь только солнце перестанет лучами жечь землю и тьма обнимет область воздушную, уставьте корабли в три ряда, стерегите выходы и проходы морские; а другие корабли вокруг острова Эантова (14) поставьте; и если эллины найдут какую тайную лазейку и убегут от злой судьбы, головами все вы поплатитесь». Так сказал он сгоряча, не зная, что готовили ему боги. Персы, нельзя сказать, чтобы в беспорядке, а чинно, стали ужин готовить; корабельщики весла прилаживали. Когда же скрылся свет солнечный, и наступила ночь, все разошлись по кораблям, все гребцы, все воины. Строй со строем стали на длинных кораблях перекликаться; поплыли, кому как назначено; начальники же кораблей людей по местам расставляли. Ночь проходила, а войско эллинское нигде и не думало тайком пробираться. Когда же светлый день, на белых конях едущий, охватил всю землю, раздался шум и крик со стороны эллинов, похожий на песню, ликования, и громко откликнулось эхо на скалистом острове. А на

варваров на всех страх напал: не знали, что и подумать! Не к бегству призывал славный пеан, что пели тогда эллины, но к битве, к мужественной смелости; ликования же сии звуками труб покрывались. Дружно ударяя шумными веслами, разили они по команде море бездонное. Скоро все они перед нами показались. Первым шло правое крыло, стройно, в порядке; вслед за ним тронулся весь прочий флот. Слышны были громкие и дружные крики: «О, дети эллинов! Идите, спасайте отчизну, спасайте детей, жен, жилища дедовых богов, гробницы предков: теперь предстоит вам за все сразиться!» Навстречу им с нашей стороны поднялся гам речи персидской. Тут некогда было мешкать. Мигом сцепился корабль с кораблем. Начал же нападение эллинский корабль, и сшиб все верхушки на финикийском. Потом сцепились другие. Сперва поток персидского войска еще выдерживал. Но когда мы столпились в узком проходе, тут уже взаимной помощи нельзя было подавать: наши же корабли друг друга разили медными носами и весла ломали. Эллины же поумнее распорядились и отовсюду нас колотили. Корабли опрокидывались кверху дном; море до того наполнилось обломками и трупами, что даже не видать его было. Полны также были трупами и берега, и скалы. Тут, сколько ни было кораблей в войске варварском, все в беспорядке в бегство обратились. А эллины обломками весел и кораблей били наших, словно тунцов, либо другую рыбу какую. Воплями и ликованиями до тех пор оглашались волны морские, пока не пощадила персов темная ночь. Но всего множества зол, хоть десять дней я рассказывай, не расскажешь. Знай только, никогда в один день не умирало такого множества людей.

Атосса: О, великая же пучина зол разразилась над персами и над всем варварским родом!

Вестник: Знай, и середины бедствий еще нет. Такое злосчастье постигло их, что все, рассказанное мною, и половины беды не составит.

Атосса: Да какая же еще беда может быть злее? Скажи, что же это еще за беда войску приключилась, которая больше той?

Вестник: Сколько ни было между персами телом бодрых, духом доблестных, родом знаменитых, по верности к царю первых, – все они позорно погибли самой бесславною смертью.

Атосса: Ох, я, горькобедная! Какая злая беда, други мои! Какою же смертью, говоришь ты, погибли они?

Вестник: Есть некий островок перед Саламином, маленький, с неприятной гаванью: там по берегу морскому гуляет Пан, любитель хороводов. Туда послал их Ксеркс, чтобы они, когда неприятели вздумают, рассыпавшись с кораблей, спастись на остров, удобнее били войско эллинское, а своих от волн морских спасали. Худо провидел он будущее. Лишь только бог даровал эллинам славу в битве морской, в тот же день, облачившись в медные брони, выпрыгнули они из кораблей, окружили отовсюду весь остров, так что персы не знали, куда деваться. Били их эллины из рук камнями, губили, пуская стрелы из тетивы; наконец, бросившись все разом, стали рубить, сечь их, горемычных пока всех до единого жизни не лишили. Ксеркс, увидев глубину бедствий, завопил; сидел же он на таком месте, что легко мог видеть все войско – на высоком холме, близ пучины морской (15); завопивши, разорвал одежды, и тотчас велел тронуться пешему войску и пустился в нестройное бегство. Вот какую беду, кроме прежней, нужно тебе огоревать.

Атосса: О, ненавистный демон! Как обманул ты души персов! Горькую отплату нашел мой сын в славных Афинах. Не довольно, видно, было гибели тех варваров, что пали на Марафоне. Мой сын, мечтая отомстить за них, еще вот какое множество бед навлек на себя! Скажи же, какие корабли избежали гибели, и где ты их оставил; можешь ли толкова рассказать об этом.

Вестник: Вожди кораблей уцелевших скоро-наскоро пустились в бегство нестройное по поветрии, а остальное войско частью погибло в земле беотов; мы же, тот жаждою от родников (16) мучимые, то от усталости едва дух переводя, перешли в землю Фокейскую, в Дориду, в Мелийский залив, где Сперхий орошает равнину благодатной влагою. Потом нас, оскудевших хлебом, принимают земля Ахейская и города Фессалийские. Тут многие померли от жажды и от голода: того и другого натерпелись мы. Оттуда прошли мы в землю Магнетскую, к реке Аксию, к болотному тростнику Болбы, к горе Пангею, в землю Едонскую. В эту ночь бог дал зиму раннюю, и замерз весь поток святого Стримона. Кто и не верил прежде богам, стал тогда молиться, земле и небу поклоняться. Кончивши молитвы, войско стало переходить по ледяному мосту; и кто из нас перешел, пока не

рассыпались лучи солнечные, тот спасся. Потом светлый круг солнца, паля и жаря лучами своими, растопил лед посередине, и попадали наши друг на друга; счастлив еще был тот из них, кто скорее жизни лишился. А которые остались, и спасение нашли (немного таких), те еле-еле, с большим трудом переправившись во Фракию, пришли наконец в отечество. Надлежит стенать царству персидскому, огоревая наилучший цвет сей земли! Все это правдиво; еще многие из бедствий, которые обрушены были на персов, опускаю.

Хор: О, безжалостный демон! Как тяжко пал ты на весь род персидский!

Атосса: Горе мне, бедной! Войско уничтожено! О, правдивое ночное видение! Как ясно показало ты мне все бедствия! А вы совсем плохо растолковали его. Все-таки, как вы рассудили, сперва хочу богам помолиться, потом вынесу из дома дары земле и умершим. Знаю, что все уже свершилось; да впредь не будет ли чего лучшего. А вам нужно теперь, когда все так несчастно случилось, верные давать мне советы. Сына моего, если придет сюда прежде меня, утешьте и проводите в дом, чтобы к этим бедам новой какой не прибавилось...

Явление 4

Хор: О, царь Зевес! Погубивши теперь войско кичливой, многолюдной Персии, ты покрыл мрачной скорбью Сузы и Экбатаны. Много матерей, в горе соучастниц, разрывают руками хилыми покрывала свои, мочат перси слезами горячими. А нежно рыдающие персиянки, тоскуя по браке недавнем, по нежном мягком ложе, утехе цветущих лет потерянной, рыдают навзрыд безутешно. И я участь погибших многослезную горько оплакиваю, как и следует (17).

Стенает теперь вся земля Азийская, опустелая. Ксеркс повел... О! Ксеркс погубил... О! Ксеркс на суда морские безумно навлек всякие беды. Отчего же Дарий, любимый Сусиды правитель, правил гражданами так безвредно? И пеших, и моряков, корабли равнокрылые, корабли сизолицые привезли туда. О! Корабли погубили. О! Корабли погубили их в погибельной стычке руками Иаонов (18); едва, как слышно, сам царь убежал по степным, по холодным дорогам Фракии.

А те по злой участи первенцы остались по нужде у берега Кихрейского (19). мочит их вода. Стенай, убивайся, воздымай до небес

тяжкие вопли! О, напрягай зловещий, жалкий крик. Крутит их страшное море, терзают безгласные дети, нескверного (20)... Огоревает мужа осиротелый дом. Старцы, бездетные родители, скорбят об ужасных бедах.

Жители Азии не будут теперь жить по обычаям персидским, не будут дани платить нуждою нудимые! Не будет у них царя, не перед кем будет поклоняться! Ибо погибла сила царская. И язык людской не будет на привязи; сняты узы с людей: станут болтать, что вздумается. Упитанные кровью пашни омываемого морем острова Эантова (21) схоронили в себе могущество персов.

Явление 5

Атосса: Други, кто испытал беды, тот знает, что когда подавят смертного волны несчастий, все тогда пугает. Когда же течение жизни попутное, тогда человек уверен, что тоже счастье всегда при нем останется: так для меня теперь все посланные нам богами несчастья представляются очам моим исполненными страха; раздаётся в ушах шум, вовсе не радостный: так потрясли меня беды, так пугают они душу мою! Потому собралась я теперь сюда из дому без колесницы, без прежней роскоши. Принесла приятные отцу сына (22) возлияния, умиловляющие умерших: белое вкусное молоко от чистой коровы, сок цветочной работницы (23) – мед прозрачный, посреди струй водяных девственного источника; потом еще беспримесную влагу дикой матери – вот эту красу старой лозы виноградной; есть еще тут и благовонный плод золотистой оливы, с вечно зелеными ветвями; есть цветы плетеные (24), чада всей дарующей земли. Припевайте же, други, песни при сем возлиянии; вызывайте блаженного Дария, а я принесу подземным богам сии жертвы, землею испиваемые.

Хор: Жена царственная, персами чтимая! Посылай возлияния в недра земли, а мы песнями станем молить вожатаев людей умерших, да будут к нам они под землею милостивы.

Чистые демоны подземные, Земля и Гермий, царь дольний! Вышлите на свет из-под земли душу Дариеву; ибо если он знает, какое средство действительнее, то он один укажет конец бедам.

Слышит ли меня блаженный, богоравный царь? Слышит ли он слова мои варварские, ясные, разноперстные, горькие, смятенные? Прокричу ему тяжкое горе мое. Долу слышит ли он меня?

А ты, Земля, и другие вожатые подземных? Благоволите, да придет дух много похвалявшийся, в Сузах рожденный бог персов; вышлите горе того, подобного кому еще не хоронила Персия.

Да, дорогой это человек, дорога нам эта могила: дорогую душу схоронила она. Аидоней, вожатый Аидоней! Вышли Дария, сей царь один был страшен врагам... О, никогда не губил он людей войнорухительными напастями; устройтелем о боге звали его персы, устройтелем о боге был он, ибо войско тогда счастливо водил. О!

Владыка, древний владыка! Иди, иди, гряди, приди на крайнюю вершину могилы, багряный башмак подымая, блестящей царской тиарою светя. Гряди, отец незлобный Дарий! Увы, увy!

О ты, что умер, много друзьями оплаканный! Зачем, владыко, по сей двойной неразумной ошибке твоего сына погрешившего против царства твоего, зачем у всей сей страны погибли корабли? (25)

Явление 6

Дарий: О верные из верных! О сверстники мои! Какою, о старейшие из персов, скорбью скорбит царство? Земля стенает, убивается, мятется. видя супругу мою близ гробницы, я страшусь, но возлияния принял благосклонно. И вы рыдаете, стоя близ гробницы; громкими воплями, выкликающими души умерших, жалостно зовете меня. А мне выходить нелегко: подземные боги охотнее берут, чем выпускают. Но такова моя между ними сила, что вот – я пришел! Торопитесь же, да не корят они меня, что долго пробыл. Какое же новое зло отяготело над персами?

Хор (*пораженный ужасом*): Страшно смотреть, страшно говорить с тобою, по старому страху к тебе.

Дарий: Но уж если я из дольней области пришел, твоим воплям внявши, оставь обиняки, говори коротко, все скорее кончай. Страх ко мне отложи.

Хор: Боюсь угодить, боюсь сказать тебе, чего друзьям говорить не следует.

Дарий: Ну уж если древняя боязнь вам претит, – ты, старая соучастница моего ложа, жена благородная, ты хоть уйми сей плач и рыдание, скажи хоть что-нибудь ясное. Беды – дело человеческое: могут случаться со смертными! Много зол приключается смертным от моря, много от земли, если жизнь долго продолжится.

Атосса: О, всех смертных по воле судьбы благосклонной превосходивший блаженством! Пока ты смотрел на свет солнечный, проводил ты с персами жизнь блаженную, завидную, словно бог! И теперь я тебе завидую: ты умер, не видав глубины зол... В короткой речи, о Дарий, узнаешь все дело: одним словом, сила персов сокрушена!

Дарий: Каким образом? Мор или возмущение осилили царство?

Атосса: Нет, все войско погибло около Афин.

Дарий: Какой же из моих детей ходил туда походом? Скажи.

Атосса: Ярый Ксеркс, обезлюдев все равнины матерой земли.

Дарий: Пеший или на кораблях покусился он, несчастный, на это безрассудное дело?

Атосса: И так, и сяк: два вида было у войска.

Дарий: Да как же пешее войско, такое большое, могло туда пройти?

Атосса: Чтобы пройти ему, он соединил мостом берега Геллеспонта.

Дарий: Ужели и это ему удалось, – сковать великий Босфор?

Атосса: Так было. Видно, некий бог помогал ему в замысле.

Дарий: О, великий какой-то бог попутал его! Не хорошее дело выдумал сын.

Атосса: Да, судя по концу – потому, какое свершилось бедствие.

Дарий: Какое же несчастье с ними случилось, что вы так горюете?

Атосса: Морское войско побито, и тем погубило сухопутное войско.

Дарий: Так значит, весь совершенно народ погиб от копья?

Атосса: Да. И теперь весь город Сузы оплакивает истребление мужей.

Дарий: О, славно же войско пособило им, славно оборонило их!

Атосса: Погиб дотла народ бактриян, и не будет между ними старика.

Дарий: Несчастный! Сколько погубил он цветущих воинов?

Атосса: Ксеркс, один одинок, с немногими...

Дарий: Где же он? Чем покончил? Есть ли какая надежда?

Атосса: Радостно дошел до моста, две земли соединяющего.

Дарий: И спасся? Добрался до матерой? Это правда?

Атосса: Да! Об этом есть верные слухи. И возмущения нет.

Дарий: О, скоро пришло исполнение пророчеств! Зевес обрушил на сына моего тягость предсказаний. А я еще тешил себя, что боги долго сего не учинят. Но когда кто сам торопится, то и боги ему пособляют.

Теперь открылся, кажется, источник бед над всем, что было мне дорого. Сын мой, не зная того, поступил с юношеской запальчивостью. Он возмечтал сковать, словно раба, священный Геллеспонт, божественный поток Босфора! Он дал иное течение проливу; наложив на него цепи кованые, устроил громадную дорогу для громадного войска. Смертный мечтал, по неразумию, одолеть всех богов, и Посейдона! Как же не болезнь ума обуяло моего сына? Боюсь, чтобы великими трудами добытое мною богатство не стало добычею тому, кто первый захочет овладеть им.

Атосса: Повадила к этому ярого Ксеркса беседа злых людей. Натолковали ему, что ты для детей твоих приобрел оружием великое богатство, а что он по малодушию дома воюет (26), отцова наследия совсем не умножает. Часто слыша от злых людей такие укоры, он задумал сей поход на Элладу.

Дарий: Так! Сделали же они дело! Дело величайшее, приснопамятное, какого никогда не обрушивалось над этим царством, над Сузами! Ничто так не опустошало его с тех пор, как владыка Зевес установил сие достоинство, как один муж скиптродержавный правил всей Азией, стад кормилицею мед, первый был вождь войска. Сын покончил сие дело. Третий за ним Кир, муж блаженный, правлением своим даровал мир всем друзьям; покорил народ лидийский, фригийский; подчинил себе всю Ионию. Боги не ненавидели его, ибо был он разумен. Четвертый водил войско сын Кира. Пятый правил Мард, позор отечеству и древнему трону: его хитро убил Артафрен, – мудрость правила сердцем его, – доблестный в доме своем, с друзьями своими, до кого то дело касалось... Шестой был Марафий, седьмой Артафрен (27). И я добился той участи, которой желал; и я делал много походов с многочисленными войсками, но беды такой царству не чинил. А сын мой, Ксеркс, не разумный не разумничает, заповедей моих не помнит. Помните твердо, сверстники мои, помните, не окажется, чтобы все мы, которые имели верховную власть, сделали столько зла, сколько сын мой.

Хор: А что же, царь Дарий, к чему приведешь, где положишь конец речам твоим? Как нам, народу персидскому, после всего этого благоденствовать.

Дарий: Если не будет ходить походом на землю эллинов, хотя бы мидийское войско, было еще многочисленнее: им сама земля

пособляет.

Хор: Что же это значит? Как она пособляет?

Дарий: Слишком великое войско она голодом морит.

Хор: Да мы пошлем отборное войско, снабдим его всем нужным.

Дарий: И то войско, которое в земле эллинской осталось, благополучно не вернется.

Хор: Что ты сказал? Разве не все варварское войско вышло из Европы, перешло пролив Геллы (28)?

Дарий: Много их было, немного перешло, если только, судя по теперь случившемуся, следует верить предсказаниям богов; ибо нельзя сказать, чтобы одно случилось, а другое нет. А если это так, то отборную часть войска Ксеркс оставил, обольщенный пустыми надеждами. Остались они там, где Асоп дорогие пашни орошает (29). Тут суждено им потерпеть ужаснейшие бедствия, в отплату за дерзость и безбожные замыслы: они, пришедши в землю эллинов, не убоялись грабить идолы, жечь храмы; ими попраны алтари, дотла истреблены жилища богов. За это они, наделав другим бед, теперь не меньшие терпят, и еще будут терпеть; не начинались еще бедствия их: только зарождаются. Кровью их копье дорян утучнит землю Платейскую груды трупов даже в третьем поколении безгласно повесят людям, что смертному слишком заноситься не следует. Наглость их уже прозябла; из нее вырос стебель беды: плачевную жатву пожнут они! Видя такую над собою кару, помните об Афинах и Элладе! Никто да не презирает настоящего счастья, чтобы, погнавшись за чужим добром, не расточит своего огромного богатства. Зевес – каратель заносчивой надменности, тяжкий судия. Потому научите сына разуму, ко благим наставлениям прибегните; в том ваша польза; пусть уймет он заносчивую дерзость, не грешит против богов. Ты же, старая мать Ксеркса, поди в дом; возьми убранство, которое благообразно, выйди сыну навстречу. Болея о бедах своих, разорвал он всю одежду на теле; в клочья изорваны одежды разнопестрые. Упокой его речами ласковыми: я знаю, тебя одной он послушается. А я уйду с земли во мрак, долу. И вы, старцы, прощайте. Всякий день, пока можно, хоть и беды настигли вас, предавайтесь душою удовольствиям: умершим богатство ни к чему не служит.

Хор: Много скорбел я, слушая о бедах, и о настоящих о о тех, что грозят еще варварам!

Атосса: О боги! Сколько злых скорбей постигли меня! Особенно грызет душу та беда, что слышу позорно одеяние на теле сына моего, которое облакает его. Но пойду, возьму убранство из дому, попытаюсь встретить сына. Не изменю в беде тому, кто всего на свете мне дороже.

Хор: О, славная была наша жизнь, добрая была жизнь, благоустроенная, когда правил страной старец, всему довлевший, беззлобный неодолимый царь, богоравный Дарий. Прежде всего, славились мы войском многочисленным, и войско то поддерживало всякие законы, башнями огражденные (30); домой с войны оно возвращалось без трудов, без кручины, веселое, удачливое! Которые города полонил он, не перешед реки Галия, родного очага не покидая; которые соседят с Фракиєю, лежат на островах моря Стримонского, – и которые вдали от моря, на материке, обведены башнями, – все царя того слушались. И у широкого пролива Геллы начинающаяся извилистая Пропонтида и устье Понта, и острова вокруг мыса, к сей земле примыкающие, – каковы Лесб, родящий оливу, Сам, Хий, Пар, Накс, Микон, с Теном смежный Андр; и приморские, что у среднего берега, острова – Лемн, Икар, Род, Книд, и кипрские города – Паф, Солы, Саламин, мать которого виновница теперь сих стенаний – все подвластны были ему! И богатыми многолюдными городами в области Ионийской правил он по мудрости своей (31). Была у них рать безустальная, из мужей, в доспехи облаченных, и пособников великих. А теперь – несомненно, богам должны приписать мы, что сокрушила нас крепко война, поражение морское.

Явление 8

Ксеркс: Увы, горе мне! Ненавистна участь моя, участь невообразимая! Как свирепо напал демон на персов! Что мне, жалкому, делать? Сила тела моего сокрушилась при виде старцев сих... О, если бы, о Зевес, и меня, с людьми там погибшими, смертный час постиг!

Хор: О, царь доброго войска великой славной Персии, знатных мужей, скошенных ныне демоном! Страна оплакивает гибель рожденных в ней юношей: Ксеркс наполнитель ада персами. Много мужей, луком ратовавших, цвет страны сей, пошли в ад; мать людей погибла! О, славное войско! Азийская земля, о царь страны сей, страшно, страшно упала!

Ксеркс: Это я, жалкий, плача достойный, стал бедою земле отчей.

Хор: Приветом возвращению твоему – пошлю я зловещий крик, злоскорбный стон, многослезный вопль мари-ондинского плакальщика (32).

Ксеркс: Пускайте глас скорбный, плачевный, нестройный. Беда сия на меня же пала.

Хор: Да, как ни скорблю я, пушу глас плачевный, славя беды, врагам нанесенные, морем насланные, беды царства, по юношеству горюющего. Завоплю, завоплю воплем слезным!

Ксеркс: Иоанов отнял их у нас, Иоанов Арей корабельный, Арей переметчик, разбил нас на море излучистом и на острове злополучном (33).

Хор: О, вопи, дай обо всем узнать. Где остальная толпа друзей? Где клевет твой? Где Фарандан, Суса, Пелагон, Псаммий, Дотама, Агдават, Сусискан, Ватаны покинувший (34).

Ксеркс: Я покинул их; они погибли, упав с тирийского корабля и разбившись о жесткие скалы Саламина.

Хор: О, вопи; где Фарнух? Доблестный Ариомард? Где князь Севалк? Благородный Лилей? Где Мемфий, Фарибий, Масистра, Артемвар, Гистехма? Вот еще о ком спрашиваю тебя?

Ксеркс: О, горе, горе мне! Узрев маститые, ненавистные Афины, все они под одной волною бьются, бедные, на песку.

Хор: Уж, видно, покинул ты там и верный глаз твой во всем, тьмы тем на войны водившего, сына Ватанехова – Алписта; и сына Сесамова, внука Мегабатова, и Парфа, и великого Эвара. Сужу по тому, что такие по словам твоим приключились с персами честными беды бедские.

Ксеркс: Ты будишь во мне тоску по доблестным товарищам. Когда говорю о незабываемых, ненавистных бедах, вопит в груди моей, вопит сердце!

Хор: И еще вспомнили мы про одного мужа, про вождя тем Мардов Ксанфия, про Ареева питомца Анкара, про Диексия, Арсака, князей конных, про Кегдадата и Лифимну, про Толма, битвой ненасытного. Дивлюсь, дивлюсь! Нет их у повозки твоей, не пришли с тобою (35).

Ксеркс: Сколько ни было вождей войска, все погибли!

Хор: О, погибли бесславно!

Ксеркс: О, о! Увы, увy!

Хор: О, послали нам боги беду безнадежную, беду злую, в какую только крайнее ослепление могло вовлечь нас.

Ксеркс: Побиты мы: такова судьба моя!

Хор: Побиты! Ясно!

Ксеркс: Новые это, новые беды!

Хор: Что не в час сошлись мы с Иоанами корабельщиками. Несчастен, видно, на войне род персов.

Ксеркс: Как же не несчастен? С таким войском, – и я, бедный, разбит!

Хор: Правда твоя, жестоко погибла Персия.

Ксеркс (*указывая на одежду свою*): Видишь, что осталось от моего убранства?

Хор: Вижу, вижу!

Ксеркс (*указывая на пустой колчан*): И это...

Хор: Что это, ты говоришь, еще уцелело?

Ксеркс: Хранилище стрел?

Хор: Немного же немногого!

Ксеркс: Лишились мы пособников!

Хор: Иаоны не трусливы.

Ксеркс: Храбрейший народ! Видел я напасть безнадежную...

Хор: О том говоришь, как толпа корабельная обратилась в бегство?

Ксеркс: Одежду разорвал при виде беды.

Хор: Увы, увы!

Ксеркс: Даже больше, больше, чем увы!

Хор: Двойная, тройная.

Ксеркс: Беда, а врагам – радость.

Хор: И сила наша сокрушена!

Ксеркс: Нет при мне спутников!

Хор: Погибли друзья на море!

Ксеркс: Рыдай, рыдай о напасти и иди домой,

Хор: Увы, увы! Беда, беда!

Ксеркс: Вопи же в ответ мне.

Хор: Худая худому мзда за худое (36).

Ксеркс: Голоси со мною!

Хор: Увы, увы, увы!

Ксеркс: Тяжка беда сия!

Хор: О, я о том-то и скорблю.

Ксеркс: Убивайся, убивайся и стенай мне в угоду.

Хор: Обливаюсь слезами, скорбный.

Ксеркс: Вопи же в ответ мне.

Хор: Забочусь о том, владыко!

Ксеркс: Усиль вопли!

Хор: Увы, увы, увы!

Ксеркс: Присоединим бичевание.

Хор (*бьют себя*): О, побои скорбные!

Ксеркс: Бей в грудь, вопи по-мисийски (37)!

Хор: Горе, горе!

Ксеркс: Рви ради меня из бороды седые волосы!

Хор: Рву без пощады, без пощады! Горе мне!

Ксеркс: Кричи громче!

Хор: И это сделаю,

Ксеркс: Рви одежду на груди.

Хор: Горе, горе!

Ксеркс: Щипли волосы на голове и горюй о войске.

Хор: Щиплю без пощады, без пощады! Горе мне!

Ксеркс: Слези очи твои.

Хор: И так слезю.

Ксеркс: Вопи же в ответ мне!

Хор: Увы, увы!

Ксеркс: Иди домой с плачем!

Хор: Плачу, плачу!

Ксеркс: О, земля персидская, плачевная!

Хор (*прислушиваясь к воплям, раздающимся по городу*): Вопли по городу!

Ксеркс (*тоже прислушиваясь*): Подлинно, вопли...

Хор: Да, да!

Ксеркс: О, земля персидская, плачевная!

Хор: Пусть скорбит, пусть вопит она!

Ксеркс: Подлинно, пусть вопит.

Хор: Да, да!

Ксеркс: О, о!

Хор: Гниют теперь.

Ксеркс: О, о!

Хор: Прежние неженки.

Ксеркс: О, о!

Хор: На трехскамейных...

Ксеркс: О, о!

Хор: Кораблях погибшие!

Ксеркс: Ступай домой, проводи меня!

Хор: Провожу тебя нестройными воплями!

Примечания к трагедии Эсхила «Персы»

1. Точнее, лидяне, под именем которых разумеются и все живущие на западе у материка. Эсхил нарочно выражается неясно, не хояет прямо сказать, что в войске персидском были и эллины – ионяне.

2. Эсхил, как увидите, самих персов заставляет отзываться о своем войске презрительно: пестрая толпа, стадо необъятное, гам речи персидской и т. п.

3. То есть персов на эллинов. Главное оружие персов был лук, эллинов – копье. На это непрестанно намекается в этой трагедии. См. особенно конец 2 явления. Арей – бог войны, то, что у римлян Марс. Часто у греческих поэтов имя бога войны употребляется вместо имени войны.

4. Город Киссиев – то же, что Сузы, по свидетельству Страбона. По Геродоту Сузы находились в области Киссиевой. Эсхил же отличает Сузы от Киссиева города, вероятно, по тому, что не знал дела в точности. *Висс* (виссон): этим именем древние означали различные, хотя, может быть, и похожие предметы. Но прежде всего надлежит заметить, что нет ничего общего между виссом древних и тем виссом (*byssus*), который слывет под этим именем у новейших ботаников. Висс древних – растительный. Виссом называлась хлопчатая бумага и особый род индийского льна. Был висс белый, желтый; последний был дорог. Виссом назывались и льняные, и шелковые материи. Вообще решить этот смутный вопрос нелегко.

5. Персы ли, или эллины побеждают. См. прим. 6. Верные называют род Ксерксов по родоначальнику себе близким, потому что родоначальником был Персей.

6. Ионами звали персы эллинов, потому что прежде других эллинов стали им известны и были ими покорены ионяне мало-азийские. Речь Атоссы вообще темна по причине, объясненной в разборе «Персов». В настоящем случае она говорит, что материального богатства без людей, способных охранить его, уважать не следует; но с другой стороны, как бы ни был высок человек, без того же богатства трудно ему приобрести уважение (чисто персидское понятие).

7. И здесь дорическое одеяние в смысле: эллинское, греческое вообще.

8. Силении – берег скалистый Саламина.
9. Саламин.
10. На Саламине виделось много голубей.
11. В войске Маталла были все вороньи кони.
12. Иные писатели греческие определяют число кораблей персидских и греческих несогласно с Эсхилом; впрочем в подобных делах и невозможны точные сведения.
13. Аластор – мстительное божество; собственно: божество, не забывающее, не прощающее преступлений.
14. Вокруг Саламина.
15. На горе Эгалее в Аттике.
16. То есть некоторые в войске персидском гибнут от того, что, измученные жаждою, когда находили наконец родник, пили неумеренно.
17. Вся Персия горюет: горюют старые матери, горюют молодые жены, горюют Верные.
18. См. при. 9.
19. Первенцами по злой участи Эсхил называет тех персов, которые погибли у Саламина, у берега Кикрейского, названного так по Кикрею, древнему царю Саламина.
20. «Безгласными детьми нескверного», т. е. моря, Эсхил называет рыб.
21. Саламина.
22. Дарию.
23. Пчелы.
24. Венки.
25. Конец сей песни в подлиннике сильно испорчен. Переведено по реставрации, так сказать, Германовой, но не в точности.
26. «Дома воют как петух»: так Пиндар (Олимп. 12, 19) и в нескольких местах Эсхил говорят о гаремной жизни.
27. Мы видели, что Эсхил (прим. 7) различал город Киссиев от Суз. Да и вообще греки в его время имели о древнейшей истории Персии смутные понятия. Потому Эсхил, Геродот, Ксенофонт разногласно толкую о предшествовавших Дарию царей персидских.
28. Геллеспонт.
29. Ксеркс оставил в Беотии с Мардоном 30 000 войска.

30. То есть войско и крепости держали все подвластные персидскому царю народы в повиновении и заставляли их исполнять волю его.

31. Галлий, ныне Кизил-Ирмак, величайшая река в Малой Азии, составлявшая границу между Лидией и Персией. Морем Стримонским называет Эсхил ту часть Архипелага, в которую впадает Стримонт, река в Македонии. Пролив Гелы – Геллеспонт, Дарданельский пролив. Пропонтида – Мраморное море. Устье Понта – Константинопольский пролив. На Кипре жители острова Саламина основали город Салаин, «которого мать была виновницею» поражения Ксерксова.

32. Мариандины жили на берега Понта Эвксинского в Вифинии. Мариандинские плакальщики особенно славились.

33. См. прим. 9 и 6.

34. Батаны: была Батанея в Палестине.

35. За царем всегда следовали приближенные лица. Теперь же Ксеркс приехал один и не на колеснице, а на простой повозке. Верные дивятся тому.

36. Нам, говорят Верные, велишь ты вопить: вот каким горьким даром можем мы тебе, безумному, отплатить за причиненные тобою обиды.

37. Мисяне, как и мариандины (прим. 36), как каряне и фригияне, славились искусством голосить, плакаться.

Персы
Тимофей Милетский

Ном

1.

Синь рассекая водорезом,
С разбега струг врезался в струг
И острым, как копье, железом
Крушил сосну ладейных рук (1).
Когда, пронзив ладью Эллады,
Железный клюв кромсал кряжи,
На гребень варварской насады
Рвались ахейские мужи.
А если мимо корабля
Стальные молнии летали,
Удары весел синь считали,
Смерть отвращая от себя.
Размыканные корабли
Льнов опоясками сверкали:
Одни ко дну мгновенно шли,
Других же громы повергали —
Сталь побеждала красоту.
И бог войны, огнем каленый,
Срываясь с тетивы крученой,
Звения железом налету,
Врезался в бой стрелой точеной.
Тут смерть куски свинца несли,
Горящие льняные связки
На палках, срубленных вдали
Для бычьей пастухом остратки.
И много жизней во вселенной
Легло на жертвенник военный —
Медноголовых змей наука,
В пространство пущенных из лука.
Огнистые потоки тут

От кораблей струились ало,
Багряня гриву-изумруд
Дневного моря. Все кричало.

2.

Морская сила персиян
Помчалась в море-океан:
На нем венец из рыб сверкал
И мраморились крылья скал.
Какой-нибудь фригийский ратай,
Чью землю в день не обойти,
Руками, как большой лопатой,
Копал ладейные пути.
Он плыл, как остров, по теченью,
Бичуемый кнутом ветров,
Искал повсюду путь к спасенью
И умолял своих богов.
Когда же ветер затихал,
Уста захлестывала брага:
Ее варила между скал
Отнюдь не Вакхова корчага.
И, соль из глотки изрыгая,
Зубами скрежеща во тьму,
Кричал безумец, угрожая
Морскому богу самому:
«Ты, дерзкий, видно, позабыл,
Но мой владыка неспроста
Над Геллой (2) берега скрепил
Льняными узами моста.
Настанет время – он придет
И соснами азийских гор
Взволнует воды, а простор
Во взор блуждающий замкнет!».

3.

Туда, где зыбь морская,
Стремится побыстрей
Распуганная стая
Персидских кораблей.
Летят они над бездной
В сумятице такой,
Что бьется клюв железный
О гребень струговой.
Стоит и треск, и скрежет,
И шум, и брань вокруг,
Когда железо режет
Сосну ладейных рук.
Вот в скрежете и взвизге
Удар еще страшней.
Лишь мраморные брызги
Летят из челюстей.
Кормила, гребни, ростры –
Все рушится во прах...
И было небо в звездах,
Как море – в мертвецах.

4.

А тот, кто все же спасся чудом,
Кто по прибрежным скользким лудам
Добрался до Силенских скал (3),
Бореем (4) напоен студеным,
Под чужеземным небосклоном
Созвездья Азии взыскал:
«О вы, мизийские разлоги,
Где чернолесья так растут,
Что златокованные роги
Запутывает месяц тут.

Вернуться б к вам, родные дебри,
Забыть о Греческой стране,
Где ветры рыкают, как вепри,
И рыщут от волны к волне.
Здесь вход в пещеру нереид,
Который день и ночь открыт:
Лежит без дна морская падь —
Мне до нее рукой подать.
Судьба, води меня к пределу,
Откуда, не смутясь ничуть,
Ты вымостила через Геллу
Столь далеко ведущий путь.
Я б город Сарды не покинул,
С шихана Тмольского (5) не слез,
С размаха в элина не ринул
Стальной персидский криворез.
А ныне, мыкаясь в беде,
Ищу убежища: везде
Лишь море синее шумит
Да эллинская сталь звенит.
Живу одной надеждой смутной:
Когда бы мог я наяву
Припасть к богине златокудрой,
Одетой в черную листву:
О Великая Горная Мать (6), спаси,
В золотую мизийскую даль унеси,
Огради прегражденного в днях ты от сеч,
Да не срубят мне голову эллинский меч,
Да не сгубят мне плоть леденящий Борей,
Не размечет по синим отрогам морей;
Чтобы славил до смерти богиню мою,
Прикажи от меня отлететь воронью».

5.

Как повел не спеша

Ратоборничек в плен
Одного торгаша
Из богатых Келен (7).
Тот к коленам припал
И к поножам приник,
И Эллады язык
С азиатским мешал.
С уст срывая печать,
Он пытался кричать,
Но от страха икал
И лобзал острый меч.
Он на ощупь искал
Ионийскую речь:
«Я, мне, тебе...
В чем дэло, друг?
Меня вел царь,
Я не хотэл.
Друг, никогда
Здесь воевать,
У Суз, у Сард –
Там буду жить
Я тихо-тихо...
Зевес – мой бог,
Свидэтель он!»

6.

А царь поверженной Персиды
Еще взирал издалека,
Как расточали нереиды (8)
Его блестящие войска.
Там мечники, на диво прытки,
В кривом бегу стремились прочь,
Прекраснотканые накидки
Перстами раздирая включь.
Там лучший лучник Экбатана (9)

Быстрее дротика летел,
Вышвыривая из колчана
Горсть обоюдоострых стрел.
Там копье мет из Вавилона,
Метнув куда-то копьецо,
Рысил, спасаясь от полона,
До слез царапая лицо.
И над ахейскою землею
Стоял такой великий стон,
Как будто Азией самою
Он был из неба извлечен.
И так смешалось все в округе —
Огонь и море, кровь и гарь,
Что очи отвратил в испуге
Великий азиатский царь:
«Дворец, и тот на гибель обречен,
Когда оградой он не защищен.
Сегодня греческие корабли
Персиды щит разбили и сожгли.
Где слава Азии? Где чудный цвет ее?
Где молодое воинство мое?
Иных пожрал огонь, а меч иных посек.
Плывут пустые струги на Восток.
Рыдай, Персида: скорбный час пришел.
Обратный путь и горек, и тяжел...
Немедля запрягать мне четверню!
Предать шатры поганому огню!
Сносить в повозки злато-серебро —
Не будет впрок им царское добро!»

7.

А греки, возвратившись к месту
И, сотворив по мертвым жаль,
В удел священному Зевесу
Воздвигли варварскую сталь.

А после, следуя закону,
Свершая праздничный обряд,
Воспели славу Аполлону,
Ногами ударяя в лад.

8.

Оставь Пифийское подворье,
Златокифарный ворожей,
Приди и окажи подспорье
Поэме звончатой моей.
А то иной знаток зловеще
Шипит из темного угла,
Что голосом своим бесчещу
Я лад святого ремесла.
Люблю друзей златокифарных,
Зато взащей гоню других –
Звукозаконников бездарных
И горлодеров площадных!
Когда-то в чародейной тяге
Орфей к узорной черепахе
Приладил семь крученых жил
И песню первую сложил.
Небесному вверяясь дару,
За ним Терпандр (10) взнуздал кифару,
Десницей натянув своей
Десяток золотых вожжей.
И вот, владея слухом верным,
Теперь пришел другой колдун,
Который чистым звукомером
Одиннадцать настроил струн.
Он отворил чертог согласия,
Где твой оберегался клад:
Голосники труда и счастья,
Любви волшебный звукоряд.
В священном городе туманном

Явись ты, вещий Аполлон,
Даруя мирным горожанам
Добра и красоты закон.

Примечания к ному Тимофея Милетского «Персы»

Сосна ладейных рук – весло.

Гелла – Геллеспонт, Дарданельский пролив.

Силенские скалы – скалы острова Саламин.

Борей – северный ветер.

Тмол – гора в Лидии, на которой персы воздвигли сторожевую башню.

Великая Горная Мать – богиня Кибела.

Келены – город на юге Малой Азии.

Нереиды – морские нимфы.

Экбатаны – столица Мидии.

Терпандр (VII до Р. Х.) – древнегреческий поэт, создатель нома.

Фемистокл

Плутарх

Происхождение Фемистокла. – Молодость и воспитание. – Участие в государственных делах. – Вражда с Аристидом. – Постройка афинского флота. – Отрицательные черты характера Фемистокла. – Его заслуги во вторую Персидскую войну. – Сооружение афинских стен.

– Непопулярность Фемистокла среди афинских союзников. – Его изгнание. – Бегство из Арга в Керкиру. – Фемистокл в Эпире и Малой Азии. – Фемистокл при дворе Артаксеркса. – Жизнь в Персии. – Смерть Фемистокла.

– Почести, оказанные его потомкам.

1. По происхождению Фемистокл не принадлежал к аристократам: отец его, Неокл, из фреаррского дома леонтидской фиды, не мог назваться слишком знатным афинянином, по матери же он был незаконорожденным, что видно из стихов:

Меня зовут Абртонон, я фракиянка по происхождению,
Но горжусь, что родила грекам великого Фемистокла.

Фаний, напротив, говорит, что мать Фемистокла была не фракиянка, а карянка и что ее звали не Абртонон, а Евтерпой. Неант называет даже город, где она родилась, – Галикарнасс, в Карии.

Незаконорожденные собирались для гимнастических упражнений в Киносарге, гимназии за городскими воротами, посвященной Гераклу: он считался также незаконорожденным между богами, не чистой крови, как сын смертной. Фемистокл уговорил несколько законорожденных молодых людей ходить вместе с ним для гимнастических упражнений в Киносаргу. Хитрость удалась ему, и, вероятно, он сумел уничтожить различие между незаконорожденными и законными детьми.

Бесспорно одно – что он принадлежал к роду Ликомидов: когда флийский храм, составлявший собственность фамилии Ликомидов, сожгли неприятели, он возобновил его на свой счет и, если верить Симониду, украсил живописью.

2. Все говорят, что он еще ребенком был страстен, понятлив от природы и выражал желание свершить великое и принять участие в государственных делах, – в свободные часы, во время отдыха после учения, он не играл и не шалил, как остальные дети, напротив, его заставляли за обдумыванием плана или сочинением какой-либо речи. В этих речах он выступал иногда в роли обвинителя, иногда в роли защитника кого-либо из детей, поэтому его учитель не раз говаривал ему: «Из тебя, мальчишка, выработается что-либо особенное – или замечательно хорошее, или замечательно дурное».

Таков был он и на школьной скамье. То, что облагораживало душу, доставляло удовольствие и служило к совершенствованию, он учил лениво, из-под палки, зато, надеясь на свои способности, с несвойственным его летам усердием занимался изучением того, что могло развить ум и имело отношение к практической жизни. Вот почему, когда позже над ним стали насмехаться люди, считавшие себя светски воспитанными, он принужден был дать в свою защиту гордый ответ, что «он не умеет настроить лиру или сыграть на кифаре, но, если ему поручат управление маленьким, ничем не замечательным государством, он может сделать его славным и сильным».

По словам Стесимброта, Фемистокл слушал Анаксагора и был учеником философа-физика Мелисса; он не ошибается относительно хронологии: Мелисс начальствовал над самосцами во время осады их острова Периклом, который был гораздо моложе Фемистокла и находился в дружеских отношениях с Анаксагором. На этом основании можно согласиться скорей с теми, кто называет Фемистокла последователем Мнесифила Фреаррского, который не был ни ритором, ни «философом-физиком» – он занимался философией в том смысле, в какой ее понимали тогда, т. е. умении управлять государственными делами и знакомстве с практической жизнью. В этом случае Мнесифил был основателем как бы особенной школы и продолжателем учения, заимствованного им у Солона. Последователи его примешали в это учение науку о праве, вместо дела обратили внимание на слова и

получили имя «софистов». С этим-то человеком и сошелся Фемистокл, готовясь вступить на арену политической деятельности.

В ранней молодости он был изменчив, непостоянен. Отдавшись весь природным наклонностям, не сдерживаемым ни рассудком, ни воспитанием, он в своих стремлениях вдавался в большие крайности и часто сбивался с честного пути. Позже он сам признавался в этом, говоря, что и «самые горячие жеребцы становятся прекрасными во всех отношениях лошадьми, стоит только дать им хорошую выправку, объездить их».

В связи с этим некоторые рассказывают, будто отец лишил его наследства, мать же его покончила с собой вследствие позора от неприличного поведения ее сына; но едва ли эти рассказы заслуживают доверия. Другие рассказывают совершенно противоположное – будто отец, желая отговорить его от участия в каких-либо общественных делах, показал ему заброшенные, забытые на морском берегу старые триеры и сказал, что «так поступает народ с демагогами, в которых больше не нуждается».

3. Фемистокл рано вступил на арену политической деятельности. Он был полон сил, и жажда славы явно заглушила в нем другие страсти, и с первых же шагов им овладело желание быть первым между остальными. Он смело поставил себя в неприязненные отношения к самым влиятельным и выдающимся лицам в государстве, в особенности к сыну Лисимаха, Аристиду, который поступал всегда наперекор ему.

Врагами они сделались совершенно из-за пустяков. По словам философа Аристона, оба они были влюблены в кеосца, красавца Стесилая. Вражда между ними обнаружилась и в их политической деятельности. Несогласие между ними еще более увеличилось вследствие разницы их образа жизни и характеров. Аристид был добр по природе и по характеру – вполне честен. Как государственный человек, он не искал ни популярности, ни славы, он имел в виду одно общее благо и поступал осторожно и справедливо. Ему часто приходилось выступать противником Фемистокла, который побуждал народ к многочисленным переменам вообще, к коренным преобразованиям в государственном устройстве и вести борьбу с его возмраставшим влиянием.

Говорят, Фемистокл так жаждал славы, желал свершить великое, честолюбие его было так сильно в нем, что после сражения с персами при Марафоне, где Мильтиад приобрел себе громкую известность как полководец, молодого человека стали часто замечать задумчивым; он лишился сна и перестал ходить на пирушки сверх своего обыкновения. Если его спрашивали удивленно, почему он переменил образ жизни, он отвечал, что ему не дают спать «лавры Мильтиада». В то время как другие считали войну оконченной после победы над персами при Марафоне, Фемистокл видел в ней только начало другой, более серьезной борьбы. Для нее он и готовил себя, желая выступить защитником целой Греции, к ней желал он подготовить и своих сограждан: он уже издали видел будущее.

4. Прежде всего он обратил внимание на то, куда употреблялись доходы с серебряных лаврийских рудников. Обыкновенно афиняне их делили между собой.

Один он осмелился заявить в Народном собрании, что дележ этот следует отменить, вырученные же деньги употребить на постройку триер для войны с Эгиной. Эта война была тогда в Греции в полном разгаре. Благодаря своему многочисленному флоту эгинеты владычествовали на море. Фемистоклу не стоило труда убедить своих сограждан, так как он не пугал их ни Дарием, ни персами, – они были далеко, и вторичного нашествия их не особенно боялись, – и ловко воспользоваться их ненавистью и завистью по отношению к эгинетам для постройки флота. На те деньги было построено сто триер, участвовавших в морских сражениях с Ксерксом.

С тех пор Фемистокл начал постепенно приохочивать граждан к занятию мореплаванием, внушать им любовь к нему: по его мнению, они не имели основания рассчитывать на успех в сухопутной войне даже с соседями, между тем как при помощи флота могли не только защищаться от нападений персов, но и сделаться владыками Греции. По выражению Платона, Фемистокл сделал своих сограждан из неповоротливых гоплитов легкими на ходу матросами и моряками. Но в то же время он обвинял его в том, что он «отнял у своих сограждан копье и щит и приковал афинян к веслам». По словам Стесимброта, он мог достичь этого только тогда, когда ему удалось одержать верх над Мильтиадом, подавшим свой голос против его предложения.

Извратил ли он этим определенные цели и честные стремления, которые преследовали его сограждане, или нет, – вопрос, требующий более глубокого рассмотрения; но что спасение Греции заключалось в то время во флоте и что те триеры помогли восстановить Афины, доказал, между прочим, сам Ксеркс. Разбитый на море, он бежал, сознавая свое бессилие продолжать борьбу, хотя его сухопутное войско нисколько не пострадало. Мардония, мне кажется, он оставил скорее для того, чтобы помешать грекам преследовать неприятеля, нежели для их покорения.

5. Корыстолюбие Фемистокла некоторые объясняют его большими расходами. Он любил приносить жертвы, тратился на блестящие приемы иностранцев, вследствие чего нуждался в больших средствах. Напротив, другие обвиняют его в сильной скупости и мелочности, в том даже, будто он продавал провизию, которую ему посылали. Он просил однажды коннозаводчика Филида подарить ему жеребенка. Когда тот ответил отказом, Фемистокл пригрозил ему, что вскоре сделает из его дома «деревянного коня», намекая этим на семейные ссоры и процессы, которые он намерен был возбудить между заводчиком и его родственниками. Своим честолюбием он оставлял позади себя всех – молодым и еще неизвестным человеком он упрямил пользовавшегося большой известностью между афинянами кифариста-гермионца Эпикла упражняться в игре у него в доме, – ему было лестно, что многие будут ходить в его дом, посещать его. Уехав в Олимпию, он вздумал соперничать с Кимоном относительно стола у палаток и остального, в чем мог показать роскошь своей обстановки. Грекам это не понравилось, по их мнению, это было простительно первому, который был молод и происходил из хорошей фамилии, между тем как Фемистокл еще не был известен и, казалось, хотел тягаться не по средствам и забывал о своем происхождении, отчего прослыл хвастуном.

Одержав победу в качестве хорега в трагедии, – подобного рода состязания были уже в то время целью горячих желаний и честолюбивых стремлений, – он поставил в память своей победы доску со следующей надписью: «Фемистокл, из фреаррского дема, был хорегом, Фриних поэтом, Адимант – архонтом».

Несмотря на это, он сумел приобрести расположение народа частью потому, что мог назвать каждого из граждан по имени, частью потому,

что был беспристрастным судьей во всех спорах. В бытность его стратегом Симонид Кеосский стал однажды просить его сделать несправедливый поступок. На это он ответил ему, что «он, Симонид, не мог бы быть хорошим поэтом, если бы он не соблюдал меры в стихах; так и он не был бы хорошим должностным лицом, если бы из желания угождать кому-либо преступал законы». В другой раз он в шутку сказал Симониду, что «он глуп, так как оскорбляет коринфян, жителей могущественного города, и при своей замечательно некрасивой наружности снимает с себя бюсты».

Снискав себе мало-помалу любовь народа, он в конце концов с помощью своей партии добился изгнания Аристиды посредством ostracism.

6. Во время нашествия на Грецию персов афиняне стали советоваться, кого избрать им полководцем. Говорят, все добровольцы отказались от звания стратега из страха перед приближающейся грозой. Один Эпикид, сын Эвфемиды, демагог, обладавший даром слова, но слабохарактерная и подкупная личность, выступил искателем должности стратега с вероятностью быть избранным при голосовании. Фемистокл испугался, что если главное начальство над войсками перейдет к Эпикиду, он сможет совершенно погубить свое отечество. За известную сумму денег он купил его честолюбие.

Точно так же хвалят его поступок с одним из переводчиков, приехавшим с послами персидского царя, которые требовали от греков «земли и воды». Он приказал схватить переводчика и по определению Народного собрания казнить его за то, что он «смел передавать по-гречески приказания персидского царя». Равным образом находили справедливым поступок Фемистокла с велейцем Артмием: по его предложению последний вместе с детьми и родом был лишен гражданской чести за то, что привез в Грецию персидское золото.

Важнейшая же из всех его заслуг состояла в том, что он положил конец войнам между греками и помирил отдельные государства, убедив их прекратить свою вражду в виду близкой войны, в чем, говорят, нашел себе ревностного помощника в лице аркадца Хилея.

7. Получив главное начальство, он прежде всего стал уговаривать граждан сесть на корабли. Ему удалось их убедить покинуть и встретить персов на море на возможно большем расстоянии от Греции. Но он нашел многочисленных противников, поэтому приказал послать

сильное войско в Темпейскую долину, к спартамцам для защиты Фессалии, – в то время никто не ожидал, что она перейдет на сторону персов. Ничего не сделав, войско вернулось обратно. Все до границ Беотии покорилось персидскому царю. Тогда афиняне стали с большим вниманием слушать советы Фемистокла относительно войны на море и отправили его с флотом к Артемисию для защиты пролива.

Здесь греки требовали, чтобы начальство было передано Эврибиаду, спартамцам; но афиняне отказались повиноваться другим, так как они выставили большее число кораблей, чем все остальные греки вместе взятые. Сознавая опасность положения, Фемистокл не только лично уступил начальство Эврибиаду, но и успокоил афинян, обещая им, в случае, если они станут храбро сражаться с неприятелями, в будущем добровольно подчинить греков. Вот почему ему, главным образом, принадлежит заслуга спасения Греции, и он же более, чем кто другой, покрыл славой афинян: неприятелей они превзошли храбростью, союзников – великодушием.

Когда персидский флот кинул якорь в виду Афет, Эврибиад испугался множества выстроившихся против него кораблей. В это же время он узнал, что двести других кораблей обогнули Скиатос. Он решил немедленно вернуться в самую Грецию, не удаляться от берегов Пелопоннеса и защитить флот при помощи сухопутного войска: борьбу с флотом персидского царя он считал решительно невозможной.

Эвбейцы боялись, что греки покинут их на произвол судьбы, и вошли с Фемистоклом в тайные отношения, отправив к нему Пелагонта с большой суммой денег. По рассказу историка Геродота, Фемистокл взял их, чтобы дать Эврибиаду и другим.

Из соотечественников Фемистокла особенно противодействовал ему Архитель, командовавший «священным» кораблем. Не имея денег для уплаты жалованья матросам, он спешил уплыть домой. Фемистокл стал еще более настраивать против него матросов, так что они однажды сбежались и отняли у него ужин. Архитель был смущен и рассержен их поступком. Тогда Фемистокл прислал ему в корзине ужин из хлеба и мяса, положил под ним талант серебра и советовал ему «сегодня поужинать, а завтра позаботиться о матросах», в противном же случае грозил разгласить между его согражданами, что

он подкуплен неприятелями. Так, по крайней мере, рассказывает Фаний Лесбийский.

8. Стычки, происходившие в то время в проливе с персидскими кораблями, не имели, в общем, большого влияния на исход войны, тем не менее принесли грекам огромную пользу – они могли узнать на опыте, умеют ли владеть оружием. Практически лицом к лицу с опасностью они убедились, что ни множество кораблей, ни роскошь, ни богатство их украшений, ни хвастливые крики, ни военные песни неприятелей не страшны людям, умеющим владеть оружием и не боящимся вступить в рукопашную, что на это не следует обращать внимания, нужно только ринуться на врага и кончить сражение в рукопашной схватке. Все это, кажется, прекрасно понимал Пиндар, сказавший о битве при Артемисии:

... там афиняне положили начало
Своей славной свободе.

Действительно, храбрость – начало победы.

Артемисием называется береговая полоса на Эвбеи, к северу от Гестиэей. Как раз против нее лежит Олизон в области, принадлежавшей раньше Филоктету. Там находится небольшой храм Артемиды. Вокруг него растут деревья. Он обставлен колоннами из белого мрамора. Если мрамор потереть рукой, он принимает цвет и запах шафрана. На одной из колонн высечена следующая надпись в стихах:

Множество различных народов, пришедших из Азии,
Афиняне разбили некогда здесь в морском
Сражении и, уничтожив персидские войска, воздвигли
Эти колонны в честь девственницы Артемиды.

На морском берегу показывают среди лежащих вокруг куч глубокого песка место, откуда можно вырыть горсти черной, как бы

пережженной пыли, похожей на пепел. Здесь, вероятно, сожжены были обломки кораблей и трупы убитых.

9. Когда стоявшие при Артемисии греки узнали о том, что произошло в Фермопилах, – что Леонид убит и проходы на сухом пути в руках Ксеркса, – флот начал отступать к берегам внутренней Греции, причем афиняне, гордясь своей храбростью, своими подвигами, шли последними.

Плывя вдоль берега, Фемистокл отмечал те места, которые могли служить стоянкой неприятелю для снабжения провиантом или же убежищем. Он или отмечал крупными буквами случайно находимые им камни, или сам ставил их там, где должен был бросить якорь неприятель, чтобы запастись водой. В сделанных им надписях он просил ионийцев, если можно, перейти на сторону афинян, их родичей, и принять вместе с ними участие в борьбе за свободу, если же нельзя, то наносить в сражении персам какой-либо вред и пугать их. Этим он надеялся или заставить ионийцев перейти на сторону греков, или поставить их в затруднительное положение, навлечь на них подозрение персов.

Когда Ксеркс вторгся с севера в Фокиду, пройдя Доридой, и стал выжигать фокидские города, греки не оказали ему сопротивления, несмотря на то, что афиняне просили их двинуться для защиты Аттики, в Беотию, навстречу неприятелю, как сами дрались за всех на море при Артемисии. Их никто не слушал – все думали лишь о защите Пелопонесса: хотели собрать на перешейке все силы и провести затем на перешейке стену от одного моря до другого. Предательство их раздражило афинян, но в то же время они впали в уныние и отчаяние, видя свое одиночество. О сражении с неприятелем, подавлявшим их своей численностью, они не могли и думать: оставалось одно – очистить город и перейти на корабли. Большинство были против этого – они не желали победы ценой пожертвования храмами богов и могилами предков и не ожидали в таком случае спасения для себя.

10. Видя невозможность убедить толпу своими доводами, как человека, Фемистокл прибегнул к помощи знамений со стороны богов и изречений оракула, как в трагедиях прибегают к помощи машин. Таким знамением был для него случай со священным змеем, который, как говорили, уполз в то время из храма. Ежедневно выставляемую для него пищу жрецы нашли нетронутой, о чем рассказали народу.

Фемистокл объяснил, что богиня покинула город, указывая афинянам путь к морю. Подобным же образом удалось ему склонить на свою сторону народ и объяснением оракула: он говорил, что под «деревянными стенами» следует понимать только корабли и что «божественным», а не «несчастливым» или «бедным» назвал оракул Саламин потому, что данное ему название принесет грекам в будущем большое счастье.

Его мнение одержало верх, и он предложил отдать город под покровительство Афины, «защитницы афинян», всех же граждан, способных носить оружие, посадить на корабли. Детей, женщин и рабов каждый должен был спасать как знает. Предложение его было принято, и большинство афинян перевезло своих родителей и жен в Трезену, где они были замечательно радушно приняты трезенцами. Последние решили содержать их за общественный счет, выдавая каждому из них по два обола; дети их могли есть плоды где угодно. Кроме того, они наняли для них учителей. Предложение это внес Никагор.

Государственная афинская казна была пуста, поэтому Ареопаг назначил выдать каждому отправлявшемуся в поход по восьми драм, благодаря чему триеры имели, главным образом, необходимое число матросов. Клидем и в этом видит хитрость Фемистокла. Когда, по его рассказу, афиняне сходили в Пирей, исчезла голова горгоны на щите статуи богини. Фемистокл притворился, будто ищет ее, и во время своих поисков нашел между скарбом много золота, которое было употреблено на общественные нужды. Его вполне хватило на расходы флота.

Население целого города садилось на корабли – картина, возбуждавшая грустное чувство, но в то же время говорившая о достойной удивления решимости афинян. Они провожали своих жен и детей на чужбину, сами же, несмотря на рыдания, слезы и объятия своих родителей, перешли на остров Саламин. Многие из граждан, оставшихся в городе вследствие своей старости, возбуждали к себе чувство сострадания. Точно так же нельзя было смотреть без жалости на домашних, ручных животных, бежавших с жалобным воем, понутив голову, за своими хозяевами, садившимися на корабли. Рассказывают, между прочим, что собака отца Перикла, Ксантиппа, не вынесла разлуки с ним, бросилась в море и поплыла за триерой. Она

вышла на берег на Саламине, но тотчас же издохла от изнеможения. Здесь показывают еще «собачью могилу», где, говорят, зарыли ее.

11. Одним этим уже, что Фемистокл сделал до сих пор, он показал себя великим человеком. Он заметил, что граждане жалеют об Аристиде и боятся, как бы он в раздражении не перешел на сторону персов и не погубил Грецию – незадолго до войны он должен был уступить Фемистоклу и подвергся остракизму, – и предложил вернуть на известный срок изгнанников и позволить им работать вместе с остальными гражданами словом и делом для спасения Греции.

Благодаря тому уважению, которым пользовалась Спарта, начальство над флотом досталось Эврибиаду. Он оробел, встретясь с опасностью лицом к лицу, и решил сняться с якоря и плыть к Пелопоннесу, где стояла вся пехота пелопоннесцев, но встретил противника в Фемистокле. Говорят, в этом случае он произнес свои известные слова. «Кто на играх забегает вперед, того бьют, Фемистокл», – заметил Эврибиад. «Да, – отвечал Фемистокл, – зато отставшие не получают награды». Когда тот замахнулся палкой, чтобы ударить его, Фемистокл сказал: «Бей, только выслушай». Эврибиад был удивлен его хладнокровием и приказал ему высказать его мнение, благодаря чему Фемистоклу удалось склонить его на свою сторону. В ответ на чье-то замечание, что тому, у кого нет родины, не следует советовать другим покинуть, бросить на произвол судьбы их отечество, Фемистокл вскричал: «Да, негодяй, мы бросили наши дома и стены города, мы не желали быть рабами ради обладания бездушными предметами; но у нас есть город, равного которому по величине нет в целой Греции: это двести триер. Теперь они могут спасти вас, если вы хотите того; но, если вы уйдете, вторично измените нам, Греция узнает вскоре, что у афинян есть и свободный город, и земля ничуть не хуже той, которую они потеряли!...» Слова Фемистокла заставили Эврибиада задуматься; кроме того, он испугался, что афиняне уйдут, предоставив других их участи. Когда один эритриец хотел что-то возразить Фемистоклу, он сказал ему: «У вас, как у каракатицы, есть меч, но нет сердца, и вы же думаете о войне!...»

12. По рассказу некоторых, когда он говорил это, стоя на палубе корабля, с правой стороны от корабля появилась летевшая сова, которая села на верхушку мачты. Это и побудило, главным образом,

принять его совет и готовиться к морскому сражению. Но, когда неприятельский флот появился в Аттике в виду Фалерской гавани и закрыл собой соседний берег, когда сам царь подошел с сухопутными войсками к морю, откуда можно было видеть все его силы, греки забыли совет Фемистокла. Пелопоннесцы снова стали обращать свои взоры к Истму, сердились, если им противоречили, и решили отступить в ту же ночь. Рулевые получили приказ готовиться к отплытию.

Фемистокл был возмущен тем, что греки не обращали внимания на те выгоды, которые давала им позиция в узком проливе, и были намерены разойтись по городам, поэтому вместе с Сикинном пустился на хитрость, увенчавшуюся успехом.

Сикинн был взятый в плен перс, но он любил Фемистокла и находился при его детях в качестве дядьки. Он послал его тайно к Ксерксу и приказал сказать, что афинский стратег Фемистокл перешел на сторону царя и первый дает знать ему, что греки хотят бежать. Он советует ему лишить их возможности бежать, напасть на них, пока они находятся в затруднительном положении вследствие отсутствия их сухопутного войска, и истребить их флот.

Ксеркс был обрадован этим – данный ему совет он считал искренним – и немедленно приказал капитанам кораблей не торопясь вооружать их, но двумстам немедленно сняться с якоря, занять все выходы из пролива и окружить острова, чтобы не дать спастись ни одному из неприятелей. Первым заметил это сын Лисимаха, Аристид. Он подошел к палатке Фемистокла, хотя находился с ним в ссоре, – благодаря ему он, как сказано выше, был изгнан остракизмом. Когда Фемистокл вышел к нему, он объявил, что они окружены. Фемистокл знал благородство Аристида по опыту, вследствие чего обрадовался его посещению, рассказал ему о хитрости, на которую решился вместе с Сикинном, и стал просить помочь ему уговорить греков дать сражением в узком проливе, пользуясь тем доверием, которое они имели к нему больше, чем к Фемистоклу.

Аристид пришел в восторг от плана Фемистокла и стал обходить других стратегов и начальников триер, чтобы ободрить их в виду предстоящей битвы. Они все еще отказывались верить ему, как вдруг показалась теносская триера под начальством Панетия, перешедшая на сторону греков, триера, экипаж которой объявил, что они окружены,

вследствие чего греки ринулись навстречу опасности с мужеством отчаяния.

13. С первыми лучами солнца Ксеркс сел на возвышении, откуда мог видеть боевую линию флота. Возвышение это господствует, по словам Фанодема, над храмом Геракла и находится на берегу узкого пролива, отделяющего Саламин от Аттики, или же, как говорит Акестодор, на границе Мегариды, выше так называемых «Рогов». Царь приказал поставить золотой трон и окружил себя множеством писцов, которые должны были записывать все подробности сражения.

Фемистокл приносил жертву на корабле наварха, когда к нему привели трех красавцев-пленных в великолепной, затканной золотом одежде. Их называли сыновьями Артанкта и царской сестры Сандаки. Их заметил гадатель Эвфрантид. В это время на жертвеннике блеснуло и поднялось кверху большое и яркое пламя, направо же от гадателя кто-то чихнул, что также считалось приметой. Гадатель схватил Фемистокла за руку и советовал убить молодых людей после молитвы, всех принести в жертву Дионису Оместу, тогда, говорил он, греки будут спасены и одержат победу.

Страшный, необыкновенный совет гадателя привел Фемистокла в ужас. Но толпа, как это часто бывает в решительную минуту, во время опасности, прибегает для своего спасения скорее к глупостям, нежели слушается голоса рассудка. Все стали взывать к богу, потащили пленников к алтарю и заставили принести их в жертву, как советовал гадатель. Этот рассказ мы находим у прекрасно образованного и знакомого с исторической литературой лесбийца Фания.

14. Относительно числа персидских кораблей мы можем привести место из «Персов», трагедии поэта Эсхила, который говорит об этом с уверенностью, не допускавшей никаких сомнений:

Я знаю, что у Ксеркса была
Тысяча кораблей, кроме того, двести семь
Отличавшихся быстротой хода, – вот сколько их было!

Афинских кораблей было всего восемьдесят. На каждом из них находилось восемнадцать человек, которые должны были сражаться на

палубе, из них четверо – стрелки, остальные – гоплиты.

Фемистокл умел так же удобно назначить время для сражения, как и выбрать для него место. Он начал сражение со своими триерами только тогда, когда наступил известный час, – когда с моря всегда начинает дуть свежий сильный ветер, который гонит в пролив волну. Она нисколько не вредила мелким и низко сидевшим в воде греческим кораблям, зато, ударяясь о тяжелые с высокой кормой и поднятой кверху палубой персидские, накреняла их и ставила их борты под удар греческих кораблей. Последние неслись на них. Глаза всех были устремлены на Фемистокла – он лучше других понимал, что следует делать, кроме того, начальник флота Ксеркса, Ариамен, прекрасный человек, самый и справедливый из братьев царя, бросал в него со своего огромного корабля, как бы со стен, стрелы и копья. Когда корабли столкнулись и сцепились, врезавшись друг в друга своими медными носами, плывшие на одном корабле декелиец Аминий и пэдиэиец Сокл не дали Ариамену взойти на свою триеру, прокололи его копьями и сбросили в море. Труп его носился по воде вместе с корабельными обломками. Наконец, его узнала Артемисия и приказала отнести к Ксерксу.

15. Говорят, во время сражения со стороны Элевсина блеснул яркий свет, со стороны же Трийской равнины стали нестись к морю шум и крики как бы от множества людей, собравшихся праздновать Дионисия. Вскоре из шумной толпы поднялось над землей облако; затем оно стало падать и опустилось на триеры. Некоторым казалось, что они видят перед собой призраки – вооруженных людей, с берегов Эгины протягивавших руки по направлению к греческим триерам. Их считали потомками Эака, которых греки перед началом сражения молили о помощи.

Первым взявшим неприятельский корабль был афинянин Ликомед, начальник триеры. Он отрубил украшения корабля и посвятил Аполлону Лавроносцу из Флии.

Другие греки благодаря узости пролива были численностью равны неприятелю. Его корабли могли быть введены в дело только по частям; они сталкивались друг с другом и сражались только до вечера, затем обратились в бегство. Греки одержали ту блестящую и знаменитую победу, которая, по словам Симонида, славнее всех побед, выигранных когда-либо греками или иностранцами, и выиграли благодаря как

мужеству и храбрости всех сражавшихся, так и уму и сообразительности Фемистокла.

16. После сражения Ксеркс не пал духом, несмотря на неудачу, и решил засыпать пролив, чтобы перевести свою пехоту по плотине на Саламин и напасть на греков. Желая узнать мнение Аристиды, Фемистокл предложил ему отплыть к Геллеспонту и разрушить мост, «чтобы, – как он выразился, – поймать Азию в Европе». Аристиду не понравился его план. «В настоящее время, – сказал он, – неприятель ведет войну с нами небрежно, но если мы запрем его в Греции, мы напугаем царя, располагающего огромными силами, и доведем его до крайности. Он не станет спокойно смотреть на сражение, развалившись под вышитым золотом балдахинном, – он решится на все; он везде будет присутствовать лично, так как находится в опасном положении, он вернет потерянное и будет вести себя осторожнее, раз дело идет о том, быть ему или не быть. Вот почему нам, Фемистокл, не только не следует разрушать мост, но даже, если можно, выстроить другой, лишь бы выпроводить скорей царя из Европы». «Если это ты считаешь полезным всем нам, – заметил Фемистокл, – следует подумать и решить вопрос, каким образом его можно всего скорее заставить удалиться из Греции».

Его предложение было принято. Тогда он отправил к царю одного из пленных, царского евнуха Арнака, и велел сказать ему, что после победы греки решили отплыть к Геллеспонту и разрушить мост, связывающий оба берега, и что Фемистокл, заботясь об интересах царя, советует ему спешить к морю и переправиться на другой берег, пока сам он будет задерживать союзников и замедлять преследование.

Это известие привело царя в ужас, и он немедленно начал отступление. Умный совет, данный Фемистоклом и Аристидом, оправдался в сражении с Мардоном при Платеях, когда греки подвергались страшной опасности, хотя сражались лишь с незначительной частью войск Ксеркса.

17. Из государств первую награду получила, по словам Геродота, Эгина; но из отдельных лиц она была единогласно присуждена Фемистоклу, хотя и неохотно вследствие зависти. Когда стратеги после отступления к Истму устроили по поводу этого голосование у алтаря, каждый из них называл самым храбрым себя, вторым после себя – Фемистокла. Спартанцы пригласили его в Спарту и здесь дали награду,

состоявшую в оливковой венке, Эврибиаду – за храбрость, Фемистоклу – за ум. Кроме того, они подарили ему лучшую в городе колесницу и дали в качестве почетного конвоя триста молодых людей, которые должны были провожать его до границы.

Рассказывают также, что, когда на открывшихся вскоре Олимпийских играх Фемистокл вошел в стадию, зрители не обращали внимания на состязавшихся, целый день смотрели на него и показывали его приезжим, выражая свое уважение к нему рукоплесканиями. Он сам был счастлив и признался друзьям, что пожинал тогда плоды своих трудов на пользу Греции.

18. Это была очень честолубивая натура, судя по некоторым из дошедших до нас его выражений. Когда граждане избрали его навархом, он перестал заниматься как частными, так и общественными делами. Все текущие дела он отложил до дня, назначенного им для отплытия, для того чтобы, занимаясь окончанием многих дел вместе, окружить себя множеством людей разного звания и предстать во всем своем величии и могуществе. Когда он осмотрел трупы выброшенных на берег, и увидел на некоторых из них золотые браслеты и ожерелья, он прошел мимо и сказал, указывая на них шедшему сзади другу: «Возьми себе – ты не Фемистокл...»

«Ты опоздал, мальчик, – сказал он красавцу Антифату, который раньше относился к нему с презрением, но потом стал ухаживать за ним, когда Фемистокл сделался знаменитостью, – мы оба поумнели». Афиняне, по его словам, не уважали, не почитали его: он был для них платаном, под который они сбегались укрыться во время дождя и обрывали, ломали сучья в ясную погоду. Один серифец сказал ему, что славой он обязан не себе, а родному городу. «Ты прав, – отвечал Фемистокл, – ни я не сделался бы известен, если бы был серифцем, ни ты, если бы был афинянином».

В другой раз, когда один из стратегов, снискавший себе известность какой-то услугой, оказанной им городу, начал хвастаться перед Фемистоклом и сравнивать с его подвигами свои собственные, тот сказал ему: «Однажды второй день праздника затеял спор с первым и говорил, что в первый день не переведешь дух, не отдохнешь, только на второй день всяк ест на досуге свою стряпню. – Согласен, отвечал праздник, но не будь меня, не было бы и тебя... То же самое, –

продолжал Фемистокл, – могу я сказать и о себе: где были бы теперь вы, если бы меня тогда не было».

Его сынишку очень баловала мать, а по примеру ее – и отец, поэтому последний заметил в шутку, что его сынишка – самый могущественный из греков: греки в подчинении у афинян, афиняне – у Фемистокла, сам он – у своей жены, жена – у сына.

Желая во всем отличаться перед другим, он, продавая свое имение, объявил, что у владельца будет прекрасный сосед. Из женихов своей дочери он отдал предпочтение скромному перед богатым – он, по его словам, искал человека, нуждавшегося в деньгах, а не денег, нуждавшихся в человеке. Таковы приблизительно некоторые из его метких выражений.

19. После этого он немедленно стал отстраивать столицу и окружать стенами. Если верить историку Теопомпу, он подкупил эфоров, чтобы они не мешали его планам; но большинство писателей говорит, что он перехитрил их. Он приехал в Спарту под предлогом посольства. Спартанцы стали упрекать афинян в том, что они строят стены. В том же самом обвинял их Полиарх, нарочно приехавший ради этого с Эгины. Фемистокл не соглашался и предложил послать в Афины людей, которые проверили бы его слова. Отсрочкой он желал выиграть время для окончания постройки стен, но вместе с тем хотел, чтобы депутаты были задержаны афинянами для его собственной безопасности. Он достиг своей цели. Когда спартанцы узнали правду, они не причинили ему никакого вреда и отпустили его, скрыв свою досаду.

Затем он устроил Пирейскую гавань, оценив выгоды ее положения. Он старался приохотить население всей столицы к занятию морским делом и поступал в этом отношении как бы наперекор древним афинским царям. По преданию, они старались отвлечь внимание граждан от моря и сделать их по образ жизни не моряками, а земледельцами, вследствие чего придумали рассказ, будто Афина спорила об их стране с Посейдоном и одержала над ним верх, показав судьям созданную ею маслину. Фемистокл же «приклеил», по выражению Аристофана, не Пирей к городу, а город «приклеил» к Пирею и землю – к морю. Благодаря этому он дал перевес демократии над аристократией и сделал первую смелее, так как вся сила государства перешла в руки гребцов, келевстов (1) и рулевых. На

этом основании ораторская кафедра на Пниксе была обращена к морю. Позже, «тридцать тиранов» повернули ее по направлению к материку – по их мнению, владычество на море служило источником демократии, между тем как земледельцы легче уживались с олигархическим образом правления.

20. Относительно морского владычества он преследовал еще более обширные цели. Когда греческий флот после отступления Ксеркса стал на зимовку в пагазской гавани, Фемистокл сказал афинянам в Народном собрании, что у него есть план, весьма полезный и спасительный для них; но он не может открыть его всем собравшимся. Афиняне приказали ему открыться одному Аристиду и привести свое намерение в исполнение, если последний одобрит его. Фемистокл сказал Аристиду, что он хочет сжечь греческий флот. Аристид явился в Народное собрание и объявил, что план Фемистокла в высшей степени полезен, но в то же время в высшей степени несправедлив. На этом основании афиняне запретили Фемистоклу выступать больше с его предложениями.

Когда однажды спартанцы предложили на заседании амфиктионов исключить из числа членов амфиктионии государства, не принимающие участия на стороне греков в борьбе с персами, Фемистокл из опасения, что, исключив из числа членов Фессалию, Арг и Фивы, спартанцы получат громадный перевес голосов и будут решать дела в своих интересах, высказался в пользу вышеупомянутых государств и заставил пилаторов присоединиться к его мнению. Он сказал, что в войне принимал участие только тридцать один город; что большинство из них принадлежало к числу весьма небольших и что было бы печально, если бы по выходе из числа членов союза остальных греческих государств он состоял из двух или трех самых крупных республик. Этим он вызвал крайнее раздражение против себя со стороны спартанцев, вследствие чего они стали оказывать Кимону уважение предпочтительно перед Фемистоклом с целью иметь в первом политического соперника последнему.

21. Фемистокл возбудил неудовольствие и со стороны союзников тем, что объезжал острова и собирал с них деньги. Геродот рассказывает, между прочим, о том, что он сказал и что получил в ответ с андросцев, когда стал требовать с них денег. Он сказал, что явился к ним с двумя богами – Словом и Силой. Андросцы отвечали,

что у них также есть два могучих божества – Бедность и Нужда, которые не велят им давать ему денег.

Родиец-поэт Тимокреонт в одном из своих стихотворений желчно отзывается о Фемистокле за то, что он, по его словам, дал право остальным изгнанникам вернуться за деньги на родину, а ему отказал из-за денег же, хотя он принимал его у себя в доме и был его другом. Вот его стихи:

Ты можешь хвалить Павсания, ты можешь хвалить Ксантиппа
Или Левтихида, но я – я в восторге от Аристида, гражданина
святых Афин.

Он лучше всех, а Фемистокл, которого ненавидит Лета, – Лжец,
несправедлив и изменник:

Принимавшему его у себя в доме Тимокреонту

Он не позволил из-за проклятых денег вернуться в родной Иалис.

Он взял три таланта серебра и уплыл себе на погибель.

Одним он несправедливо дает право вернуться домой, других
выгоняет, третьих убивает, набив карманы их деньгами.

На Истме он, на потеху всем, угощал холодной говядиной.

Все ели, причем желали Фемистоклу не дожить до следующей
весны.

Еще более запальчивой и резко бранью преследует он Фемистокла после его осуждения и изгнания. По поводу этого Тимокреонт написал стихотворение со следующим началом:

Муза, пусть это стихотворение

Знает вся Греция:

Оно по справедливости заслуживает этого.

Говорят, Тимокреонт был изгнан за свою приверженность к персам, причем за применение этого наказания подал свой голос и Фемистокл. Таким образом, когда самого Фемистокла обвиняли в медизме, поэт сказал о нем:

Не один Тимокреонт друг персов,
Есть негодяи и кроме него; не один я куций,
Есть куцые и другие лисицы.

22. Когда граждане стали из зависти охотно слушать всякого рода клевету на Фемистокла, он должен был часто напоминать народу о том, что он сделал для него, вследствие чего надоел ему. «Почему вам тяжело несколько раз принимать благодеяния от одних и тех же людей?» – обратился однажды он к недовольным.

Народу не нравилось, между прочим, что он построил храм Артемиде Аристобуле, т. е. лучшей советнице, как бы намекая этим на то, что он дал родному городу и Греции «лучший совет». Храм он выстроил возле своего дома в Мелите, куда в настоящее время палачи бросают трупы казненных и относят одежду и петли висельников и вообще умерших насильственной смертью.

В храме Артемиды Аристобулы до сих пор еще хранится бюст Фемистокла. Судя по нему, можно думать, что он был героем не только душой, но и лицом.

Народ изгнал его остракизмом из желания уменьшить его влияние и силу. Этому подвергались все, чье значение казалось опасным и нарушающим демократическое равенство. Остракизм не был наказанием – он служил лишь удовлетворением чувству зависти и утешением для тех, кому приятно унижение влиятельных личностей и возможность вымещать на них свою злобу, оскорбляя их.

23. Фемистокл был изгнан из столицы и жил в Аргосе, когда случай с Павсанием дал врагам Фемистокла оружие для нападения. Первым обвинил его в измене агравлец Леобот, сын Алкмеона; обвинение это поддержали спартанцы. Павсаний, задумав измену, скрывал сперва от Фемистокла свои планы, хотя был дружен с ним, но, когда узнал, что он лишился влияния на ход государственных дел и был этим недоволен, решил сделать его участником своих замыслов. Он показал ему письма к нему персидского царя и называл греков «негодяями» и «неблагодарными», вооружая его против них. На предложение Павсания Фемистокл отвечал отказом, вообще не желал быть участником его планов, все же никому не рассказал о сделанных им

предложениях, не объявил о его намерениях. Быть может, он рассчитывал, что Павсаний сам откажется от них, или же надеялся, что его безумные, дерзкие и рискованные замыслы откроются каким-либо другим образом.

Когда Павсаний погиб насильственной смертью, у него нашли несколько писем и бумаг, кидавших тень подозрения на Фемистокла. Спартанцы подняли против него крик, но и сограждане обвиняли его заочно из зависти. Он оправдывался письменно; защита его основывалась, главным образом, на прежде возводимых на него обвинениях. Он писал, что враги клеветают на него перед гражданами, обвиняя в том, что он всегда старался повелевать другими; что он не рожден повиноваться и не желает, но что никогда не согласился бы предать себя вместе с Грецией в руки врагов-персов. Тем не менее народ поверил обвинению и послал за Фемистоклом нескольких лиц с приказанием схватить его и представить для суда в Грецию.

24. Разгадав их намерения, Фемистокл удалился в Керкиру, город, которому он раньше оказал услугу. Когда его выбрали третейским судьей в споре населения острова с коринфянами, он помирил соперников, присудив коринфянам уплатить двадцать талантов и владеть Левкадой вместе с керкирцами как сообща основанной обоими ими колонией. Оттуда он бежал в Эпир. Преследуемый афинянами и спартамцами, он решился для своего спасения на рискованный опасный шаг и искал защиты у молосского царя Адмета. Фемистокл пользовался в государстве огромным значением, когда царь обратился к афинянам с какой-то просьбой, но получил от Фемистокла отказ в оскорбительной форме. Царь смертельно ненавидел его, и ясно было, что, если он попадется ему в руки, он отомстит ему. Но в то время для Фемистокла недавняя ненависть соотечественников была страшней давнишней злобы царя. Отдавая себя ей на жертву, он явился к Адмету и стал просить у него покровительства странным, необыкновенным образом. Он взял в руки его маленького сына и сел с ним у очага: этот способ мольбы о защите считался у молоссов самым действенным и едва ли не единственным, на который не отвечали отказом. Некоторые говорят, что совет просить таким образом о защите дала Фемистоклу Фтия, жена царя, причем посадила сына у очага вместе с изгнанником. Другие рассказывают, что сам Адмет придумал, каким образом Фемистоклу просить о защите, сам разыграл с ним эту шутовскую

пьесу, что отказать под этим предлогом преследователям изгнанника в его выдаче.

Ахарнянин Эпикрат выслал ему на место изгнания жену и детей, которых тайно увез из Афин, за что впоследствии, если верить историку Стесимброту, Кимон отдал его под суд, приговоривший его к смертной казни. Не понимаю, забыл ли об этом Стесимброт или заставил забыть об этом Фемистокла, если говорит, что последний уехал в Сицилию и стал просить у царя Гиерона руки его дочери, обещая ему покорить Грецию, и только после отказа Гиерона отправился в Азию...

25. Рассказ этот не заслуживает доверия. По крайней мере, Теофраст в своем произведении «О царской власти» пишет, что, когда Гиерон послал на скачки в Олимпию лошадей и поставил там роскошно убранную палатку, Фемистокл сказал грекам, что следует разорвать палатку и не допускать лошадей к скачкам.

Фукидид говорит, что Фемистокл отправился на корабле из Пидны на противоположный берег. Никто из экипажа не знал, кто он, пока буря не принесла корабль к острову Наксу, который тогда осаждали афиняне. Изгнанник в испуге открылся капитану корабля и рулевому и частью просьбами, частью угрозами обвинить их перед афинянами, налгать на них, что они с самого начала знали, кто он, но взяли к себе на корабль, когда он подкупил их, заставил пройти в виду острова и направиться к азиатскому берегу.

Почти все его имущество друзья тайно отправили морем в Азию. Общая сумма найденных у него и отобранных в казну денег доходила, по Теопомпу, до ста, по Теофрасту – до восьмидесяти талантов, между тем как до выступления на политическое поприще все состояние Фемистокла не заключалось и в трех талантах.

26. Когда корабль был в виду Кимы, Фемистокл заметил, что на берегу ждет большая толпа, чтобы схватить его. В особенности желали этого Эрготель и Пифодор со своими рабами – охота за ним была выгодна для людей, ставящих деньги выше остального, потому что царь персидский назначил за его голову двести талантов... Изгнанник бежал в Эги, эолийский городок, где его не знал никто, кроме друга его дома Никогена, самого богатого из эолийцев, знакомого с персидскими вельможами. У него он прожил тайно несколько дней. Здесь за обедом после жертвоприношения воспитател детей Никогена Ольбий

почувствовал в себе прилив вдохновения и, по внушению свыше, произнес стих:

Ночи дай голос, ночи – совет, ночи победу дай!

Затем Фемистокл лег спать. Ему приснился сон: змея обвилась вокруг его живота, а потом поползла к шее. Коснувшись его лица, она превратилась в орла, который обхватил его крыльями, поднял и долго нес на себе. Наконец, показался золотой жезл глашатая. Орел поставил его в безопасности, и Фемистокл пришел в себя от невыразимого ужаса и смущения.

Никоген отослал его от себя, причем пустился на следующую хитрость. Все иностранцы, в особенности же персы, страшно, невероятно ревнивы по отношению к женщинам: они строго стерегут не только своих жен, но и купленных рабынь и наложниц, стараются, чтобы никто из посторонних не видел их. Из дома они никуда не имеют права выйти, в дороге же их везут в тщательно закрытых со всех сторон телегах. Точно такую телегу устроили и для Фемистокла, который сел в нее и отправился в путь. На все вопросы встречавшихся по дороге его провожатые говорили, что везут одному из персидских придворных гречанку из Ионии.

27. По Фукидиду и Харону Лампсакскому, Фемистокл приехал к сыну Ксеркса; самого его он уже не застал в живых, но Эфор, Дион, Клитарх, Гераклид и многие другие говорят, что он явился к Ксерксу. Известие, сообщаемое Фукидидом, находится в большем соответствии с хронологией, хотя и оно не вполне достоверно.

Когда для Фемистокла настала решительная минута, он отправился сперва к тысяченачальнику Артабану и сказал, что он, грек, желает переговорить с царем о весьма важных делах, имеющих и для царя огромное значение. Тот отвечал: «У каждого народа, иностранец, свои обычаи. Одному нравится одно, другому – другое; но у всех считается прекрасным держаться, соблюдать свои родные обычаи. Говорят, в ваших глазах нет ничего выше свободы и равенства. Много прекрасных обычаев есть и у нас; лучший из них – чтить царя и поклоняться ему, как образу бога, правившего вселенной. Если ты

ничего не имеешь против нашего обычая поклоняться царю, ты можешь увидеть его и переговорить с ним, иначе должен обратиться для переговоров с ним к посреднику: по обычаю предков, царь может говорить только с тем, кто пал перед ним ниц». Тогда Фемистокл отвечал: «Я приехал сюда, Артабан, для того, чтобы увеличить славу и власть царя, и сам исполню ваш обычай, раз того хочет бог, желающий возвеличить Персию, – благодаря мне царю будут поклоняться еще больше, чем поклоняются теперь. Таким образом, это нисколько не помешает мне переговорить с царем согласно моему желанию». – «Как же твое греческое имя, – спросил Артабан, – как доложить нам, кто приехал? Судя по твоим словам, ты человек неглупый». – «Об этом, Артабан, узнает прежде всего царь», – отвечал Фемистокл.

Так пишет Фаний. По словам же Эратостена, в его книге «О богатстве» свидание Фемистокла с хилийархом и знакомство его с ним устроила жившая у последнего эретриянка.

28. Когда Фемистокла ввели к царю, он пал перед ним ниц и, поднявшись, встал, не говоря ни слова. Царь приказал переводчику спросить его, кто он. На вопрос переводчика изгнанник отвечал: «Я, царь, афинянин Фемистокл. Я явился к тебе беглецом, преследуемый греками. Я сделал персам много зла, но еще более – добра; я помешал им преследовать вас, когда после спасения Греции безопасность моей родины дала мне возможность оказать некоторого рода услугу и вам. Теперь я несчастен и готов на все. Я приехал к тебе и намерен принять от тебя знаки милости, если ты великодушно простишь меня, и просить о пощаде – если помнишь зло. Ненависть ко мне служит доказательством, что я сделал добро персам. Советую тебе воспользоваться нынешним моим несчастьем лучше для того, чтобы показать свое доброе сердце, нежели выместить свой гнев. Если ты дашь мне приют, ты дашь его человеку, искавшему у тебя защиты, велишь казнить – казнишь врага греков!» Фемистокл желал доказать, что он говорил по внушению свыше, – он рассказал о сне, который видел в доме Никогена, и об оракуле Зевса Додонского, оракуле, где Фемистоклу был дан совет «отправиться к человеку, носящему имя, одинаковое с богом». Он понял, что его посылают к персидскому царю, так как оба, царь и бог, заслуженно называются «великими» царями.

Царь не ответил на его речь ни слова, хотя и дивился его уму и смелости, только стал хвастаться перед своими приближенными своим замечательным счастьем и обратился молитвой к Ариманию, чтобы он всегда внушал врагам царя мысль изгонять лучших между ними людей. Затем, говорят, он принес богам жертву, тотчас отправился на пир и ночью спросонья три раза вскричал от радости: «Афинянин Фемистокл в моих руках!...»

29. Ранним утром он пригласил к себе своих приближенных и приказал ввести Фемистокла, который не ждал ничего хорошего: когда узнали, кто он, он заметил, что придворные стали враждебно относиться к нему и оскорблять его словами; кроме того, когда Фемистокл проходил мимо тысяченачальника Роксана, последний тихо вздохнул и среди глубокого молчания в присутствии царя проговорил: «Коварная греческая змея!.. Сюда привел тебя добрый царский гений!...»

Ожидания Фемистокла не оправдались. Когда он явился перед царем и вторично пал ниц в его присутствии, тот ответил на его приветствие и ласково заметил, что успел задолжать ему двести талантов: Фемистокл сам привел себя, поэтому награду, назначенную за его поимку, следует получить ему. Царь обещал ему еще больше, советовал ничего не бояться и позволил свободно говорить о Греции все, что знает. Фемистокл ответил, что «человеческая речь – пестрый ковер; когда он разложен, его узоры видны, но если его сложить, – их не заметно, их как будто не существует, поэтому ему нужно выждать время».

Царю понравилось его сравнение, и он велел ему назначить срок. Фемистокл попросил год сроку и, порядочно выучившись за это время по-персидски, разговаривал с царем без посторонней помощи. Со стороны можно было подумать, что они говорят о греческих делах. В это время при дворе и, между прочим, в составе приближенных царя произошли большие перемены, вследствие чего придворные возненавидели Фемистокла, – по их мнению, он решился переговорить откровенно с царем и о них. Кроме того, почести, оказываемые ему, не имели никакого сравнения с почестями, оказанными другим иностранцам. Он, например, мог участвовать в охоте и домашних развлечениях царя. Он был представлен даже царице-матери и

сделался у нее домашним человеком. По приказанию царя его посвящали также в учение магов.

Когда царю спартанскому Демарату было позволено просить себе какой-либо милости, он стал просить, чтобы ему дали право надеть царскую тиару и въехать в ней в Сарды. Тогда двоюродный брат, Митропавст, дотронулся до головной повязки Демарата и сказал: «Здесь нет мозга, и тиаре придется покрывать пустоту. Будь у тебя хоть молнии, ты все равно не был бы Зевсом». Царь рассердился на Демарата за его просьбу и приказал прогнать его. Казалось, он будет неумолим в отношении его, но Фемистокл попросил за него, и царь объявил ему прощение.

Говорят, позже, когда Персия завязала с Грецией более тесные отношения, персидские цари, нуждаясь в ком-либо из греков, в письме к нему каждый раз обещали, что он будет у них в еще большей чести, нежели был Фемистокл. Про самого же Фемистокла рассказывают, что когда он успел стать влиятельным человеком и сделался предметом заискивания многих, то, сядя однажды за роскошный стол, сказал своим детям: «Дети, мы погибли бы, если бы не погибли».

Почти все писатели передают, что ему даны были три города – Магнесия, Лампсак и Миунт – на «хлеб», «вино» и «приварок»; Неант Кизикский и Фаний говорят еще о двух – Перкоте и Палескепсисе, на «перину» и «одежду».

30. Когда он отправился к берегу моря ради выполнения обещаний, данных им царю относительно Греции, перс Эпиксий, сатрап Верхней Фригии, составил план убить его при приезде его в город Леонтокефал, для чего давно держал наготове нескольких пизидов. Но когда Фемистокл лег в полдень спать, говорят, ему явилась Кибела и сказала: «Берегись, Фемистокл, львиной головы, чтобы не попасться льву. Отдай мне за мою услугу Мнесиптолему жрицей при моем храме». Испуганный Фемистокл обратился к богине с молитвой, свернул с большой дороги, выбрал другую, в объезд, миновал то место и уже ночью остановился на ночлег. Одна из лошадей, везших палатку, упала в реку, поэтому рабы Фемистокла развесили мокрое полотно палатки для просушки. В это время подошли вооруженные пизиды. Заметив при лунном свете развешанное полотно и не разглядев хорошенько, что было перед ними, они приняли его за палатку Фемистокла, которого думали найти в ней спящим. Едва они подошли

ближе и приподняли полотно, караульные бросились на них и схватили. Спасшись таким образом от опасности, Фемистокл, удивленный явлением богини, выстроил в Магесии храм Кибеле и поставил жрицей в нем дочь свою, Мнесиптолему.

31. По приезде в Сарды он занялся на досуге осмотром их великолепных храмов и множества находившихся в них приношений и вдруг увидел в храме Кибелы медную статую «водоноски» в два локтя вышины, которую он сам поставил в Афинах в бытность свою смотрителем за водоснабжением за счет штрафных денег с воровавших воду, отводя ее посредством труб. Жаль ли стало ему, что эта статуя находится не на родине или он желал показать афинянам, каким уважением и влиянием пользуется он у царя, только он подал сатрапу Лидии просьбу вернуть статую девушки в Афины. Перс рассердился и пригрозил написать царю. Тогда Фемистокл обратился к помощи женщин гарема и, подарив жен сатрапа, склонил его на милость. С тех пор он стал вести себя осторожнее во всем, опасаясь, кроме того, зависти персов, – он не скитался по Азии, как пишет Теопомп, а жил в Манесии, получал богатые подарки и пользовался почетом наравне с персидскими сановниками. Он долго жил спокойно – персидский царь был занят внутренними делами и не имел времени заниматься внешними. Но когда восстали при поддержке афинян египтяне, когда греческие триеры появились в виду берегов Кипра и Киликии, Кимон же сделался хозяином на море, тогда царь решил объявить грекам войну и положить предел их успехам. Уже его войска двинулись в поход; сатрапы разъезжали с места на место, точно так же и в Магнесию к Фемистоклу стали являться посланцы царя, от его имени приказывавшие Фемистоклу исполнить обещания, данные им относительно Греции.

Фемистокл не чувствовал никакой злобы по отношению к своим соотечественникам; оказываемые ему большие почести и его влияние также не располагали его к войне, но, быть может, он не верил в успех задумываемого предприятия: в то время в Греции было несколько талантливых полководцев, между них гремел своими успехами на войне Кимон. Но скорее всего, ему было стыдно при воспоминании о своих подвигах и памятниках своих побед, вследствие чего он решился на то, что вполне заслуживает похвалы, – умереть честной смертью. Он принес жертву богам, собрал своих друзей, простился с ними,

выпил по общераспространенному преданию, бычьей крови или, как рассказывают некоторые, принял быстро действующий яд и скончался в Магнесии на шестьдесят шестом году от рождения, занимая почти всю жизнь государственные должности во время войны и мира. Говорят, когда царь узнал о причине и способе его смерти, он почувствовал к нему еще большее уважение и неизменно оказывал свою милость его друзьям и родственникам.

32. У Фемистокла осталось несколько сыновей: от Архиппы – дочери Лисандра из алопекского дема, Архептоль, Полиевкт и Клеофант, о котором, между прочим, упоминает философ Платон как о прекрасном наезднике, в другом же отношении ничем не замечательном. Из старших сыновей Неокл умер еще ребенком от укуса лошади, Диокл был усыновлен дедом – Лисандром. Дочерей у Фемистокла было много. Мнесиптолема, родившаяся от второго брака его, вышла замуж за Архептоля, своего сводного брата, Италия – за хиосца Панфида, Сибарида – афинянина Никомеда. Никомеду взял у нее братьев, приехав за ней в Магнесию, племянник Фемистокла, Фрасикл, уже по смерти ее отца; он же дал воспитание самой младшей из них – Азии.

На городской площади Магнесии стоит прекрасный надгробный памятник Фемистоклу, что же касается его останков, то не следует верить Андокиду, который говорит в своем «Послании к друзьям», будто афиняне украли его кости и разбросали их, – он клеветает на демос, вооружая против него олигархов. Что же касается Филарха, то он сделал из своей истории какое-то фантастическое театральное представление, где выводит на сцену неких Неокла и Демопола, якобы сыновей Фемистокла; он желает только растрогать зрителей, возбудить в них чувство сострадания, вследствие чего всякий понимает, что его рассказ вымышлен.

Диодор-путешественник в своем сочинении «О памятниках» пишет – скорей по предположению, нежели по убеждению, – что в большой Пирейской гавани от мыса Алкима отделяется выступ в форме полукруга. Если его объехать и войти туда, где поверхность моря совершенно спокойна, можно заметить высокий цоколь, на котором стоит гробница Фемистокла в форме алтаря. По мнению Диодора, о ней говорит и комик Платон (2) в следующих стихах:

На прекрасном месте насыпан твой могильный холм:
Он всюду будет приветствовать моряков,
Видеть тех, кто входит и выходит на своем корабле,
И смотреть на них, когда они состязаются в беге.

Потомки Фемистокла до сих пор еще пользуются в Магнесии известного рода почестями. Их оказывали, между прочим, афинянину Фемистоклу, с которым я познакомился и близко сошелся в доме философа Аммония.

Примечания к главе «Фемистокл» «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха

Келевст – начальник гребцов.

Комик Платон – современник и соперник Аристофана.

Фемистокл
Пьетро Метастазио

Трагедия

Действующие лица:

Ксеркс – царь персидский

Фемистокл

Аспазия, Неокл – его дети

Лизимах – посол Афин

Севаст – царедворец Ксерксов

Действие в Сузах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Гульбище у Ксерксова дворца

Фемистокл: Что хочешь?

Неокл: Позволь мне наказать сего надменного. Видел ли ты, отче, как он слушал твои вопросы? Сколько нам еще сносить обид?

Фемистокл: Умерь неблагоприятную сию пылкость. Еще ли мечтаешь быть в Греции, и видишь вокруг меня толпу раболепную, которая всегда теснится за тем, кто счастлив? Все, Неокл, переменилось долг есть мудрых согласоваться с жребием. Сей Ксеркса есть чертог; я уже не надежда и не любовь Афин; нищ, незнаем, в ссылке, оставлен, изгнан, скитаюсь, всего лишася. Единое мужество мое, и лучшее всего, со мною осталось.

Неокл: Прости, государь... почти досадно становится мне сие мужество. Ты видишь себя изгнанным из самых тех стен, которые соблюдены твоею кровью. Везде встречаешь преследующую ненависть твоего отечества, которая тебя объемлет, ухищряется лишить всех убежищ, и хочет довести тебя до такой крайности, чтобы не осталось земли ноге твоей ступить. И я не слышу тебя ропщущего, вижу тебя спокойного. Ах, как можешь ты с сим равнодушием претерпевать столь неслыханную превратность?

Фемистокл: Сын мой, ты новый путник в сей жизни, и для того всякое происшествие тебе кажется чудно. Я однако не порицаю твоего смущения. Удивление неопытности дщерь, но матерь есть познание.

Изумляющая тебя ненависть обыкновенная награда великих благодеев. Неблагодарный (и много их) ненавидит тягость благодеев в своем благодетеле, и тот вопрос как любить их в нем. Вот почему мы разные. Ненавидит меня отечество, а я его люблю.

Неокл: Если б с тобою, родитель мой, неправосудными были только люди, я бы стерпел. Но с тобою и Боги равно неправосудны.

Фемистокл: Почему?

Неокл: Разве наградою за твою доблесть назвать сию бедственную долю?

Фемистокл: Но ты знаешь ли из сей бедственной доли или из той счастливой, что награда или что казнь?

Неокл: Как?

Фемистокл: Доблесть изощряется в подвигах, слабеет в благоденствии. Прозрачны воды, текущие по камням, стоячие нечисты. Меч, что лежит без пользы, блистал в брани, а ржавеет в покое.

Неокл: Но ниспасть с той высоты в столь крайние бедствия?

Фемистокл: Позавидуют, может быть, грядущие веки более моим бедствиям, чем моим торжествам.

Неокл: Будь правда все! Но какая нужда ведет тебя искать новых опасностей в сем краю? Мало ли вражды греков? И персов злобе подвергнуться ты хочешь? Разве не помнишь, что осажденные Афины, тобою изведенные противостать всей Азии, посмеялись над Ксерксом и дерзновенным мостом? Не мысли столь кратким гнев в сердце царя! Что ежели узнают, к кому прибегнешь? Врагов опасных пусть имеешь везде, но здесь все враги! Твоим советом каждый лишился в знаменитую битву друга, кровного, отца или сына. Из милости, государь, удались.

Фемистокл: Молчи, я вижу, издали кто-то приближается. Оставь меня здесь и подожди.

Неокл: Не могу ль и я с тобой, родитель мой, остаться?

Фемистокл: Нет, не полагаюсь на твою терпеливость, а наше положение много ее требует.

Неокл: По крайности, в столь ужасную непогоду береги себя!

Фемистокл: Иди! Молчи и надейся.

Неокл: Надеяться, отец любезный! Но как надеяться мне? Какой звезде путеводить мою надежду? В трепет меня судьбы приводит неправосудная жестокость. Но более трепетать заставляет твое

мужество.

Явление 2

Аспазия, Севаст и Фемистокл в стороне

Фемистокл(*про себя*): Мужем высокой степени кажется мне сей по поступи, по взорам. Не столь суров будет. Могу его спросить... Но с ним девица и, кажется, гречанка по одеянию.

Аспазия (*к поспешно идущему Севасту*): Послушай...

Севаст: Не могу, прекрасная Аспазия, здесь медлить. Меня ждет царь!

Аспазия: На час только. В самом ли деле дан тот жестокий указ?

Севаст: Дан! Кто соищет Фемистокла живого или мертвого, большие примет дары от царя.

Аспазия(*про себя*): Отец несчастный!

Фемистокл (*подходя навстречу Севасту*): Государь, скажи, если позволено знать, каждому ли свободен доступ к стопам великого Ксеркса? В какое время и где?

Аспазия(*про себя*): Как предостеречь отца!

Севаст (*Фемистоклу с презрением*): Расспрашивай других.

Фемистокл: Если и проступился, благосклонно обереги в проступке – я чужеземец и обычаев чужд.

Севаст (*таким же образом на него поглядев*): Прости, Аспазия!

Явление 3

Фемистокл и Аспазия

Фемистокл (*про себя*): Безумная гордость!

Аспазия (*про себя*): К сим берегам, боги, не приводите родителя!

Фемистокл (*про себя*): Постараюсь узнать от сей гречанки. (*вслух*) Пригожая девица, если боги... (*про себя*) Звезды, чье лицо?

Аспазия (*про себя*): Вечные боги! Родитель или подобен ему?

Фемистокл: Скажи.

Аспазия: Фемистокл!

Фемистокл: Аспазия.

Аспазия: Ах, родитель!

Фемистокл: Дщерь моя! (*Обнимаются*).

Аспазия: Беги!

Фемистокл: И ты в живых?

Аспазия: Беги, любезный мой родитель! Какая злобная звезда привела тебя к сему чертогу? Ах, Ксеркс хочет твоей смерти: предлагает награды тому, кто тебя приведет! Ах, не медли! Могли бы здесь тебя познать!

Фемистокл: Ты откроешь сим непомерным страхом. Скажи, не погиб ли тот корабль, на котором я тебя отправил в Аргос, уклоняя от ужасов военных?

Аспазия: Разбился, и все в море погибли. Я, несчастная, я одна отнята у смерти, ценою свободы моей купила жизнь.

Фемистокл: Как?

Аспазия: Неприятельское судно из волн – о, Боже, ужас меня леденит! – из бурных волн исхитило меня, едва живую, и пленницей перенесло на сей берег.

Фемистокл: Известен твой род?

Аспазия: Нет. Непознанную Ксеркс отдал меня в дар царственной Роксане. О, сколько раз я взывала к тебе! О, как мольбами утомляла небо свидеться с тобою! Ах, я не боялась столь жестокого события мольбы моей.

Фемистокл: Успокойся, о, дочь моя! Столь приближены пределы радости и скорби, что часто мгновенен переход. Могла бы днесь и наша участь принять вид новый. Я менее несчастлив теперь, что нахожу тебя!

Аспазия: Но как находишь? В рабстве! Приходишь сам... один... гоним... бос. А где, несчастный родитель, где прежние обычные великолепия? Где почести, слуги, богатство, друзья? О, неправедные боги, о, неблагодарнейшие Афины, как на себе земля вас терпит? И еще дремлют Юпитера перуны.

Фемистокл: Разумней будь в горести твоей, Аспазия. Мне не дочь, кто может желать пагубы отечества. Не терплю в тебе ниже мгновенную столь преступную мысль.

Аспазия: Чем ты более защищаешь, тем оно виновнее!

Фемистокл: Впредь никогда!

Аспазия: Но удались, наконец! Беги от сих небес!

Фемистокл: Чего страшишься, когда никем незнаем.

Аспазия: Никем незнаем? Где Фемистокл незнаем? Одного величия души на челе твоём, столь светло напечатленного, довольно, чтоб тебя предать. Днесь вящая была бы опасность. Из Афин прибыл посланник. От него, отего последу как укрыться?

Фемистокл: Скажи, не знаешь ли, зачем был прислан и кто?

Аспазия: Нет. Но скоро будет царю представлен. Можешь посмотреть народ, который спешно собирается к назначенному месту.

Фемистокл: И всякий, кто желает, может туда идти?

Аспазия: Может.

Фемистокл: Останься же. А я поспешу удовлетворить давнишнему моему желанию, поближе посмотреть на моего противника!

Аспазия: Постой! О, я несчастная! Что предпримешь? Разве умертвить меня страхом хочешь? Отмени, если любишь, отмени сию мысль! Для сей руки непобедимой, которую я, умоляющая, трепещущая, опять лобзаю; ради того самого отечества, которому не терпишь укоризны, которое враждующее любишь, неблагодарное защищаешь!

Фемистокл : Прижмись к сей груди, милая Аспазия! В сих трепетах любящей дщери познаю сердце. Не малодушествуй! Попечение обо мне предоставь. Прости! Научись у отца презирать превратности фортуны! Злобы судьбы противной более не трепещет и не страшится, кто навывает, когда она свирепствует, взоры ее сносить. Наука для души сильной ее жесточайший гнев. Так же, как грозы, бури, – наука для пловцов.

Явление 4

Аспазия, потом Роксана

Аспазия: Чувствую, как все жилы бьются в моей груди!

Роксана: Аспазия, я должна на тебя жаловаться! Почто таишь твои удачи? Я надеялась на твою откровенность, буде на дружбу!

Аспазия (про себя): Ах, знает все. Найден Фемистокл!

Роксана: Бледнеешь, не говоришь! В самом ли деле? Великую же неприятельницу я при себе имею.

Аспазия: Царевна-

Роксана: Молчи, неблагодарная! Вся душа моя тебе отверста, верю во всем, а ты между тем отбиваешь у меня Ксерксово сердце!

Аспазия (*про себя*): Говорит не о том.

Роксана: Сия ли должная мзда моих благодеяний?

Аспазия: Роксана, напрасно укоряешь меня и негодуешь! Обладай Ксерковым сердцем, я о нем не спору! Не столь я сама себе незнакома, и надежды мои не простираются к трону!

Роксана: Не притворствуй! Тысячу причин имею опасаться. Ксеркса ежедневно нахожу к себе равнодушнее, как он увидел тебя. Вижу, как пристально он на тебя смотрит, слышу, что слишком часто говорит о тебе; смущается, если я являю ему любовь мою, извиняет холодность свою бедными вымыслами и кладет вину свою на царские попечения.

Аспазия: Жалостлив, не пристрастен он может быть ко мне!

Роксана: Не всегда жалость, что жалостью нам мнится. **Аспазия**: Слишком велико расстояние от Ксеркса до Аспазии.

Роксана: Любовь и вящие сближает.

Аспазия: Но иноземка!

Роксана: Сего-то достоинства я и боюсь. Малоценны там перлы, где море изобилует ими, а здесь сокровища, поелику редкие.

Аспазия: Роксана, из милости, не будь так изобретательна ко вреду своему! Себя ты обижаешь, и Ксеркса, и меня! Если б могла вмещаться любовь в прискорбных мыслях настоящего моего положения, никогда бы не был Ксеркс предметом оным. Образ иной ношу напечатлен на сердце, а сердцу Аспазии неизвестно еще, как склонность менять!

Роксана: Посему-то...

Явление 5

Севаст и те же

Севаст: Царевна, если хочешь видеть афинского посланника, он шествует к царю.

Роксана: Вскоре буду.

Аспазия: Послушай, имя его известно?

Роксана: Лизимах.

Аспазия (*про себя*): Боги, возлюбленный мой! (вслух) Но зачем прибыл?

Севаст: Я слышал, что отыскивает Фемистокла.

Аспазия (*про себя*): И он родителю враждует. На одного несчастного весь свет ополчается!

Роксана: Предшествуй мне, Севаст! Аспазия, прощай! Не измени ж ты мне!

Аспазия: Ах, изгони из сердца ревнивую заботу! И как может в столь изящной душе витать столь низкая страсть?

Роксана: Довлеет сказать, что я люблю, чтобы знать, что уже в груди имею сие жестокое подозрение, которое отравляет все радости, которое сто глаз имея, неправильно видит, зло вымышляет, добру не верит и на лице изображает исступление мысли!

Явление 6

Аспазия одна

Аспазия: Как! И Лизимах злодействовать родителю приходит! Ах, непостоянный! Уж позабыл меня; полагает меня умершею и чтит безумием верность мертвым хранить. Сего к моим напастям, сего только недоставало, жестокие звезды! Кто пагубной звезды испытал влияние жестокое, кто видел когда более моего мучимое сердце! Перехожу из муки в муку, одна другой последует. Но последняя, которая приходит, всегда всех пущая!

Явление 7

Великолепная для торжественных приемов палата

Превознесенной трон в одной стороне. Вид вдали на город.

Фемистокл и Неокл, потом Ксеркс и Севаст с многочисленным последом.

Неокл: Куда вступаешь, родитель? Я не постигаю твоего замысла, страшусь всех взоров, кажется, будто все на тебя одного смотрят. Вот стражи и царь! Пойдем...

Фемистокл: В толпу народную замешавшись, мы тут побудем.

Неокл: Чрезмерно опасно!

Фемистокл: Перестань рассуждать и замолчи!

Неокл (про себя): Я трепещу. *(Несколько отдаляются)*.

Ксеркс: Услышим посла греков – да выйдет. *(Один из стражей уходит)*. Севаст, еще ли кроется Фемистокл от моего гнева? Милость моя об этом столь мало льстит.

Севаст: Недолго скрываться будет! Столь многие и везде ему простерты сети.

Ксеркс: Покоя я не могу иметь, пока он дышит. Он видел Ксеркса бегущего. Он знает, что принудил меня из всех кораблей, коими мною угнетено было Эгейское море, вверить жизнь мою малому и подлому челну, что томящая меня жажда с трудом испросить могла в скудости воды мутной и кровавой для утоленья, и сладким и избранным ее сочла напитком. И будет жив тот, кто может стольким хвалиться? Ах, нет, мучительная тоска не престала бы терзать моего сердца! *(Всходит на трон).*

Неокл*(шепотом)*: Слышал?

Фемистокл*(шепотом)*: Слышу.

Неокл*(шепотом)*: Удалимся же!

Фемистокл*(шепотом)*: Умолкни!

Явление 8

Те же и Лизимах, наследуемый греками.

Лизимах: Монарх изящный, в тебе, даже враждующем Афинам, не только все высокий царский сан почитают, но от твоего сердца, равно могуществу великого, ждут дара свыше всех даров!

Ксеркс: Лишь бы не мира, садись и предлагай!

Неокл *(шепотом)*: Лизимах?

Фемистокл *(шепотом)*: Он.

Неокл *(шепотом)*: Мог бы тебе полезен быть столь милый друг.

Фемистокл *(шепотом)*: Или молчи, или удались!

Лизимах: Польза общая всех властвующих карать возмутителей народного спокойствия. В сем и враги обязаны взаимно вспомоществовать вредить всем, кто преступнику дает покров, ибо надежда безнаказанности влечет к злодеяниям.

Фемистокл *(шепотом)*: Ах, прости, злополучный друг! Тот виновный, коего ищут Афины. В сем чертоге полагают его. Потребовать могли бы, но в дар приемлют.

Неокл *(шепотом)*: О, требование жестокое! О, ложный друг!

Фемистокл *(шепотом)*: О, верный гражданин!

Ксеркс: Вникать, посланец, я не хочу теперь в истинные причины твоего пришествия, ни сколько на веру вашу полагаться можно! То

весьма знаю, что все искусство твоих замысловатых слов нимало скрыть не может дерзновенности требования! Мне что нужна спокойствия Афин? Я буду творителем вашей воли? Кто учредил между врагами сию новую обязанность? Приказы вы приходите давать или советы? Сим не верю, тех не терплю! Не столь кичитесь веянием одной победы! Еще весьма сомнителен жребий Греции, и путь в Афины Ксерксу еще отверст!

Лизимах: Но что вам здесь в Фемистокле?

Ксеркс: Узнаете, когда будет в моих руках.

Лизимах: До сих пор, следовательно, нет?

Ксеркс: Когда б и был, не дал вам отчета.

Лизимах: Слишком ослепляет тебя, о, государь, ненависть к имени греков, но если б союзом мирным...

Ксеркс: О мире я тебе запретил упоминать!

Лизимах: Знаю, но.

Ксеркс: Полно! Ты предложил – я ответил! Можешь и удалиться.

Лизимах: Удаюсь, но буде столько тебе противна дружба, не величайся напоказ, по крайней мере, сим презрением каждый неприятель силен. Азия видела то на опыте: часто находится тем большим, чем менее был ценим!

Явление 9

Ксеркс, Севаст, Фемистокл и Неокл

Ксеркс: Греки, Севаст, мнят Фемистокла у персов. Ах, ищи, выведывай, удостоверься. Утешь своего государя. Сия только жертва могла бы утолить ненависть, снедающую мое сердце.

Неокл (про себя): Ах, не бежит родитель!

Фемистокл (про себя): Пора теперь. Приступим!

Неокл (шепотом): Родитель, ах, послушай.

Фемистокл: Могучий царь! *(Проходя мимо стражи).*

Севаст: Какое дерзновение! Удалите безумца от трона!

Фемистокл: И боги не оскорбляются мольбою смертных!

Севаст: Удались!

Ксеркс: Нет, нет, услышим! Говори, пришелец, чего хочешь?

Фемистокл: Хочу убежища от злой судьбы и только здесь обрести надеюсь. Защитить меня могут Юпитер или Ксеркс!

Ксеркс: Кто ты?

Фемистокл: Я родился в Афинах.

Ксеркс: И, грек, смеешь являться мне?

Фемистокл: Знаю, быть греком здесь вина! Но сия вина во мне заглаживается великой заслугой. Ксеркс, ты тщишься найти Фемистокла, я приведу его!

Ксеркс: Фемистокла и впрямь?

Фемистокл: Не лгут перед царями!

Ксеркс: Нет мзды довольней к вознаграждению столь великой заслуги! Ах, где же, где же сей предмет моей ненависти?

Фемистокл: Перед лицом твоим...

Ксеркс: Кто?

Фемистокл: Я!

Ксеркс: Ты?

Фемистокл: Я сам!

Ксеркс: И ты столь мало страшишься моего гнева? Ты.

Фемистокл: Выслушай и реши. Ты зришь, государь, перед собою пример игры судеб. Я тот, тот, самый Фемистокл, некогда трон твой потрясший, а днесь прибегаю к тебе, прошу твоей защиты. Знаю тебя могущим, знаю раздраженным, однако же, привела Фемистокла надежда иметь тебя защитником. Я в твоих руках. Можешь меня спасти, можешь и погубить. Если огонь истинной славы воспламеняет душу твою, я отверзаю поприще, приличное твоей доблести. Превозмоги себя, прости десницу угнетенному твоему врагу. Если ненависть тобою обладает, удержи ее на короткое время. Рассуди, что бесполезна гибель бессильного врага; полезно приобретение верного друга, что ты – царь, что я – несчастный; что вручаюсь тебе, что приношусь к сим берегам добровольной жертвой. Размысли и жребий мой определи!

Ксеркс (*про себя*): Праведны боги! Какое новое сие явление доблести, мужества! Предстаёт Ксерксу один, безоружен, противник, вверяется. Ах, слишком много (*вслух*). Скажи мне, Фемистокл, что хочешь? С ненавистью сразилась чтобы моя слава? Но на сей раз не победишь! Приди в мои объятия, имей меня таковым, каким ты уповал! Отверсты в помощь твою будут мои сокровища. В твою защиту области мои вооружатся. И впредь будь Ксеркс и Фемистокл имя едино!

Фемистокл: Ах, государь, и мои надежды оказались непомерны, но сколь превосходит их твое великое сердце! Что могу предложить тебе? Труды ли мои? Кровь? Жизнь мою? Но малы будут для столь великого благодеяния кровь моя, жизнь, труды!

Ксеркс: Фемистокл, другом будь – единая моя мзда! Но соревнование наше не прекратилось. Прежних обид совлекаясь враждой, великодушной брани хочу с тобою! Состязание достойнейшее восстанет, если хочешь; теперь что слава в нас вражду переменяла в любовь. Забудь негодование, я месть позабываю, ты будь моей подпорою, а я защитник твой!

Явление 10

Фемистокл

Фемистокл: О, как, непостоянная судьба, переменяешь твой вид! Хотела бы увлечь меня безумствовать с тобой? Нет, многократно я испытал тебя и противную, и благоприятную. Не вверюсь твоему благоприятию; вражде твоей посмеюсь. Не ослепляет меня блеск, скоро гаснущий, не обольщает улыбка коварная. Тебе не вверюсь, тебя не страшусь. Знаю, что часто между цветов и зелени и змея таится, извивается. Знаю, что иногда дивимся на небе звезде, которая не есть звезда.

Явление 11

Аспазия, потом Роксана

Аспазия: Где же он? Кто мне укажет, несчастная я, родителя? Не вижу его я здесь! Однако, он открылся царю! Мне Неокл сказал, ошибиться не мог. Ах, царевна, сжался, помоги! Защити родителя от царского гнева!

Роксана: Родителя?

Аспазия: О, боже! Я несчастного Фемистокла дочь!

Роксана: Ты? Как?

Аспазия: Теперь не стоит скрывать мою участь.

Роксана (про себя): Ах, соперница моя становится опаснее.

Аспазия: Ты будь великодушна, ты испроси ему прощенья!

Роксана: Ему прощенье? Поэтому ты не все узнала...

Аспазия: Знаю, что раздраженному Ксерксу отец открылся. Брат, когда не мог его удержать, удалился, увиделся со мною. Из уст его я слышала горестное, печальное повествование.

Роксана: Дослушай же и знай.

Явление 12

Севаст и те же

Севаст: Аспазия, поспеши! Ксеркс тебя призывает! Теперь узнал от Фемистокла, что ты его дочь, и никогда царь не слышал столь радостнейшего известия.

Роксана (про себя): Какая тоска!

Аспазия: Ах, если бы гнев Ксеркса хотя несколько укротился!

Севаст: Какой гнев? Фемистокл его отрада!

Аспазия: Как, не хотел ли пред этим его смерти?

Севаст: А теперь объемлет его! Наричает своим благополучием, всем его указывает, о нем лишь говорит.

Аспазия: Роксана, прости! Не знаю от лишней радости, где я! Радость мучения сия для души моей, излишество радости, которого не могла надеяться, слишком чрезмерно кажется! Боюсь, оно не сон ли? Боюсь проснуться и боюсь возвратиться к трепетам!

Явление 13

Роксана и Севаст

Севаст (про себя): Ревнует уже Роксана. Сердце мое, надейся!

Роксана: Что бы значила, Севаст, сия нетерпеливая забота Ксеркса говорить с Аспазией?

Севаст: Я не дерзаю открыть моих подозрений!

Роксана: Однако же.

Севаст: Мне кажется, что Ксеркс ее любит. Блеснувшая в его лице радость, когда узнал о подлинном ее состоянии, изменила тайну его сердца.

Роксана: Нет, неправда! Сие видения твои.

Севаст: Дай небо! Но всегда полезно худшего опасаться.

Роксана: Боги! И в таком случае что делать мне?

Севаст: Что делать? Отомстить! Такой красавице легко бы было... Вот великая душе отрада наказать измену неверного любовника!

Роксана: Утешно, правда, но не вознаграждает потери! Избрать из тысячи сердце, в нем устроить себе гнездо, потом обрести его неверным слишком горестно. Вы, которые испытали любовь, которые терпите неверность, скажите, больно ли, скажите, что может быть больнее?

Явление 14

Севастодин

Севаст: Благоприятствует мне небо! Ксеркс в Аспасию влюблен. Раздражена Роксана. В нем страсть, в ней гнев я зажгу. Если сие дойдет до того, что пожелает мести, то я решусь на великое дело! Совокупя ее друзей с моими, и Ксерксу я страшен становлюсь! Тогда, может быть, возмогу и самый трон. Как знать? Весьма я вижу, сколь дерзновенна надежда, но дерзость и удача часто подруги. Излишне дерзновенен был, конечно, кто первый рассекал море и неизвестных искал дальних берегов. Но без того пловца, тогда столь дерзкого, сколько сокровищ еще были бы неизвестны!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Богатые чертоги, назначенные Фемистоклу. Вокруг ковчеги, наполненные злата и драгоценностей. Фемистокл

Фемистокл: Вот новая участь! Переменилось, Фемистокл, твое состояние! Давно ли нуждался всем, и нищим тщетно искал ты себе хижины? Теперь обладаешь сей драгоценной утварью, украшенным чертогом, видишь блеск окружающих с избытком сокровищ, располагаешь царем и царством. Как знать, в каком ином еще лице явлюсь в театре сего света? Ах, весьма вижу, что жизнь игра, а моя игра еще не кончилась!

Неокл: Наконец, любезный родитель, радостнее возблистали звезды на доблесть и неповинность. Наконец, миновали опасности наши! При сем известии как ужаснутся и вострепещут все неблагодарные граждане Афин! Теперь-то начался бег наших благополучий. Я

предупреждаю его. Уже мне мнится богатства, почести, победы лавры с тобою пожинать, с тобою наслаждаться ими; с тобою миновав Алкидовы пределы, покорять царей, давать законы царствам!

Фемистокл: Не столько еще, Неокл, не столько доверяйся! Теперь избыточествуешь в надежде, а прежде в страхе. При ветре противном ты у пристани трепетал. Попутный лишь повеял – спешно все паруса распростираешь. Я б вопреки хотел! Сия смелость, столь воздымающая тебя, теперь порочна, прежде была бы доблестью. Боязливость, перед сим тебя угнетающая, порочной быв, теперь была бы доблестью.

Неокл: Но чего же должны мы опасаться?

Фемистокл: Но на что же должны мы и надеяться? На сии богатства? Мгновения дар – мгновение их и похитить может. На сих новоприобретаемых друзей? Но не мы – с счастьем пришли, с счастьем отойдут.

Неокл: Великодушного Ксеркса милость довлеет нас поддержать!

Фемистокл: Довлеет и гнева нас погубить!

Неокл: Слишком правосуден и осторожен царь.

Фемистокл: Но и великой царь сам всего видеть не может, иногда ошибается, если коварство его окружит. А коварных везде изобилие.

Неокл: Доблесть твоя поставила тебя выше всякой клеветы!

Фемистокл: Напротив, там, где каждый тщится высказать свое достоинство, доблесть чем более явная, тем менее безопасна!

Неокл: Ах, какое...

Фемистокл: Отойди! Приближается царь!

Неокл: Какое волшебство кроется в словах твоих? Я мнил себя счастливым. Теперь тысячи противностей опасаюсь. Мгновенно, кажется, мне все в другом виде является. Так для чужой забавы обманчивые сцены обычные виды свои мгновенно переменять. Мрачной темницей становится чертог царский. Так зеленеет лес, где волновалось море.

Явление 2

Ксеркс и Фемистокл

Ксеркс: Фемистокл!

Фемистокл: Великий государь!

Ксеркс: Многим еще я у тебя в долгу! Я обещал награды тому, кто достанет Фемистокла, и достал. Теперь прихожу сдержать мое слово.

Фемистокл: И не довольно еще стольких и больших даров?

Ксеркс: Нет. Великому приобретению, которым я горжусь, все дары кажутся мне скудною ценою.

Фемистокл: И намерен...

Ксеркс: Намерен загладить несправедливость судьбы и тебя вопреки ей воздвигнуть. Уже Лампсак и Миунт, и град, орошаемый красивым меандром, твои с сего часа; а Ксеркс потом еще яснейшие даст опыты справедливой любви, которой чтит он твои достоинства.

Фемистокл: Ах, будь умереннее, государь! В твоём торжестве не будет тебе угодно заставлять Фемистокла краснеть. Чем заслужил?

Ксеркс: Чем заслужил? Разве мало, что ты почел меня добрым? Таковую жизнь мне вверил! Открыл мне поприще прославить мою память и возвратил в одном Фемистокле все мои ураны.

Фемистокл: Но бедствия, кровь, гибель, коим виновник я?

Ксеркс: Все вознаграждает слава возмочь почтить доблесть в моём враге. Все бывшие неудачи от судьбы зависели, а сия слава собственная моя!

Фемистокл: Высокие чувства, достойные души, предизбранной изображать богов. Счастливы области, такому царю подвластные!

Ксеркс: Внемли, предложенного состязания условия храню. Ты вверил твою жизнь моей власти. Я власть мою вверяю твоей храбрости. Полков персидских верховным вождем ты будешь! В присутствии собравшихся воинств приди принять знамена начальства. Смущенного Египта вначале шествуй наказывать наглость. Потом мы вящие предпримем подвиги. С Фемистоклом я надежен покорить целый свет.

Фемистокл: И до такой степени доходит великодушный мой государь!

Ксеркс: Иди, готовься к новым триумфам! Дела твои то скажут. Что ты сказать мне теперь намереваешься?

Фемистокл: Соприазненные боги, вы сохраняйте мне столь подобного вам! Дайте мне, всегда памятующему его благодеяния, умереть за него или побеждать ему! Ах, мне уже слышится, кажется, та бранная труба, которая к битвам, к оружию за тебя меня пригласит. Не устрашает меня судьба, не ужасает гроб, если умру тебе

благодарным, мой щедрый государь.

Явление 3

Ксеркс, потом Роксана, после Севаст

Ксеркс: Правда, что угнетает тягость диадемы царской и тысячу забот влечет с собою. Но могущество возвышать достойных, освобождать доблесть от власти слепой Фортуны, творить благополучными несчастливых, счастья достойных, такое блаженство, которое заменяет все, исполняет собою душу и почти равняет, если смертному возможно мнить, участь монарха с жребием богов. Таковым я себе кажусь с того часа, как приобрел Фемистокла. Но в великом приобретении должно удостовериться. Аспазию возведу на трон. Дюже стоит его ее добродетель, красота и род! Тогда защищай, Фемистокл, в моём могуществе наследие своих внуков, и дружба наша умножится союзом. Желал бы я прежде узнать мысли Аспазии. Уже послан мною к ней для сего Севаст и не вижу возвращающегося. Но не он ли? О, звезды! Роксана... избегнем!

Роксана: Куда спешишь, государь? Бежишь от меня?

Ксеркс: Нет, важное дело отвлекает меня.

Роксана: Бывало, в сих важных заботах твоих вмещалась и Роксана.

Ксеркс: Теперь их больше.

Роксана: Правда, я сама вижу! Вижу, сколько их умножил Фемистокл. Справедливо столь достойному гостю занимать Ксерксовы мысли. В таком смущении твоей души не удивляюсь, если за отцом и.

Ксеркс: Царевна, прости.

Роксана: Послушай, жестокий!

Ксеркс (про себя): Кончим ее надежды! *(вслух)* Слушай, Роксана! Наконец, время открыть тебе мои мысли. Знай...

Севаст: Вновь требует греческий посланник вещать с тобой.

Ксеркс: Как? Не отплыл?

Севаст: Нет. Сведав, что здесь Фемистокл, много будет за него предлагать.

Ксеркс: Излишне злоупотребляет он моей терпеливостью! Слушать я не хочу! Чтоб удалился! Повиновался!

Роксана (про себя): Сей гнев – любовь!

Ксеркс: Но нет. Послушай, введи. Я лучше размыслил.

Пойди, введи его, я иначе его наказать хочу.

Роксана: Мысли свои открой мне, наконец.

Ксеркс: Теперь не время.

Роксана: Обещаешь объясниться со мною; потом, жестокий, не отвечаешь, уходишь.

Ксеркс: Когда ухожу и не отвечаю, если ты понимать меня умеешь, я всю мысль мою сказал. И молчание также речь имеет. И довольно иногда изъясняется, кто отвечает молчанием.

Явление 4

Роксана, потом Аспазия

Роксана: Бесполезно льстится! Торжествует Аспазия. Вот надменная! И какое же особое достоинство обожает в ней Ксеркс?

Аспазия: Наконец, кончились ли твои сомнения, Роксана?

Роксана (*про себя*): Не нахожу столь крепких уз достаточной причины.

Аспазия: Что с тобой? Смотришь, молчишь?

Роксана: Лицо созерцаю, любуюсь взором, что приводит в опасность спокойствие царя. Душа, смятенная толикою красотой, достойна извинения, коль не хранит верности!

Явление 5

Аспазия и Лизимах

Аспазия: Какие колкие слова! О, мучительная ревность, как терзаешь душу! Ощущаю тебя, о боже, и я от Лизимаха!

Лизимах (*про себя*): Если бы на час только с нею увидеться, тогда бы... Не обманываюсь ли? Вот моя отрада!

Аспазия: Не зная, что я жива, не может. всем так гласно! Другим огнем, конечно, неблагодарный, сгорает, а я не могу его позабыть! Ах, наконец, освободимся от сих уз!

Лизимах: Жизнь моя, внемли.

Аспазия: Кто меня жизнью своей нарицает? О, звезды!

Лизимах: Твой верной Лизимах. Еще привела меня судьба моя увидеться с тобою, прекрасная Аспазия.

Аспазия: Аспазия – не я! Аспазия умерла!

Лизимах: Знаю, что слухи были, знаю, что лживы! Знаю, какими судьбами небо тебя сохранило!

Аспазия: Когда так много знаешь. Конечно, знаешь, что я для тебя уже не живу!

Лизимах: Что так жестоко пронзаешь душу мою?

Аспазия: Подлинно много заслуживает столь верный друг, столь нежный любовник. Неблагодарный, и смеешь врагом родителю являться мне и о любви вещать?

Лизимах: Врагом? Ах, ты не видишь всей тесноты моей! Священный долг велит повиноваться отечеству, но непрестанно сражается во мне любовник с гражданином.

Аспазия: Одно из двух забудь!

Лизимах: Одного не должен, другого не могу. Не имея никогда покоя, о том пекусь, в чем страшусь успеть.

Аспазия: Хвала богам, ни в чем ты не успел.

Лизимах: О боже, слишком много успел, Аспазия! Боги Афин, простите сия совоздыхания горести моей возлюбленной!

Аспазия: Страшусь. Но в чем же ты успел?

Лизимах: Ксеркс возвращает Фемистокла Греции.

Аспазия: Увы!

Лизимах: Теперь он обещал, и слово клялся сдержать.

Аспазия: Несчастливая! *(про себя)* Ах, Ксеркс отмщает мое отрицание. *(вслух)* Лизимах, из жалости... Ты один, ты можешь спасти мне родителя!

Лизимах: Каким путем? Может быть, уже царь ожидает меня там, где воинство и народ в собрании? Перед всеми захочет он Фемистокла вручить? Рассуди, что от меня зависит?

Аспазия: Все, если захочешь! Позволь тайным небесам!

Лизимах: Ах, что требуешь от меня?

Аспазия: Требую – ты меня любишь – опыта любви!

Лизимах: Боже! Я гражданином был, потом любить уж начал!

Аспазия: Разве сие звание обязывает искать пагубы невинного?

Лизимах: Я не хотел, но должность исполняю!

Аспазия: Итак, исполним же оба! И я долг свой совершу. Прости.

Лизимах: Куда поспешаешь?

Аспазия: В объятия Ксеркса!

Лизимах: Как?

Аспазия: Он любит меня. Отца спасти мне все велит. Я так же прежде была дочерью, чем любить начала.

Лизимах: Постой! Ах, не подавай свету столь жестокого примера неверности!

Аспазия: У тебя перенимаю. Исполню должность!

Лизимах: Но столь мало тебе стоит!

Аспазия: Мало стоит? Неблагодарный! К стыду твоему знай, что если Ксеркс вручает тебе родителя, он меня хочет наказать. Он трон мне предлагал, и та, которой столь мало стоит покинуть тебя, отреклась от трона, чтобы тебя не покидать.

Лизимах: Что сказываешь, душа моя?

Аспазия: Я не все сказала. Слушай, жестокий! Тысячу причин имею, сам ты видишь, гнушаться тобой и не могу, а доведена до жестокой крайности навек тебя покинуть. Чувствую, что исторгается сердце из груди... Я бы скрыть должна, неблагодарный, хотела бы, но не могу, нет сил во мне сдержать мои слезы!

Лизимах: Не плачь, я согласен на все. *(Про себя)* Что говорю? *(Вслух)* Прости, жизнь моя, прости.

Аспазия: Куда?

Лизимах: Бегу от приступа, превосходящего мою доблесть.

Аспазия: Есть ли жалости хоть искра?

Лизимах: Перестань! Прости. Колеблется мой долг. Боги! Какое сладостное волшебство – плач прелестных очей! Кто может, кто противится, кто такой варвар? Бегу, возлюбленное благо, а если близ тебя остаться? Забуду и Афины, забуду и себя.

Явление 6

Аспазия одна

Аспазия: Итак, Ксерксу предаться единственная мне остается надежда. Какая мука, о боже, какая ужасная необходимость! Вопреки нежной склонности соделаться рабой мучительного союза – такое мучение, которому нет равного. Не жизнь, если жить должно, называя своею утехой кого ненавидишь, не имея жалости к тому, кого любишь!

Явление 7

Огромной и великолепной шатер, со всех сторон подобранный, под которым трон, украшенный военными знаками... Вид обширной долины, занятой персидским в строю воинством. Ксеркс, за ним Севаст, сопровождаемый сатрапами, стражи, народ, потом Фемистокл и, наконец, Лизимах с греками

Ксеркс: И подлинно, Севаст? Аспазия отказывается от моего брака?

Севаст: На первое приглашение, государь, красавицы несклонны. Аспазия, может статься, в тайне тобою тлеет, но стыдится сказать и только ждет родительского приказанья.

Ксеркс: Получит!

Севаст: Уже приближается знаменитый изгнанник и афинской посол.

Ксеркс: Вели принести знамения верховной власти.

Поддерживаем Севастом, всходит на трон.

Один из сатрапов приносит на золотом подносе жезл начальства и с оным предстоит Ксерксу.

Лизимах же, неслышав царем, приближаясь, говорит Фемистоклу

Лизимах(про себя): Сколь жестокою должность, друг мой, возлагают на меня боги, с каким стыдом...

Фемистокл(про себя): Неправый стыд! Я различаю с гражданином друга. Отечество есть тот бог, которому все позволено в жертву приносить. На твоём месте быв, и я бы то же сделал!

Ксеркс: Приблизься, Фемистокл! Здесь собранных ты видишь и лучших моих воинов. Строю их бранным недостает лишь полководца. Я сим жезлом тебя им избираю! Ты мною будь! Определяй казни, награды! Сражайся, торжествуй! В руках твоих Ксерксова слава и царств его судьба!

Лизимах (про себя): Царь посмеялся надо мной или примирила их Аспазия?

Фемистокл: Монарх изящный! Избранный тобой, на тебя уповая, приемлю тяготу степени высокой и в верности клянусь! Боги да повелят Фортуне вкупе со мной послужить тебе, а если бы звезды угрожали каким бедствием, предметом оно да будет единый Фемистокл. Полки да победят, погибнет полководец, да возвратится к

тебе не кипарисом, лавром увенчанный в кликах торжественных
бездыханный вождь!

Лизимах: Сим то образом, Ксеркс, ты отдаешь Фемистокла?

Ксеркс: Я поклялся только возвратить его Греции и, слушай, держу
ли слово. Непобедимый вождь, наступило время казни буйной
кичливости. Усмирить Египет возможен и другой. Ты в Грецию
шествуй, и месть мою внеси. Опустошай и рушь, все истреби железом
и огнем, и в жаркие заключи оковы Фивы, Спарту, Коринф, Аргос,
Афины!

Фемистокл (*про себя*): Я погиб!

Лизимах: И ты меня слушать приглашаешь?

Ксеркс: Иди и новость сию возвести твоим Афинам. Скажи, каков и
кем сопровождаем возвратится изгнанник!

Лизимах: Несчастное отечество, неверная Аспазия!

Явление 8

Фемистокл, Ксеркс, Севаст.

* * *

(следующая страница в рукописи отсутствует)

* * *

Ксеркс (*про себя*): Какая милая горесть!

Роксана (*про себя*): Боюсь приступа.

Ксеркс: И ты приходишь испрашивать милости? Ты, которая, может
быть, больше всех мною пренебрегаешь!

Аспазия: Ах, нет, ты обманываешься! Робость была то отрицание.
Стыдливость моя будет иметь покров, если возвратишь родителя. Твое
будет сердце сие.

Роксана (*про себя*): Дрожу.

Ксеркс: Могу ль щадить неблагодарного, врагов моих друга?

Аспазия: Нет, я менее прошу! Воздержи только немного твой гнев. Я, может быть, смогу преклонить его к повиновению. Отрекаешься, о, боги, родилась я к напастям!

Никто еще не отходил без уважения от Ксеркса. Я первая обретаю его жестоким. Нет, не верю, не может быть! Сия суровость тебе чужда! Стоит тебе усилия, тщетно хочешь ею скрыть твоё врожденное милосердие. Но гнев притворен, а жалость истинна. Ах, государь, уступи твоему сердцу, склонись на его жалостливые внушения и мою надежду или увидишь меня вкупе с отцом издыхающую.

Ксеркс: Встань! (*про себя*) Какое волшебство! (*вслух*) Склони его к повиновению и все прощаю. Скажи, что по воле своей может избрать он свой жребий. Скажи, что я воздерживаю гром, но еще не отлагаю... Да потщится сделаться достойным толикого моего милосердия, что гнев удержанный всегда сильнейшим становится.

Явление 10

Аспазия, Роксана и Севаст

Роксана (*про себя*): Я замираю.

Аспазия: Прости, Роксана, должность меня принудившую!

Роксана: С глаз моих скройся, надменная! Ты победила! Вижу, признаюсь, уступаю! Чего еще хочешь? Торжествовать, ругаться много? Довольно я сносила!

Аспазия: Гнев твой сносить я готова, соболезнующую твоей скорби. Ты не можешь видеть моего сердца, не знаешь, каково ему в моей груди. Кто не знает, каков пламенник, которым горит душа моя, не может сказать, достойна ли я зависти или сожаленья.

Явление 11

Роксана и Севаст

Севаст (*про себя*): Воспользуемся сим гневом!

Роксана: Севаст! Ах, если бы могла я отомстить Ксерксу!

Севаст: Пути готовы. Если с преданными мне совокупишь твоих друзей, ты отомстишь и трон в наших руках!

Роксана: Каких друзей мне можешь предложить?

Севаст: Многочисленные полки, в Египте бунтующие, зависят от меня. Ими правит Оронт по моей воле, моим советом... Смотри, сие его письмо.

Роксана: В мои комнаты иди, друг, и подожди. Я скоро буду к тебе. Опасно здесь говорить о сем намерении.

Севаст: Могу ль после надеяться?

Роксана: Иди. Признательна я буду. Вижу, сколько я тебе обязана, знаю, что любишь.

Севаст (*про себя*): Наконец восхитил я счастливую минуту!

Явление 12

Роксана одна

Роксана: Роксана, и станет твоего духа погубить, кого обожала? Для чего? Неверный слишком презрел меня. Неси казнь моих оскорблений без слез, хочу увидеть его поражаемого тысячью ударов, хочу, чтоб достигнув последнего часа... О, боги, злобой хваюсь, а душа трепещет. То на погибель неблагодарного исступленное сердце прогневается, то любовью и во гневе начинает трепетать. Хочет покарать обманувшего, спешит найти к тому пути и отмщенья ненавидит, когда может отомстить.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление 1

Комнаты, в которых заключен Фемистокл

Фемистокл один, потом Севаст.

Фемистокл: Отечество! Афины! О, имя сладкое и роковое мне! Легко мне было трудиться для тебя, и кровь пролить, и ненависть твою я мог сносить. Безропотно из края в край влекли мои бедствия. Но днесь, чтоб верным быть тебе, неблагодарным я должен быть. И кому же? Царю милосердному, который, оскорблен и могуч, позабывает обиды, принимает в свои объятия, чтит и власть свою вверяет. Прости, отечество, но сносить нет силы! Ты, как было всегда богом моих помышлений, так и будешь до конца, но начинаю чувствовать, сколько ты мне стоишь.

Севаст: Я Ксерксом прислан, он хочет знать без отлагательств, что ты избрал. Желает тебя, кающегося о твоём заблуждении, надеется и говорит, что не может себе представить самого Фемистокла столь неблагодарным.

Фемистокл: Ах, нет, я не таков. Знают то боги сердцевидцы. Ах, если б так же мог видеть его царь. Веди меня, друг, веди к нему.

Севаст: Возбранено! Или приди скоро к жертвеннику поклясться в вечной вражде к Греции или не надейся более предстать Ксерксу!

Фемистокл: И невозможно иной ценой склонить моего благотворителя к свиданию?

Севаст: Нет. Поклянись – и будет царя любовь. Но если отречешься, трепещу помышлять о твоей участи. В таком случае, ты знаешь, Ксеркс непримирим!

Фемистокл (про себя): Итак, я должен быть или изменником, или понести поносное пятно неблагодарности! Но смогу ли оправдаться перед светом и, умирая, признать свои обязанности? (*Задумывается*).

Севаст: Решись!

Фемистокл(про себя): Но выйдем же из сего ужасного лабиринта, и будь Фемистокла достоин путь. (*вслух*) Иди, да уготовят жертвенник, излияния священную чашу, и все потребное к клятве. Я избрал, я приду!

Севаст: С радостью лечу к царю!

Фемистокл: Послушай, Лизимах отплыл?

Севаст: Лишь теперь подымлет из гавани якорь.

Фемистокл: Удержи его! Желая его присутствия при столь великом деле. Ты, Севаст, испроси мне у Ксеркса!

Севаст: Присутствовать будет! Ты теперь обладаешь Ксерксом.

Явление 2

Фемистокл

Фемистокл: Будь светел, закат моей жизни! С блеском исчезни как угасающий светильник! Стражи, ко мне Неокла, Аспазию! И, наконец, что есть смерть? Добро? – ускорим его. Зло? – поскорее избавимся томительного ожидания, которое есть вящее зло. Недостойн жить, кто предпочитает славе жизнь! Она равно принадлежит всем рожденным, а слава собственность великих только душ. Страшись кончины,

подлец, который, от всех мраком сокрыт, умер, рождаясь, и весь нисходит в гроб. Неустрашим, умри, кто может, не краснея, вспомнать, как жил!

Явление 3

Неокл, Аспазия и тот же

Неокл: О, любезный отец!

Аспазия: О, милый мой родитель!

Неокл : Правда, что избрал ты жить благодарным Ксерксу?

Аспазия: Правда, что, наконец, ты сжалился нами, над собою?

Фемистокл: Умолкните и оба мне внимайте! Известно ли вам, какое точное повиновение налагает отеческая воля?

Неокл: Удел священный!

Аспазия: Нерушимый закон!

Фемистокл: Повелеваю же вам втайне сохранить, что я скажу, пока созреет предприятие, определенное мною.

Неокл: Слово дает Неокл!

Аспазия: Аспазия клянется!

Фемистокл: Садитесь и, мне внимая, крайний опыт мне дайте величайшего мужества. *(Садятся).*

Неокл *(про себя)*: Леденею.

Аспазия *(про себя)*: Трепещу.

Фемистокл: В последний раз теперь, дети мои, я с вами говорю. Я славе жил доселе, теперь, если жить останусь, утрачу все плоды моих подвигов. Умереть должно!

Аспазия: Ах, что вещаешь?

Неокл: Что мыслишь?

Фемистокл: Ксеркс – благотворитель мой, отечество – Афины. Сему должен я благодарностью, тем – верностью. Один долг другому противится. Который ни нарушу – или я предатель, или я неблагодарный. Обоих сих ужасных имен, умерев, могу освободиться. Сильный на то потребный яд имею с собою.

Аспазия: Как, не обещал ли ты идти к Ксерксу?

Фемистокл: В присутствии его и совершу.

Неокл: Уверен Севаст, что ты придешь клясться!

Фемистокл: Знаю, что так он мнит, и мне полезно заблуждение его. В сей надежде Ксеркс меня услышит. Всю Персию хочу иметь зрительницей, весь свет да будет свидетелем и судьей тех чувств, которые в душе питаю к Ксерксу, к Афинам.

Неокл: О, мы погибшие!

Аспазия: О, горесть!

Фемистокл: Дети, какая слабость! Скройте от меня сию малодушную горесть! Не принудьте меня краснеть быть вашим отцом! Плакать бы вам, если бы я не умел умереть!

Аспазия: Если ты умрешь, что будет с нами?

Неокл: Что нам останется?

Фемистокл: Вам останется любовь доблестная, чаяния славы, покровительство неба, пример мой!

Аспазия: Ах, родитель!

Фемистокл: Внемлите! Нужда мне покинуть вас одних среди врагов, в земле чужой, без нужных в жизни подпор, недостаточно опытных, в непостоянных человеческих приключениях... Итак, предвижу, что много потерпеть вам. Помните, что вы – дети мои, будьте ими, и полно! Первыми предметами мыслей ваших да будут слава, отечество и та должность, к которой призовут боги. Всякий жребий может соделать знаменитым, может душа употребить изящные дары свои в пустоте и на троне. Судьбой враждебной не побеждайтесь! Несносное зло недолговременно, сносное одолевается. Подвизайтесь для славы – не для мзды! Страшиться преступлений, а не казни! Ах, если бы доведены вы были судьбой до необходимости недостойного поступка, избавиться есть путь. Я вам его укажу!

Неокл: Ах, не покидай еще нас!

Аспазия: Ах, милый родитель! Итак, уж я никогда больше тебя не увижу!

Фемистокл: Прекратим сие последнее прощание. Слишком, дети мои, слишком нежен сей шаг! Ах, тяжело! Могла бы нежность истощить наши силы? И я отец, и чувствую. милые дети, простите. Ах, удержится малодушный плач! Неправда, не иду на смерть, иду над роком, над звездами, над судьбой торжествовать. Иду остаток дней моих украсить новыми лаврами, иду всех моих подвигов весь плод пожать.

Явление 4

Аспазия и Неокл

Аспазия: Неокл!

Неокл: Аспазия!

Аспазия: Где мы?

Неокл: Какой нечаянный Перун нас поразил?

Аспазия: Несчастные! Что теперь начать?

Неокл: Явиться достойными великого родителя! Пойдем, Аспазия! Бестрепетно увидим последнюю его победу над собою. Наша твердость усладит его смерть!

Аспазия: Пойдем! И я с тобою. Не могу, трясутся ноги! (*Садится*).

Неокл: И хочешь быть столь малодушной?

Аспазия: И столько твердости в чувствах твоих!

Неокл: Если во мне не станет, научит Фемистокл! Луч от его чела светит, хоть смертью омрачен, вдохнет в меня мужество, научит доблести. Явить себя смелым приглашает меня родитель! Следую отеческому приглашению, не мысля ничего!

Явление 5

Аспазия одна

Аспазия: Мужественнее меня будет брат! Не одна ли кровь течет в жилах наших? Пойду, воздам ему последний прискорбный долг! Да опочит, издыхая на сих руках. Дочь сирота в последний раз облобызает оледеневшие руки, угасшие глаза рукой своей закроет... Какое отчаянное, нестерпимое видение! Какой мороз пробегает во всех жилах моих! Спешу, колеблюсь, леденею, горю. Долг влечет, держит страх. Слезами заливаюсь, решиться не могу и отца лишаюсь. Ах, остаться – но укоряет слава, ах, идти – нога не смеет. Какое мучительное волнение твердости и малодушия. Соделайте, боги, чтоб разлучилась, наконец, душа с сею грудью! Довольно я была предметом вашей жестокости.

Явление 6

Ксеркс и потом Роксана с письмом

Ксеркс: Где полководец, где мой Фемистокл? Почто уклонился от объятий любящего царя?

Роксана: Я по следам твоим хожу, Ксеркс.

Ксеркс (*про себя*): Какая встреча!

Роксана: Выслушай и будь сие в последний раз.

Ксеркс: Знаю, Роксана, знаю, что ты раздражена, что будешь мне угрожать мщением.

Роксана: Действительно, я отмстить хочу. Я через меру оскорблена. Внемли, какова месть моя, Ксеркс: в опасности твоя жизнь и твой скипетр! В сем письме прочти злой умысел, предупреди и охранись! Прости.

Ксеркс: Остановись, царица! Позволь, чтоб я за столь великий дар...

Роксана: Полно! Я отомстила. Сладкое мщение обиженной души соделается защитой того, кто оскорбил. То радость совершенная, которая вознаградит сердцу все до сего претерпенные скорби.

Явление 7

Ксеркс, потом Севаст

Ксеркс: Письмо к Севасту. Писал Оронт. Прочтем. О, звезды, какая мрачная неверность! Севаст – тайный зачинщик мятежей Египта! И здесь, при мне притворствуя, счел ревностным мне быть! Вот он! Как смеет предатель являться мне!

Севаст: Я испрашиваю, Ксеркс, милости за труды мои, за верность.

Ксеркс: Велики твои заслуги, Севаст! Всего надеяться можешь, чего желаешь?

Севаст: Афинам брань несет Фемистокл. В Египет вождь еще не назначен, вверь моему начальству полки, туда идущие!

Ксеркс: Только ты хочешь?

Севаст: Мне, государь, доблесть показать на деле, мою к тебе преданность!

Ксеркс: Уже много твоих дел! Сие достойно тебя. Но имеешь ли достаточные о Египте сведения?

Севаст: Горы, реки, леса, почти каменья я мог бы перечесть.

Ксеркс: Сего мало. Потребно знать зачинщиков!

Севаст: Оронт единый!

Ксеркс: Я мню, что и другие есть! Здесь ты увидишь их имена! Смотри – знакомы ли тебе?

Севаст: От кого, государь? (*читает*). (*про себя*) О, я погибший!

Ксеркс: Что сделалось с тобою? Смущаешься, изменяешься в лице, немеешь! Не трепещи, раб неверный, припозднился уже твой страх! Когда сплетал злой умысел, тогда надо было трепетать. Но праведнейший есть устав неба, чтоб изменник не видел своей опасности, когда уже близок к потоплению!

Явление 8

Севастодин

Севаст: Так-то предаешь меня, бессовестная Роксана? Безумный я! Смею ли обвинять ее? Изменник вопиет ли на измену? Стою того! Беги, Севаст! Где скроюсь от себя? Ах, в груди ношу палача моего! Куда ни пойду, ужас и страх последуют за мною. Преступление мое изобразится на лице моем. Горькие угрызения ужасны, сыны моих злодейств, зачем столь поздно, о, боже, терзается сердце? Зачем страшные гласы, теперь близ меня вопиющие? Зачем теперь я слышу вас, а не слышал доселе?

Явление 9

Дворец. Жертвенник посреди пылающий и на нем уготованная чаша.

Ксеркс, Аспазия, Неокл, сатрапы, телохранители, народ.

Ксеркс: Что так уныл, Неокл? Почто сей плач, Аспазия? Дети сокрушаются, когда отец мне в верности клянется. Ужели моя дружба и любовь для вас напасть? Скажите.

Неокл, Аспазия (вместе): О, боже!

Явление 10

Роксана, Лизимах с греками и те же

Роксана: Зачем, государь, призываешь?

Лизимах: Ксеркс, чего хочешь?

Ксеркс: Хочу свидетелями вас.

Лизимах: Слушать еще ругательства Афинам?

Аспазия: Обиды новые сносить?

Лизимах: Видеть измену неверной Аспазии?

Аспазия: Нет, жестокий Лизимах, не мучь меня безвинно! Я всё та же! За что ты угнетаешь страждущую душу?

Ксеркс: Как? Вы любите друг друга?

Аспазия: Столько сказав – отречься тщетно.

Ксеркс: А ты мне предлагаешь руку?

Аспазия: Жизнь родителя требовала сего пожертвования.

Ксеркс: А ты погибели ищешь отца тебе любезной?

Лизимах: Велели Афины.

Ксеркс (про себя): О, влюбляющая доблесть!

Роксана: Греческой вождь вот шествует...

Неокл (про себя): Ах, мог бы я иметь его бестрепетное чело!

Аспазия (про себя): Бедное сердце, как бьется в груди моей!

Явление 11

Фемистокл и те же. Севаст под конец

Ксеркс: Наконец, Фемистокл, решил ты быть моим. Возвратись в объятия царя, толико почитающего. *(Хочет обнять)*.

Фемистокл: Постой! *(Удаляясь с почтением)*.

Ксеркс: Зачем?

Фемистокл: Я недостойн еще, достойным да учинюсь!

Ксеркс: Уже готова на жертвеннике священная чаша.

Принеси вожделенную клятву, и в ней казнь Греции начнись!

Фемистокл: Ксеркс, выйди из заблуждения – я слово дал прийти, а не клясться!

Ксеркс: Но ты...

Фемистокл: Внемли, государь! Лизимах, слушай! Услышьте, зрящие, народные слова Фемистокла и соблюдайте, свидетельствуйте их! Противный рок хочет меня неблагодарным или предателем. В двух преступлениях выбора нет – лишь жизнь! Она небес дар вольный! Не быть злодеем единый путь я вижу – в гроб. И сей я избираю.

Лизимах (про себя): Что слышу!

Ксеркс (про себя): Вечные боги!

Фемистокл (*вынимая из-за пазухи яд*): Сей товарищ мой в горестном изгнании дело свершит! Послужит сия священная чаша. (*Берет чашу и яд высыпает*). Боги верности, благодарности, славы, присутствуйте предложению самоизвольной жертвы.

Аспазия (*про себя*): Я умираю!

Ксеркс (*про себя*): Изумление меня объемлет!

Фемистокл: Ты, Лизимах, мой друг, уверь отечество в своей верности, и милость испроси моему праху. Все прощаю судьбе, в чем бы я ни пострадал, если там будет мне гробница, где колыбель была. Ты, великодушный царь, не кайся о твоих благодеяниях, за них воздаст свет, удивляясь тебе. Не в моей воле иначе воздать тебе, о, рок жестокий, разве сказать и умереть! Милосердные боги, если последние мольбы невинные сильны на небе, сохраняйте Афины ваши, примите под кров ваш сего царя, его области, вы преклоните душу его к грекам! Ах, Ксеркс, гнев твой с моею жизнью да прекратится вкупе! Дети, друг, государь, народ! Простите! (*Подносит чашу к устам*).

Ксеркс: Остановись! Что ты делаешь! Не прикасайся к смертельной чаше!

Фемистокл: Но как же.

Ксеркс: Ксеркс не потерпит! (*Отнимает у него чашу*).

Фемистокл: Почему?

Ксеркс: Причин так много, что не умею сказать!

Фемистокл: Но смерти, Ксеркс, ты отнять у меня не властен. Одно сие монархам не дано!

Ксеркс: Живи, великий, живи, похвала наших лет! (*Бросает чашу*). Люби, согласен я, люби свое отчество. Я сам начинаю его любить. И кто возможет ненавидеть землю, родившую такого, как ты, героя, землю счастливую!

Фемистокл: Возможно ль... Боги! И столь далеко может простираться моя надежда?

Ксеркс: Внемли и подивись внезапной власти соревнующей доблести. На этом жертвеннике, где тебе клясться было в вечной Греции вражде, я в вечном мире Греции клянусь! Да будет тебе, изгнанник великодушный, верный гражданин, тебе она обязана своим спокойствием.

Фемистокл: О, монарх изящный! Какое новое искусство торжествовать! Столь великими быть дано ли смертным? О, Греция, о,

Афины, о, счастливое изгнание!

Аспазия: О, радостный час!

Неокл: День возжеланный!

Лизимах: Позвольте мне лететь возвестить Греции состязания ваших великих душ! Признательна будет, слово даю, столь щедрому деятелю, столь великому ходатаю!

Севаст (*бросаясь к ногам Ксеркса*): Ксеркс, определи казнь, я прошу тебя, моему преступлению. Несносна мне эта жизнь!

Ксеркс: Восстань, Севаст, я днесь хочу лишь радостью дышать! Тебя прощаю! Склонностям Аспазии даю свободу! Роксане руку в награду ее верности!

Аспазия: Ах, Лизимах!

Роксана: Ах, Ксеркс!

Фемистокл: Покровители боги, вы дайте мне всю благодарность мою Ксерксу явить!

Ксеркс: Моли богов, чтоб хранили тебя! Ты, доблестью твоею мою воспламеняя, мне более даешь, чем от меня приемлешь!

* * *

Хор: Когда соревнующая приглашать высится доблесть, как светильника, соединенного со светильником, удваивается свет.

Фемистокл
Гавриил Державин

Опера в трех действиях

Действующие лица:

Ксеркс – царь персидский

Роксана – царевна персидская

Фемистокл – полководец греческий

Аспазия, Неокл – его дети

Лизимах – посол греческий **Севаст** – царедворец Ксеркса.

Действие в Сузах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет гульбище близ Ксерксова дворца

Явление 1

Фемистокл и Неокл

Фемистокл

Что хочешь?

Неокл (*указывая на проходящего мимо*).

Родитель, соизволь,
Да сей накажется гордец!
Ты зрел, с каким на нас презреньем
Он шел. Еще ль обиды несть?

Фемистокл

Неблаговременную пылкость

Твою мой ныне сын умерь!
Еще ль быть в Греции мечтаешь,
И счастье, дитя, толпой
Рабов мнишь видеть окруженное?
Переменилось всё, Неокл!
Долг мудрых быть с судьбой согласным.
Се Ксеркса пред тобой чертог,
И я уж не Афин любимец
И больше не надежда их.
Но в ссылке нищ, никем не знаем,
Презренный, брошенный от всех,
Скитаюся, всего лишенный;
И лучшее, коль что со мной,
То мужество одно осталось.

Неокл

Прости мне, отче, что твое
Мне мужество почти несносно:
Из стен отечества изгнан
Твоей спасенных кровью, встречая
И ненависть его везде
Тебя гонящую так коварно,
Что даже места нет ступить;
А ты не ропщешь и спокоен.
А как столь равнодушно несть
Такую можешь ты превратность?

Фемистокл

Неопытный мой сын, еще
Ты путник в жизни сей, и всякий
Уж ты за случай чтишь.
Я простоты сей не порочу.

Неопытности диво всё,
Напротив, опытность мать знаний
И изумишься ты, узнав,
Что великих благодеяний
Живет неблагодарность мздой.
Неблагодарный, коих много,
Во благодетеле своем
Благодеяние не терпит;
А сей, напротив, в нем их чтит.
И в том-то между нас есть разность.
Афинам ненавистен я,
А я люблю их.

Неокл

Ах, родитель!
Пусть только люди бы с тобой
Одни несправедливы были,
Я б терпеливо снёс сие,
Но коль неправедны и боги!

Фемистокл

А почему?

Неокл

Ужели нам
Принять и бедства за награды?

Фемистокл

Но ты сможешь ли и знать
В чем счастье и в чем несчастье,
Что есть награда и есть казнь?

Неокл

Как?

Фемистокл

Доблесть бедствиями крепится,
Слабеет в счастье она.
Чрез камни льются воды чище,
Стоящи ж зелены, мутны.
И меч без действия лежащий
В покое ржав, в войне светел!

Неокл

Но пасть с высот в столь страшны бездны!

Фемистокл

Грядущи веки может быть
Злосчастьем позавидят больше,
Чем всем днесь торжествам моим.

Неокл

Пусть так; но что ж тебе за нужда
Опасностей велит искать
И бедств еще в краю сем новых?
Иль мало греческой вражды,
Подвергнуться персидской хочешь?
Ужель не помнишь, как тобой
Из стен Афины изведенны
Против всей Азии восстав
Всем силам Ксеркса посмеялись
И мосту дерзкому его?
Не мни, чтоб гнев царя был кроток.
К кому прибегнешь ныне ты?
Хоть и везде врагов имеешь;
Но здесь уж все тебе враги:
Твоим советом всяк лишился
В тех страшных битвах, друга тот,
Отца тот, сына. Ах! Удались.
Из милости тебя прошу.

Фемистокл

Молчи. Вдали зрю некто идет.
Оставь меня и подожди.

Неокл

Нельзя ль с тобой и мне остаться?

Фемистокл

Нет. Не надеюсь на твою

Потребную мне ныне скромность.

Неокл

Покрайности брегись в час бурь.

Фемистокл

Молчи, надейся и отступи.

Неокл

Надеяться, отец любезный,
Мне на кого средь грозных туч,
Каких надежд в мой век толь слезный,
Какой звезды блеснет мне луч?
Удары мне ужасны рока,
Но более ещё страшна
Мне тем душа твоя высока,
Что не колеблется она.

(Уходит).

Явление 2

Аспазия, Севаст и Фемистокл в стороне.

Фемистокл

По важной поступи, по взорам,
Высокой степени сей муж.
Не мню, чтоб был не благосклонен.

Могу его спросить; но с ним
И дева...

Аспазия
(*к поспешно идущему Севасту*).

Стой, внемли, Севаст.

Севаст

Нельзя, Аспазия прекрасна,
Мне медлить здесь, меня ждет царь.

Аспазия

На миг. Указ дан строгий?

Севаст

Дан: Фемистокла сыщет кто
Хоть мертвого, хотя живого
Большой получит царский дар.

Аспазия
(*в сторону*)

Отец несчастный!

Фемистокл
(*подходя навстречу Севасту*).

Царедворец!
Знать коль позволено, скажи!
Вход к Ксерксу всякому ль свободен?
Когда и где?

Аспазия
(*про себя*)

Как бы отца мне остеречь.

Севаст
(*Фемистоклу с презрением*)

Там спроси других.

Фемистокл

Коль провинился, не взыщи;
Но вразуми чем иностранца.
Обычаев я здешних чужд.

Севаст
(*посмотрев на него сурово*)

Прости, Аспазья.

(Уходит).

Явление 3

Фемистокл и Аспазия

Фемистокл
(про себя)

Что за гордость!

Аспазия
(взглянув на небо)

Не шлют мне небеса отца!

Фемистокл
(про себя)

Потщусь узнать от сей гречанки.
Любезна дева! Боги! Кто?

Аспазия
(про себя)

Родитель! Не твое ль подобье?

Фемистокл

Повеждь...

Аспазия

Мой отец!

Фемистокл

Дочь моя!

Аспазия

Ты здесь?

Фемистокл

Боги! Дщерь моя жива!

Аспазия

Беги отсель, родитель мой.
Какая, ах! звезда враждебна
Тебя к чертогам сим вела?
Увы! твоей Ксеркс алчет смерти.
Сулит дары, кто приведет.
Не медль, узнать тебя здесь могут.

Фемистокл

Откроешься, робея, ты.
Скажи: корабль тот не погиб ли,
На коем в Аргос я тебя
Отправил, от войны спасая?

Аспазия

Погиб. И все в пучину с ним;
Одна лишь только я несчастна
Сбрегла ценой свободы жизнь.

Фемистокл

Как?

Аспазия

Трепещу поднесь от страха.
Из бурных волн меня
Исхитило едва живую
Враждебно судно и, во плен
Свой взяв, на брег сей принесло.

Фемистокл

Известен ли твой здесь род?

Аспазия

Нет!
Порфироблещущей Роксане,
Не зная, Ксеркс отдал меня в дар.
О! сколько я к тебе взывала,
Молила небо зреть тебя,
И столь жестокого события
Я не ждала молитв моих!

Фемистокл

Спокойся, дочь моя. Пределы
Суть близки радостей и слез;
Меж ними переход мгновенен.
И наша участь может взять
Вид новый; а я уж менее
Несчастлив стал, тебя нашед.

Аспазия

Но как нашел? Врагов рабою!
Быв сам гоним, ты сам бежишь.
Ах! Где, несчастнейший родитель,
Всегдашний велелепья блеск,
Где почести, друзья, богатство
Где вокруг тебя твоих полк слуг?
О, вы несправедливы, боги!
Афин неблагодарный сонм
Как на себе земля вас носит
И гром еще Зевеса спит?

Фемистокл

Мудрей, Аспазия, будь в печали.
Отечеству желая зла,
Уж ты не дочь моя, и мысли
Преступницей в тебе я сей
Снести не могу одной минуты.

Аспазия

Чем больше защищаешь, тем
Оно виновней пред тобою.

Фемистокл

Вперед не смей!

Аспазия

Но удались
Отсель скорей из-под ужасных
Грозящих здесь тебе небес.

Фемистокл

Чего страшиться мне? Я незнаем!

Аспазия

Незнаем Фемистокл, ты мнишь.
На челе твоём уж довольно
Величие души твоей
Единого напечатленна
Тебя предать; а паче днесь
Умножилась твоя опасность,
Как прибыл из Афин посол,
Уж от него нельзя укрыться.

Фемистокл

Скажи, не знаешь ли, зачем
И кто прислан?

Аспазия

Не знаю; но скоро
Представлен будет он царю.
Ты видишь, как народ толпится
На стогне, назначенном ему.

Фемистокл

И можно ль зреть его кто хочет?

Аспазия

Конечно.

Фемистокл

Останься же ты здесь;
А я давнишнее желанье
Удовлетворить мое пойду
К противоборнику скорее,
Чтоб мне его поближе зреть.

Аспазия

Постой! О, сколько я несчастна!
Иль страхом уморить меня
Ты хочешь? Но меня, коль любишь,
То кинь сию ужасну мысль,
Покинь для сей руки геройской (*целует руку*).
Целуя кою, трепещу,
Для отечества оставь, прошу,
Не терпишь коего укор,
И кое хоть тебе враждует;
Но и благодарность знав,
Его ты любишь, защищаешь.

Фемистокл

Прижмись, Аспазья, к груди сей,
Да сердце в трепете познает
Мою возлюбленную дочь.
Не малодушствуй, и о себе
Ты предоставь пещися мне.
Прости, и у отца навыкни
Превратность счастья презирать.
Не дрогнет, не боится тот
Нашествия свирепа рока,

На встречу кто его жестока
Стремленья грудь свою несет.
Но ярость вся и злость врагов
Души великой поученье,
Подобно нам морей волненье
На свете школа для пловцов. (*Уходит*).

Явление 4

Аспазия, потом Роксана

Аспазия

Грудь, чувствую, вся в волненье.

Роксана

Я всю причину упрекать,
Аспазия, тебя имею:
Почто ты твой таишь успех?
Коль не надеялась на дружбу,
То я на искренность твою.

Аспазия
(*про себя*)

Известно, знать, о Фемистокле.

Роксана

Что ты молчишь и так бледна?

Конечно, страшную злодейку
В тебе я вижу близ себя.

Аспазия

Царевна!

Роксана

Неблагодарная!
Молчи да верю. Вижу я,
Душа моя была отверста
Тебе, ты ж сердце, ах, мое
У Ксеркса тайно похищаешь.

Аспазия
(про себя с удивлением)

Что, что она?

Роксана

Сия то мзда
Моих к тебе благодеяний?

Аспазия

Напрасно ты язвишь меня!

Владей душой свободно Ксеркса,
Не спорю я о ней с тобой,
Себе самой я быв известна,
Не льщусь мечтать на твой престол.

Роксана

Не притворяйся. Есть довольно
Причин, чтоб опасаться мне:
Вседневно Ксеркса равнодушной
К себе я ныне нахожу.
С тех пор, как он тебя увидел,
Взирает страстно на тебя,
Речь часто о тебе заводит;
Смущается, как я любовь
Мою ему кажу и ласки
И всяким вымыслом пред мной
Свою холодность извиняет
На царственны заботы шлясь.

Аспазия

Мочь жалостливым быть не страстным.

Роксана

Не всё то жалость, мнится что.

Аспазия

Велико слишком расстоянье
От Ксеркса до Аспазьи.

Роксана

Нет!
Любовь все дальности сближает.

Аспазия

Я чужестранка.

Роксана

Сих-то я
Достоинств и боюсь паче,
Немногоценны перлы там,
Моря обилуют где ими;
Сокровищ редких мил нам блеск.

Аспазия

Из милости прошу, Роксана,
В свой вред столь зла не вымышляй,
Себя ты и меня, и Ксеркса,
Поверь, обидишь тем; но коль
Любовь и возможна бы вкрасться
Во сие печально сердце, ах!
Предметом Ксеркс моим не будет.

Совсемдругой в душе моей
Ношу я зрак напечатленный,
А сердца склонности менять
Еще Аспазья не умеет.

Роксана

Так ты?

Явление 5

Севаст и те же

Севаст

Царевна! Если зреть
Афинского посла желаешь,
Он шествует к царю.

Роксана

Сейчас.

Аспазия
(*Севасту*)

Посланника ты имя знаешь?

Севаст

Он Лизимах.

Аспазия
(*про себя*)

Боги, мой любезнейший здесь!
(*Вслух*). Зачем приехал?

Севаст

Он Фемистокла ищет здесь.

Аспазия
(*про себя*)

И он так родившему враждует?
Весь свет восстал против него.

Роксана

Предвидь пред мной, Севаст, ко Ксерксу.
Ты ж мне, Аспазья, будь верна.
Прости.

Аспазия

Извергни скорей из сердца

Заботу ревности твоей.
Возможет ли в душе изящной
Скрываться низкая толь страсть?

Роксана

Кто люблю, сказал довольно;
Он сказал, что он ревнив,
Что сомненья сердце полно
И что в счастье он гневлив,
Всяку радость отравляет.
О сто глаз, а косо зрит,
Доброму недоверяет;
А на зло в мечтах летит. (*Уходит*).

Явление 6

Аспазия

(одна)

Как, уж и Лизимах явился
Сюда злодействовать отцу!
Забыл меня, непостоянный.
Иль думая умершей быть,
Счел верность к мертвым за безумье?
Сего только к моим бедам
Враждебный рок, недоставало!
Кто, когда, злых звезд пожал
Столь влияние, как я?
Кто, когда столь трепетал,
Как теперь душа моя?
С горя в горе я бросаюсь,
Бедство бедством заменять,
Но последним так сражаюсь,

Что едва могу дышать.

Явление 7

Театр представляет великолепный для торжественных приемов чертог. С одной стороны возвышенный трон, в другой открытый вид на город.

Фемистокл и Неокл, потом Ксеркс и Севаст с многочисленным последованием

Неокл

Куда идешь, родитель мой?
Совсем тебя не понимаю!
Страшусь всех взоров, все глядят,
Мне мнится, на тебя. Се стража
И царь уже идет, пойдем.

Фемистокл

Сойдем в толпу и в ней побудем.

Неокл

Опасно тут!

Фемистокл

Не говори.

Неокл

Дрожу.

Фемистокл

Посла б мне внять лишь греков. (*Отходят несколько далее*).

Ксеркс

Да приидет. (*Один из стражей уходит*). Еще ль, Севаст,
Не сыщем скрыта Фемистокла?
Иль и обеты все не льстят?

Севаст

Недолго будет укрываться,
Расставлена мной всюду сеть.

Ксеркс

Не успокоюсь я дотолѣ,
Поколь он жив. Он Ксеркса зрел
Бегущим с бою. Он принудил
С тьмы кораблей тягчивших понт
Мне челну жизнь мою поверить,
И вутomлявшей жажды час
Напиться с кровью вод смешенных
Как будто сладкого питья!

Ах! словом: жив ли тот пребудет,
Кто может сим хвалиться всем?
Нет! Скорбь мой дух весь истерзает.

Неокл
(*Тихо*)

Слышь?

Фемистокл
(*Тихо*)

Слышу я.

Неокл
(*Тихо*)

Пойдем.

Фемистокл
(*Тихо*)

Умолкнь!

Явление 8
Те же и Лизимах, последуемый греками

Лизимах

Великодушный царь! Афины
В твоей на них даже вражде
Высокий сан твой почитают
И ждут от нежных чувств твоих
Всех драгоценнейшего дара.

Ксеркс

Не мира лишь! Сядь и вещай.

Неокл
(*тихо*)

Лизимах?

Фемистокл
(*так же*)

Он.

Неокл
(*тоже тихо*)

Весьма полезным
Быть может верный тебе друг.

Фемистокл
(*тоже тихо*)

Молчи иль прочь иди.

Лизимах

Взаимна
Всех польза требует, царям
Карать рушителей спокойства;
Должны в том и враги помочь
Всем пагубен злодея скрывший;
Ко преступленью всех влечет
На безнаказанность надежда.
(*Про себя*). Прости мне Фемистокл, мой друг!
(*Вслух*). Тот виновен уж, кого в чертогах
Афины полагают сих,
И требовать его б мне можно;
Но лишь испрашивают в дар.

Неокл
(*про себя*)

Как требовать? О, друг неверный!

Фемистокл
(*про себя ж*)

О, верный гражданин!

Ксеркс

Вникать,
Посланник, не хочу в причины
Приезда твоего сюда,
Но сколь на верность полагаться
Твоих лъзя льстивых слов, то знай,
Что всем искусством скрыть не можешь
Посланья груба твоего.
Что нужды мне Афин в спокойстве
И волю ль вашу мне творить?
Кто долг устави́л меж врагами
Давать приказы иль совет?
Сего не чту, а тем не верю.
Победою одной своей
Не славьтесь много вы, не дмитесь!
Еще ваш жребий не решен
И в Грецию мне путь не заперт.

Лизимах

Но что вам в Фемистокле здесь?

Ксеркс

О том опосле ты узнаешь,
Как будет он в моих руках.

Лизимах

Так ты его знать не имеешь?

Ксеркс

Не дам отчета хоть бы был.

Лизимах

Тебя уж слишком ослепляет
Ненависть к грекам, государь.
Но если бы союз нас мирный
Благополучно увенчал.

Ксеркс

И мыслить я прещу о мире.

Лизимах

Так мне ни с чем отъехать, знать, отсель?

Ксеркс

Свободно можешь удалиться,
Ответ узнав на твой предлог.

Лизимах

Удалюсь, коль ты противной
Нашу дружбу себе счел;

Не хвались же и обидной,
Что нас гордостью презрел.
Всякий враг небезопасен:
Азия пример тому.
Кто был менее ужасен,
Свету страшен стал всему. (*Уходит*).

Явление 9

Ксеркс, Севаст, Фемистокл и Неокл
Ксеркс

Севаст! Мнят греки Фемистокла,
У персов быть. Яви твой ум
Разведай втай, удостоверься,
Утешь монарха твоего.
О так! Сия едина жертва
Могла б ненависть утолить,
Снедающую мое сердце.

Неокл
(*про себя*)

А мой родитель прочь нейдет.

Фемистокл
(*также про себя*)

Пора теперь начать. Приступим!

Неокл
(*тихо*)

Ах, отче мой!

Фемистокл
(прошед сквозь стражу).

Могущий царь!

Севаст
(воинам).

Какая дерзость! Удалите
Безумца от престола прочь.

Фемистокл

И боги смертных воплю внемлют.

Севаст

Прочь!

Ксеркс

Нет, услышим, говори:
Чего ты, иностранец, хочешь?

Фемистокл

Хочу укрова от судьбы,
Чего лишь здесь найти надеюсь:
Защитник мой иль Зевс, иль Ксеркс!

Ксеркс

Кто ты?

Фемистокл

В Афинах я родился.

Ксеркс

Как мне являться смеет грек?

Фемистокл

Я знаю, здесь виновны греки;
Но сгладится вина моя,
Великою заслугой.
Ты ищешь Фемистокла, Ксеркс?
Хочу его тебе представить.

Ксеркс

Ты хочешь Фемистокла мне

Привесть?

Фемистокл

Не лгут перед царями.

Ксеркс

Довольнее награды нет
За толь великую услугу.
Где ж мести сей моей предмет?

Фемистокл

Пред тобой.

Ксеркс

Кто?

Фемистокл

Я.

Ксеркс.

Ты?

Фемистокл

Видишь.

Ксеркс

И мой тебе не страшен гнев?
И мне предстать ты не боишься?

Фемистокл

Чего бояться? Сам реши,
Пример превратности зря света.
Так, государь, я Фемистокл —
Тот самый, кем престол твой трясся.
Прошу твоей защиты я,
Могущество твое всё зная
И раздраженье на меня.
Но справедливость Артаксеркса (1)
Надеждой Фемистокла льстит!
В твоих руках я нахожуся,
Ты можешь спасти и погубить.
Но коль прямой тебе луч славы
Приятен, отверзаю дверь
В храм доблести твоей приличной!
Превозмоги себя, подай
Длань помощи врагу упавшу!
А ненависть тобой коль правит,
На время удержи ее
И рассуди, что бесполезно
Бессильных недругов карать;

Друзей же приобрести нужнее.
Ты сильный царь, я слаба тварь,
И я, себя тебе вручая,
На вольну жертву предаю.
Размысль о сем великодушно.

Ксеркс

Правдивы боги! Кое зрю
Вновь мужество и добродетель.
Какой пред мной и один
Стоит соперник безоружный,
Кой столько верит мне!
Но Фемистокл, скажи по правде,
Чего ты хочешь от меня?
Боренья ль ненависти с славой?
Так ты не раз меня сразил.
Приди скорей в мои объятья
Найди меня ты тем, чем мнил.
Сокровища мои отверсты
Узри на помощь все тебе.
И области мои несчетны
В защиту пойдут все с тобой.
Впредь будет Ксеркс со Фемистоклом
Едино имя, власть и мощь.

Фемистокл

Ах, государь! Моя надежда
Сколь на тебя не льстила мне;
Но превзошло ее далеко
Великодушие твое.
Мне что тебе взамен представить?
Труды ли, кровь иль саму жизнь?

Но все они суть жертвы малы
За милости твои ко мне.

Ксеркс

Коль Фемистокл мне будет другом,
В том мзда моя, но наше сим
Соревнованье не ослабнет;
Хоть прежняя борьба прошла,
Начнем вновь брань великодушной.
Так днесь хвальней состязанье
Мы возжем в нашей крови
Коль не к славе ревнованье,
То ко дружбе и любви:
Враждовать ты мне забудешь,
Я забуду тебе мстить,
Ты подпорою мне будешь,
А я буду тебе щит. (*Уходит*).

Явление 10

Фемистокл
(*один*)

О, как твой переменчив взгляд,
Непостоянная фортуна!
Ты всех манишь к твоей игре;
Но я уж зрел тебя стократно
То льстящу, то сурову вновь,
Затем не верю и смеюся
И дружбе, и вражде твоей.
Так я кротким взором не прельщаюсь,
Ни улыбкой льстивою твоей,
Не боюсь и не вверяюсь

Плену золотых твоих цепей.
Я не раз видал между цветами
Как, клубясь, шипит, скрываясь, змей,
И как мелькает под облаками
Подложных в тьме лучи огней. (*Уходит*).

Явление 11

Аспазия, потом Роксана.

Аспазия

Где он? Кто мне отца покажет?
О, я несчастная! Где он?
Его здесь нет. Царю открылся,
Как мне о том сказал Неокл.
Ах! сжался, помоги, царица,
Гнев царский на отца смягчи,
Будь щит.

Роксана

Отца?

Аспазия

Дочь Фемистокла я.

Роксана

Как?

Аспазия

Того уж скрыть нельзя.

Роксана

(про себя)

В ней тем соперница опасней.

Аспазия

Великодушною мне будь
И испроси ему прощенье.

Роксана

Ему прощенье? Так ты
Не знаешь знать всего?

Аспазия

Я знаю,
Царевна есть ли только то!
Сам Ксерксу Фемистокл открылся;
А брат мой, не сдержав его,
Ушел и, встретившись со мною,

Весь пересказал мне свой страх.

Роксана

Дослушай же и знай...

Явление 12

Севаст и те же

Севаст

Аспазья!
Иди скорее, царь зовет.
Сей час, что дочь ты Фемистокла
Поведал он и вести сей
Не слыхал, говорят, приятней.

Роксана

(про себя)

Какая грусть!

Аспазия

О, если б гнев
К нему чуть Ксеркса умягчился!

Севаст

Как гнев? Фемистокл друг его.

Аспазия

Но он искал ему напасти.

Севаст

Теперь объемлет и зовет
Его своим благополучьем,
Всем кажет и о нем твердит.

Аспазия

Прости, Роксана, я в восторге
Сама не знаю, где теперь
От радости моей чрезмерной.
Радость лишняя, мученье
Для души теперь моей,
Чрезвычайно восхищенье
Сверх моей награды всей.
Уж не сон ли, я боюсь,
Счастье – не мечта ли сие?
Я страшуся, как проснуся
В мое прежнее бытие. (*Уходит*).

Явление 13

Роксана и Севаст

Севаст

(про себя)

Роксана, зрю, ревнует уж,
Имей мое надежду сердце.

Роксана

Чтоб Ксерксу значила, Севаст,
Нетерпеливая забота
С Аспазьей нечто говорить?

Севаст

Открыть не смею подозренья.

Роксана

Однако ж!

Севаст

Мнится мне, влюблен;
В лице его блистала радость,
Как он о ней о всем узнал.
Из сердца вырывалась тайна.

Роксана

Несправедливо мыслишь ты!

Севаст

Дай небо! Но всегда полезней
Нам прежде опасаться зла.

Роксана

О, боги! но в таком случае
Мне что бы предпринять?

Севаст

Отмстить.
Велика тебе в том отрада,
Любовник коль неверен стал;
И красоте сие не трудно.

Роксана

И впрямь. Потерю ж как найти?
Сердце, избрав себе нежно
Трон, что своих зрел в нем утех,
На чувство внял, как мятежно
Радостей блеск утратил всех,
Тяжко сие для него!
О,вы, любовь кто познали
И от измены страдали,

Скажите, больней что сего? (*Уходит*).

Явление 14

Севаст
(*один*)

Благоприятствует мне небо!
Зрю, Ксеркс в Аспазию влюблен,
Роксану видя раздраженну
Зажгу в нем страсть, в ней гнев вспалю.
Ее ж коль доведу до мести,
На цель великую решусь.
Друзей ее сдружа с моими,
Ужасен Ксерксу быть могу,
Могу тогда и до престола...
Как знать! Надежда хоть дерзка;
Но дерзость счастьем сплошь подруги.
Отважен был безмерно,
Чрез понт кто первый плыл,
И дальние безбедно
Кто земли находил;
Но без смела морехода,
Океан проплывши весь,
Сколь сокровищ бы природа
От нас скрыла и поднесь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

*Театр представляет великолепные чертоги назначенные
Фемистоклу. Вкруг стен ковчеги или сундуки, насыпанные золотом и
драгоценностями*

Явление 1

Фемистокл и Неокл

Фемистокл
(один)

Се вновь твой жребий, Фемистокл!
Как жизнь твоя переменилась!
Давно ли всем нуждался ты,
Был нищ, искал приюта, крова,
Теперь сияньем окружен.
В величественнейших чертогах,
Наполненных сокровищ вкруг,
Убранств и утварей бесценных,
Владеешь царством и царем.
Но знаю ль, на каком позоре
Еще я мира впредь явлюсь?
Ах! Вижу то я, очень вижу,
Что жизнь игра, но что моя
Еще игра не окончалась.

Неокл

И, наконец, о, отче мой!
На доблесть рок и на невинность
Твою блеск радости излил.
Опасности исчезли наши.
Как задрожат при вести сей
Неблагодарные Афины!
Благ наших начался днесь бег!
Я предвкушаю уж блаженства:
Звук побед, злата, лавров блеск.
Краев богатства пожиная,
С тобою наслаждаясь всем,
Алкидовы пройдя пределы,
Порабощаем тьмы царей

И царствам их даем законы.

Фемистокл

Не столько верь сим снам, Неокл:
В избытке быв твоей надежды,
Вчерась полн страха быв дрожал
У пристани в противный ветер,
Днесь слишком ширишь паруса.
Я б бурь тебе желал противных,
Что б бодрость дмящая тебя
Слыла в несчастье добродетель;
А в счастье бы пороком члась.

Неокл

Но днесь чего уж опасаться?

Фемистокл

Да и надеяться на что?
Не на богатства ль, дар мгновенный?
Их может миг же и лишить.
На новых ли друзей? Но с счастьем
Пришли – с несчастьем уйдут.

Неокл

Великодушие и милость

Нас могут Ксеркса поддержать.

Фемистокл

И гнев его изгнать нас может.

Неокл

Он осторожен и правдив.

Фемистокл

Но видеть царь всего не в силах,
Ошибочен среди коварств.
Коварных же везде довольно.

Неокл

Но ты уже вне всех клевет
Твоею доблестью поставлен.

Фемистокл

Напротив, всякий где своим
Достоинством блеснуть желает,
И добродетель где видней,
Там боле ей небезопасно.

Неокл

Ах!

Фемистокл

Удались. Царь идет

Неокл

Какое кроется волшебство
В словах твоих! Я мнил себя
Счастливым быть. Теперь боюсь
Бесчисленных препятств и бед;
И все мне кажется мгновенно,
В ином уж образе я зрю.
Будто бы глаз для забавы
Весь пременяется сей свет,
Для громкой делали что славы,
И слуха теперь о том нет;
Храм где был – ныне темница,
Хижина – чертог тут царей;
Зелень дубравна там зрится,
Равнина была где морей.

Явление 2

Ксеркс и Фемистокл

Ксеркс

Здесь Фемистокл?

Фемистокл

Что Ксеркс изволит?

Ксеркс

Я у тебя еще в долгу:
Обещана тому награда,
Кто сыщет Фемистокла мне.
Тобой то сделано, я слово
Мое пришел тебе сдержать.

Фемистокл

Твоих даров уж мне довольно.

Ксеркс

Нет, за великое мне толь
Приобретенье, чем горжуся,
Мала цена моих даров.

Фемистокл

Еще что ж мнишь?

Ксеркс

Не правосудье,
Намерен я затмить богов
И им в укор тебя возвысить.
Страна Ламази и Мидян,
Град, орошаемый Менандром,
С сих пор уже твои. И Ксеркс
Даст опыты еще яснейши
Тебе той искренней любви,
Чем чтить достоинства умеет.

Фемистокл

Ах, государь! Умерен будь,
И не изволь в твоём триумфе
Меня заставить покраснеть.
Чем заслужил?

Ксеркс

Мала ль заслуга,
Что так прославил ты меня?
Что добродетельным признав,
Открыл мне поприще к бессмертью,
Поверив мне такую жизнь,
Чрез кою царств моих все траты
В тебе одном я возвратил.

Фемистокл

Тьмы бед и крови я виновник.

Ксеркс

Вознаградить всё тамне честь,
Что чту в враге я добродетель.
Мои потери от судьбы,
А слава от меня зависит.

Фемистокл

Велики качества столь душ
Предизбранных, богов достойны
Подобие изображать,
И счастливы подвластны царства
Такому доброму царю.

Ксеркс

Внемли ж предвзятых состязаний
Условия мои теперь:
Во власть ты жизнь свою мне вверил,
Вверяю я тебе мою.
Будь вождь верховный войск персидских;
В присутствии собранных полков
Иди принять начальства знамя,
И шествуй прежде наказать
Египтян дерзко возмущенье.
Потом и вящий подвиг мы
Со Фемистоклом предпримем,
Льщусь свет весь покорить с тобой.

Фемистокл

Толико благ!

Ксеркс

Иди, готовься
Торжествовать! Дела твои
То скажут всем, о чем я мыслил.

Фемистокл

Приязненные божества!
Храните ваше в нем подобье,
И даруйте, благодеянья
Мне помня, за него умереть
Или пожать ему победы.
Се уже слышится мне
Громкое труб призыванье,
Мечей за тебя где в сверканьи
Жизнь положить на войне.
Рока ль мне знаки печальны?
Могила ль страшна? Смерть мне дар,
Умру коль тебе я преданный,
Благодетель мой царь! (*Уходит*).

Явление 3

Ксеркс, потом Роксана, после Севаст

Ксеркс

Правдиво то, что царь гнетом
Бывает бременем Диадимы

И что заботы с ним всегда;
Но власть взводит наверх достойных
И добродетель защищать
От самонравств слепой Фортуны
Творя счастливыми людей,
Того, которые прямо стоят,
Есть благо выше всех блаженств!
Оно одно все заменяет
И наполняет душу тем,
Чем смертные, коль только можно
Одни равняются цари
В благополучии с богами.
С тех пор я полн сих вышних чувств,
Стяжал себе как Фемистокла;
А счастье в том, чтоб твердым быть.
Взведу с собой на трон Аспазью.
И доблесть, и краса, и род
Ее сего достойны сана.
Сам Фемистокл тогда ты будь
Своей наследственной щит власти
И в внуках дух твой утверди.
Но в том, чтоб мне не ошибиться,
И прежде мысль Аспазьи знать
Послал ее спросить Севаста.
Не возвращается еще.
Но что, не он ли? *(Смотрит на идущего)*.
Ах, звезды!
Идет Роксана! Избежим.

Роксана

Куда так, государь, поспешно
Бежишь ты от меня?

Ксеркс

Зовут
Важнейшие меня заботы.

Роксана

Бывало, и Роксана в них
Брала участие.

Ксеркс

Днесь их больше.

Роксана

Правдиво вижу и сама,
Что Фемистокл сует умножил.
Я вижу, лучше угостить
Чтоб знаменитого столь гостя,
Все Ксеркса мысли заняты.
И я тому не удивляюсь,
Что ты в смущении, и дочь
Коль за отцом...

Ксеркс
(прерывая речь)

Прости, царица! *(Хочет идти)*.

Роксана

Но выслушай, постой!

Ксеркс
(про себя)

Решим
И кончим все скорей надежды. (*Вслух*).
Роксана! Наконец, пора
Мне пред тобой уже открыться,
Знай...

Севаст

Просит греческой посол
Вновь, государь, с тобой беседы.

Ксеркс

Как! Не отплыл он?

Севаст

Нет еще.
Узнав здесь бытность Фемистокла,

О нем он хочет предложить.

Ксеркс
(*гневно*)

Излишне лишь тягчить терпенье.
И слышать не хочу; чтоб знал
Повиноваться.

Роксана

Не от любви ль
Сей гнев?

Ксеркс
(*с негодованием*)

О, нет! Введи его
Иначе наказать я вздумал.

Роксана

Скажи ж, что мне хотел открыть?

Ксеркс

Теперь не время. (*Хочет идти*).

Роксана

Объясниться
Ты со мной хотел и идешь,
Ни слова не сказав, жестокий!

Ксеркс

Коль иду, не отвечая,
Можешь уж сама понять,
Сим я лучше изъясняю,
Что ж слова терять.
Часто только кто молчал,
Очень много отвечал.

Явление 4

Роксана, потом Аспазия

Роксана

Ах! тщетно уж ласкаться мне!
Аспазья гордо торжествует.
Какие ж обожает в ней
Толь красоты Ксеркс преизящны?

Аспазия

Ужель сомнения твои
Конец, Роксана, восприяли?

Роксана
(*про себя*)

Коль крепких у меня нет уз,
То и достаточна причина.

Аспазия
(*с удивлением*)

Что случилось? Зришь ты и молчишь!

Роксана

Смотрю я на лице
Любуюсь очи зря,
Что рушили в венце
Спокойствие царя.
То сердце извиняю
Пленило что красой,
Прелестнее не знаю
Нигде ее другой. (*Уходит*).

Явление 5

Аспазия и Лизимах (пришедший после).

Аспазия

Какие колки изреченья,
О, ревность! Душ мучитель злой,
И я тобой от Лизимаха

Довольно ощущаю быть.

Лизимах

(приходит и про себя)

Хотя б на миг ее увидеть,
Тогда б – иль вижу я мечту?
Ах, нет! *(бросается к ней)* Ты здесь, моя отрада!

Аспазия

Не знать нельзя, что я жива,
И это всем уж здесь известно;
Но ты в другую, знать, влюблен,
Другой горишь, неблагодарный,
Забыл меня! Пусти ж из уз.

Лизимах

Послушай, жизнь моя!

Аспазия

Как! Жизнью
Своей ты чтишь меня? О, гром!

Лизимах

Так, зришь ты верна Лизимаха!
Судьбы еще меня к тебе,
Аспазья, привели прекрасна.

Аспазия

Аспазии уж в свете нет.

Лизимах

Такие вести уж я слышал,
Всяк знает, ложны суть они,
И жизнь твою как сохранило
Чудесно небо, знаю я.

Аспазия

Когда уж так ты много знаешь,
То знай же: я уж не твоя.

Лизимах

Почто разишь мое так сердце?

Аспазия
(с насмешкою)

Ты прав. Мне много заслужил
Мой верный друг, любовник нежный! (*горестно*)
Ах, не благодарный! Ты смел
Быв враг родителю, казаться
И о любви мне вспоминать.

Лизимах

Я враг? Не зришь ты в сердце муки,
Как долг отечеству творить,
Борясь любовник с гражданином.
Умилосердись надо мной.

Аспазия

Забудь одно.

Лизимах

Сего не должно,
Никак другого не могу.
И не имею я покою
Всегда заботясь о том,
В чем получить боюсь успеха.

Аспазия

Хвала Богам, что не успел.

Лизимах

Ах, нет, Аспазия! Довольно
Иль очень много я успел.
О, божества Афин! Простите
Совоздыхание сие!

Аспазия

Страшусь! Но в чем же ты успел?

Лизимах

Ксеркс Фемистокла возвращает
Отечеству его.

Аспазия

Увы!

Лизимах

Дал слово, и сдержать мне клялся.

Аспазия

О, я несчастная! *(Про себя)* Царь мстит
Мне за мою ему несклонность. *(Вслух)*

Прошу из жалости, спаси
Отца – то можешь ты единый!

Лизимах

Но как? Уж ждет, я слышу, царь
Меня давно перед народом
И пред собраньем войск, чтобы
Мне там представить Фемистокла:
То рассуди, что могу?

Аспазия

Коль хочешь, все. Позволь хоть бегством...

Лизимах

Что ты просишь от меня?

Аспазия

Коль прямо любишь, я опыта
Любви прошу.

Лизимах

Я гражданин

Был, боги, прежде, чем любовник.

Аспазия

Иль звание сие велит
Искать невинных погубленья?

Лизимах

Я не ищу его, творю мой долг.

Аспазия

Так сотворим же его оба.
Иду. Любовник, друг, прости.

Лизимах

Куда идешь?

Аспазия

В объятия Ксеркса.

Лизимах

Как?

Аспазия

Меня он любит. И спасти
Отца мне всё повелевает.
Была его я прежде дочь,
Любить тебя чем начинала.

Лизимах

Постой, и свету не кажи
Толь злой неверности примера.

Аспазия

Но ты и я творим наш долг.

Лизимах

Твой ничего тебе не стоит.

Аспазия

Неблагодарный! Мне ничего?
Так знай, когда тебе вручает
Ксеркс даровавшего мне жизнь,
Он наказать меня тем хочет
За то, что отреклася я

От предложенного им трона,
Который, мыслишь как ты, мне
Оставить ничего не стоит,
Не оставляючи тебя.

Лизимах

Что, жизнь моя, мне ты вещаешь?

Аспазия

Не всё еще. Жестокий, знай:
Я тысячи причин имею
Презреть тебя; но видишь сам,
Что не могу. Быв доведена
До крайности жестокой, той,
Чтобы, любя тебя, покинуть.
Я чувствую, что сердце, ах,
Из груди сей стесненной рвется,
И должно б мне сие скрывать,
Но зри, бесчувственный, не в силах
Сдержать моих я токи слез!

Лизимах

Не плачь, любезная, согласен (*про себя*)
Ах, что я говорю? Прости,
Моя душа!

Аспазия

Куда ж стремишься?

Лизимах

От побеждающих бегу
Очес, в груди сей добродетель.

Аспазия

Коль искра жалости одна...

Лизимах

Престань, прости, ослабеваю.
Какое волшебство и сила
В слезах прелестных толь очей!
Где твердость, коя бы сносила
Стрел тучи сладких сих огней?
Бегу, спешу и оставляю
Я всё, что мило у тебя.
С тобою всё я забываю,
Богов, Афины и себя. (*Уходит*).

Явление 6

Аспазия

(одна)

Итак, отдаться Ксерксу мне
Одна осталась надежда.
Какая грусть! Какая скорбь!
Какая, боги, непреложность.

Чувствию обидну предаваться
И рабою быть тиранских уз,
Что возможет с горем сим сравняться?
Жизнь, не жизнь; а смерть такой союз,
Коль того не терпишь, что ласкаешь,
Любишь же того, что удаляешь.

Явление 7

Театр переменяется и представляет огромный и великолепной шатер, со всех сторон подобранный, под которым трон украшен военными знаками. Вдали вид обширной долины, занятой персидским, в строю стоящим, войском. Ксеркс, за ним Севаст сопровождаемый сатрапами, стражею, народом, потом Фемистокл, а, наконец и Лизимах с греками.

Ксеркс

Так подлинно со мной, Севаст,
Аспазия в брак вступить не хочет?

Севаст

Красавицы, о, государь,
Сперва всегда как бы несклонны.
Аспазия страстна тобой,
Но, может быть, открыть стыдится,
Веленья отча ожидав.

Ксеркс

Получим же его!

Севаст

Приблизьтесь,
Изгнанник знаменитый грек,
И ты, посланник афинейский.

Ксеркс

Да зрят здесь вышней власти знак.

Один из сатрапов на золотом блюде приносит жезл начальства или скипетр царский, с которым становится перед троном. Ксеркс, поддерживаемый Севастом, всходит на оный, окруженный царедворцами, Лизимах, приближаясь, не слышимый царем, говорит Фемистоклу

Лизимах

Се должность, друг мой, сколь жестоку
Возложили боги на меня!
Какой мне стыд!

Фемистокл
(так же тихо)

Несправедливо.
Различен с гражданином друг.
Отчество наш бог, мы в жертву
Ему всё должны приносить.
В твоём я месте тож бы сделал.

Ксеркс

Приблизься, Фемистокл! Се здесь
Полки мои зришь лучших воинов;
Неустрашимый, бранный строй!
Вождя себе он ожидает,
Который к славе б его вел.
Тебя жезлом сим избираю
(касается скипетром Фемистокла),
Будь мной: суди, казни, щади,
Определяй, давай награды,
Сражайся, побеждай, греми,
В руках твоих честь Ксеркса, слава
И всех его держав судьба.

Лизимах (про себя)

Уж не смеется ль царь надо мною?
С Аспазией смирился ль он?

Фемистокл

Быв избранным, монарх, тобою,
Надеюсь только на тебя!
И сан великий сей приемля,
Я в верности тебе клянусь!
Да повелят лишь Боги счастью
Со мною совокупным быть;
Но хоть и бедством бы грозили
Каким мне страшным звезды злы,
Будь Фемистокл один их метой!
Полки ж твои да победят,

И в лаврах, а не в кипарисах
Увенчанны да придут вспять,
Меня привезши бездыханна
Под кликами твоих торжеств!

Лизимах
(*Ксерксу*)

Как, Ксеркс, мне отдал Фемистокла?

Ксеркс
(*Лизимаху*)

Так, возвратить клялся его
Я Греции. Я слово удержал.

(*Фемистоклу*)

Внемли, непобедимый вождь!
Приспело время наказания,
Чтоб буйной гордости отмстить.
Другой Египт смирить вождь может,
Ты ж в Грецию теперь иди,
И на нее мой гнев повергни,
Мечом, огнем опустошай
Кипр, Агр, Афины, куй в железы.

Фемистокл
(*про себя*)

Погиб!

Лизимах

Засим ты звал меня?

Ксеркс

Иди и возвести Афинам
Сию новизну и скажи,
Каков и кем препровожаем
Изгнанник их явится к ним.

Лизимах
Отечество мое несчастно!
Неверная Аспазья, ах! (*Уходит*).

Явление 8

Фемистокл, Ксеркс, Севаст.

Фемистокл
(*про себя в задумчивости*)

Я стал изменник!
Ксеркс
Вождь! Что мыслишь?

Фемистокл

Мысль перемени, о, государь!
Еще осталось много света,
Которой покорить тебе.

Ксеркс

Про дерзость, не унизя греков,
Мне скипетр вселенной всей не льстит.

Фемистокл

Но рассуди.

Ксеркс

Уж я решился.
Противоречье лишь гневит.

Фемистокл

Так избери вождя другого.

Ксеркс

На что?

Фемистокл

Слагаю данну власть
Тобой над войском мне персидским

(кладет жезл пред троном).

Ксеркс

Как?

Фемистокл

Ты хочешь, чтоб я был
Отечественных стен рушитель?
Нет, слаба тут мощь зол моих!

Севаст
(про себя)

Какая смелость!

Ксеркс
Отечество

Твое уж не в Афинах, здесь;
Там изгоняют, здесь приемлют,
Там губят, здесь защищают.

Фемистокл

Как хочет кто — я афинянин.
Отечество свое любить
Закон, врожденный всем природой,
И звери любят свой берлог.

Ксеркс
(про себя)

Пылаю гневом. *(В слух)*. Всё Афины
Еще на сердце у тебя?
Но что ж ты в них толико любишь?

Фемистокл

Всё, государь! Богов, закон,
Язык, обычай, предков гробы,
Труды и подвиги за них
И снисканну мою в них славу,
Вид воздуха, земли и вод,
Мил лес мне, даже и пустыни.

Ксеркс
(сходя с трона)

Неблагодарный! И пред мной
Столь смеешь гордо величаться
Назло усердьем мне твоим.

Фемистокл

Но я...

Ксеркс

Мой враг! И я, ах, тщетно
Тебя благотвореньем мнил!

Фемистокл

Неистребимыми чертами
Напечатленны все они
На сердце здесь; но к пораженью
Назначь других мне супостат.
Всю кровь мою пролью охотно;
Но коль досаду мнишь мою
На гибель обратить афинян,
Ты ошибаешься в том, Ксеркс:
Умру за отечество с восторгом!

Ксеркс

Молчи, подумай и скажи:
Не можно вдруг быть другом Ксеркса
И защитителем Афин?
Любое избирай!

Фемистокл

Уж выбор

Тебе известен мой!

Ксеркс

Так знай:
Сейчас могу решить твой жребий.

Фемистокл

Я знаю.

Ксеркс

Ты гневишь того,
Кто может сделать злополучным.

Фемистокл

Но не предателем!

Ксеркс

Своей
Ты самой жизнью мне обязан.

Фемистокл

Не честью.

Ксеркс

Греция тебя
Не любит.

Фемистокл

Да я ее люблю.

Ксеркс
(в сторону тихо)

О, боги! Срам мне, стыд какой!
Такого ль ждал я воздаянья?

Фемистокл

В Афинах я рожден.

Ксеркс
(про себя)

Нет сил
Переносить толь злой насмешки...

(Вслух)

Возьмите прочь от глаз моих
Неблагодарного, и к казни!
Его стрегите, да узрим,
Как дух сей твердый вострепещет.

Фемистокл

Там страха нет, где нет вины.
И средь оков могу страданья
Спокойное чело иметь,
Вина моя, не наказание
Заставила б меня бледнеть.
Преступник я? Казнят пусть гласно,
Но если без вины винят,
От осуждения столь прекрасна
Горжусь и умирать. *(Уходит)*.

Явление 9

Ксеркс, Севаст, Роксана и потом Аспазия.

Роксана

Ксеркс! Верить ли мне?

Ксеркс

Ах, царица!
Возмог ли бы подумать кто,
Чтоб при дворе и всенародно

Ругать Фемистокл мне стал?
Афины б, обожав, гордился,
И ради б их дары мои
Все дерзко пренебрёг.

Роксана
(про себя)

Надеюсь. (Вслух).
Дочь не могла ль отца склонить?

Ксеркс

Отец и дочь мне супостаты.
Ненависть к персам в их крови.
Отмщу.

Роксана

Счастлива, что немного
Роксан зришь верностью сердец.

Ксеркс

Я вижу и уже начинаю
Стыдиться сам себя.

Роксана

Боюсь,
Аспазья как придет.

Ксеркс

Не смеет.

Аспазия

(приходит)

Великодушный государь!

Роксана

Се здесь! *(Вполголоса)*. Смотри же, не смягчайся.

Ксеркс
(тоже вполголоса).

Но выслушаем, что пришла.

Аспазия

Помилуй, Ксеркс, умилосердись
Ты над родителем моим,
Для нежных чувств твоих сердечных

И для текущих слез моих
Отдай ему его свободу.

Ксеркс
(про себя)

Какая милая печаль!

Аспазия
(про себя)

Боюсь сурового ответа.

Ксеркс

И ты пришла ко мне просить
О милости, сама как больше
Мной всех не дорожишь?

Аспазия

Ах, нет!
Обманываешься, лишь робость
Моя тебе была отказ;
Но коль родителю дашь волю
Стыдливости моей покров
То будет, и мной ты обладай!

Роксана

(про себя)

Дрожу!

Ксеркс

Могу ли я щадить
Мне недруга неблагодарна?

Аспазия

Нет, меньше я сего прошу.
Лишь только воздержись от гнева.
Быть может, что склонить могу
Тебе его к повиновенью. *(Ксеркс отвращается)*.
Но ты не внемлешь, ах, меня.
О, боги! иль я на свет родилась
Ко злополучиям одним!
Но кто же отходил поныне
От Ксеркса безутешным где?
О, нет, того как не случилось
Так, и не может быть ни с кем.
Чужда тебе твоя суровость,
И тщетно хочешь утаить
Тебе врожденно милосердье.
Притворно гневаешься ты.
По истине ты сердоболен,
Так уступи же, государь!
Сердечну чувству исклонися
На жалостный к тебе мой вопль!
Не постыди мою надежду,
Иль купно со отцом моим

Нас издыхающих увидишь.

(упадает к нему в ноги).

Ксеркс
(поднимая)

Возстань! *(Про себя)*. Какое волшебство! *(Вслух)*.
Подвигнь его к повиновенью
И всё прощу.
Скажи, что суд отдаст мой священный
Жребий избранью его;
Скажи, что гром вознесенный
Я удержал, но не покинул;
Скажи, что достоин сего
Быв внимания, чтоб не отринул;
Что гнев, коль удержан бывает,
Сильнее после поражает.

Явление 10

Аспазия, Роксана и Севаст

Роксана
(про себя)

Мертвею я!

Аспазия

Прости, любезная Роксана,
Что долг меня принудил мой.

Роксана

Прочь гордая раба, сокройся!
Ты победила, признаюсь,
Я вижу то и уступаю.
Чего еще? Да торжествуй,
Ругайся надо мной, свирепствуй!
Довольно уж сносила я.

Аспазия

Гнев я твой сношу спокойно;
Жалев о горести твоей,
Что ты не можешь зреть свободно
В сердце всей тоски твоей;
Не зная же моего мученья,
И как велика скорбь моя
Не знаешь ты, что сожаленья
Иль зависти достойна я! (*Уходит*).

Явление II

Роксана и Севаст

Севаст
(*про себя*)

Воспользуемся раздраженьем.

Роксана

Ах, Севаст! Когдаб как отомстить

Могла я Ксерксу!

Севаст

Не мудрено,
Коль только с преданными мне
Друзья твои совокупятся,
Отмстишь, и трон у нас в руках.

Роксана

Кого ж мне в помощь предлагаешь?

Севаст

Те многочисленны полки,
Бунтуют кои во Египте.
Они зависят от меня.
Оронт начальствует над ними,
Моим веленьем предводя.
Прочти его ко мне посланье

(отдает письмо).

Роксана

Поди в чертог ко мне, мой друг,
И подожди там, скоро буду —
О сем вещать опасно здесь.

Севаст

Ласкаться ли наград мне после?

Роксана

Признательна я буду, верь.
Иди явить твоё усердие.
Я знаю, любишь ты меня.

Севаст
(про себя)

Счастливо, наконец, мгновенье
Теперь я вижу поймал. *(Уходит)*.

Явление 12

Роксана
(одна)

И станет духа у Роксаны
Кого люблю чтоб погубить?
Но для чего же, коль слишком грубо
Презреть меня неверный смел?
Снеси ж, коль так, сам казнь ты люту
За оскорбление мое.
Без жалости хочу я видеть
Тебя пронзенна тьмой мечей;
Хочу последний вздох твой слышать.
Но что, о, боги, злобой льщусь,

Коль вся душа моя трепещет!
Сердце против неверности злится,
Безумствуя, ропщет, грозит —
То к гневу, то к любви стремится
И новою страстью горит.
Изменника алчет поспешно,
Строго карать средство ищет к тому,
Но месть ненавидит сердечно,
К ней зрит хоть возможностей тьму.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет темницу, в которой заключен Фемистокл

Явление 1

Фемистокл один, потом Севаст

Фемистокл

Отечество! О, имя мне
Столь важно, сладостно, Афины!
Легко мне было для тебя
Сносить труды, лить токи крови
И ненависть твою любить.
Без ропота бродя, скитаясь
С страны в страну, терпеть беды.
Но днесь тебе пребыть чтоб верным,
Неблагодарным должно быть!
Кому ж? Столь дорогому монарху,
Что был мною оскорблен, могуч,
И прошлые забыв обиды,
В объятия приняв свои,
Мне вверил честь свою и славу.
Итак, прости родимый край!
Но, ах, забыть тебя нет силы.
Ты был и будешь навсегда

Моим единственным предметом,
Всех богом чувств моих и дум,
Хотя и много ты мне стоишь.

Севаст

Я Ксерксом послан: хочет он,
Чтоб избирал ты неотложно
Раскаяние или смерть.
О слепоте твоей жалея,
Надеждой льстяся, говорит,
Что он вообразить не может,
Зачем ты сделался ему
Так Фемистокл неблагодарным.

Фемистокл

Ах, нет! Отнюдь я не таков,
То знают сердцеведцы боги,
О! Если б также, как они,
Возмог и царь мне в грудь провидеть!
Но отведи меня к нему.

Севаст

Нельзя, воспрещено. Скорее,
Иль к жертвеннику ты иди
В вражде поклясться к Греции вечной,
Иль не увидишь уж его.

Фемистокл

Иль благодетеля к свиданью
Нет средств ничем другим склонить?

Севаст

Нет. Клясться тебе только должно,
И будешь возлюблен царем!
Но ты упорен; я ж и вспомнить
Страшусь об участи твоей:
Ксеркс в сих неумолим событиях.

Фемистокл

Итак, изменником мне быть?
Несть неблагодарности пятно?
Но невозможно ль сделать так,
Чтоб и пред светом оправдаться,
И смертью мне соблюсть мой долг? *(Задумывается).*

Севаст

Решишь.

Фемистокл
(про себя)

Шагнем из лабиринта.
О, будь достоин путь меня! *(Вслух Севасту).*
Иди да жертвенник готовят

С священным излияньем чаш,
И все потребное к присяге.
Я избрал подвиг и приду!

Севаст

С восторгом я лечу к монарху.

Фемистокл

Но слышь: уж отплыл Лизимах?

Севаст

Сейчас лишь паруса подъемлет.

Фемистокл

Да поудержится. Хочу
И он что б подвига был зритель.
Се мне испроси, Севаст.

Севаст

Присутствовать, конечно, будет,
И будешь Ксерксом ты владеть.

Явление 2

Фемистокл
(один)

Светлый закат мой будет жизни,
И гаснь, светильник гаснет как.
Но что, ко мне подходят стражи,
Аспазия, Неокл, – знать, смерть?
Весть хорошую предускорим
Да избежим же и от злой.
Томительное ожиданье
И самой смерти жесточей.
Не предпочтивший славу жизни
По правде не достоин жить.
Жизнь всех рожденных принадлежность,
А слава – лишь великих душ.
Подлец пускай боится смерти,
Родится в мраке и живет
Безвестным он истлеет в гробе;
Но тот бестрепетно умрет,
Жизнь не краснев свою кто вспомнит!

Явление 3

Неокл, Аспазия и Фемистокл

Неокл

Любезнейший!

Аспазия

Благой отец!

Неокл

Правдиво ль быть чтоб благодарным,
Ты остаешься жить?

Аспазия

И что
Ты сжалился уже над нами
И купно над собой самим?

Фемистокл

Умолкните и мне внимайте:
Ваш долг знать, каково на вас
Повиновенье налагает
Отцовска воля!

Неокл

Узел сей
Мы за священный чтим в природе.

Аспазия

За ненарушимый закон.

Фемистокл

Блюдайте ж то в глубокой тайне,
Что вам скажу, пока мое
Намерение не созреет.

Неокл

Обет тебе дает Неокл.

Аспазия

Аспазия тебе клянется.

Фемистокл

Садитесь и внимайте мне: *(сажаются)*

Днесь крайний опыт и великий
Мне нужен мужества от вас.

Неокл

Я трепещу!

Аспазия

Я леденею!

Фемистокл

В последний, дети, с вами я
Теперь беседую любезны.
Я ради славы только жил;
Но днесь весь плод ее утрачу,
Когда еще останусь жить:
Мне должно умереть.

Неокл

Что слышу?

Аспазия

Что говоришь ты?

Фемистокл

Точно так.
Коль Ксеркс мой есть благотворитель,
Афины ж отчество мое,
И благодарностью коль должен
Я одному из них, а тем
Душевной верностью моею;
Но как они с тобой в вражде,
То на кого б я ни восстал,
Пред целым светом был бы я
Неблагодарен иль предатель!

А смертью сих моей могу
Избечь я двух имен ужасных.
Мне нужен яд. И он со мной.

Аспазия

Но обещал идти ты к Ксерксу.

Фемистокл

Что б подвиг мой пред ним свершить.

Неокл

Севаст сказал, придешь ты клясться.

Фемистокл

Я знаю, что он мыслит так.
Его мне нужно заблуждение,
Чтоб сам меня услышал Ксеркс
И Персия была б мне зритель,
Весь свет свидетель и судья.
Есть чувства те, хранил я кои
В душе для Ксеркса и Афин.

Неокл

(про себя)

Погибли мы.

Аспазия
(*тоже тихо*)

Увы! Нам горе!

Фемистокл

Ах, как же, дети, слабы вы!
Ваш долг печаль скрыть малодушно
И не заставить покраснеть
Отца при смерти перед вами.
Тогда бы нужно плакать вам,
Коль с жизнью я не мог расстаться.

Аспазия

Что ж будет с нами, как умрешь?

Неокл

Ты на кого нас оставляешь?

Фемистокл

Пусть небо и надежда вам

И к доблести любовь, и к славе,
И мой пример пребудет вождь!

Аспазия

Ах, отче!

Фемистокл

Докончить дайте.
Вы остаетесь одни
Среди врагов, в чужом народе,
Без нужных жизненных подпор,
Неопытны во приключениях.
То и предвижу я, что вам
Несть оскорблений много должно;
Но, вспомня, дети что мои,
Пребудьте ими – и довольно.
Предмет всегдашних ваших дум
Да будет отчество и слава
И должность лишь едина та,
К которой призовут вас боги!
Все состоянья, всякий сан
Быть знамениты в свете могут,
Коль дар душа изящный свой
Явит хоть в куще, хоть на троне!
Не изгибайтесь под порок.
Несносно зло не век несносно;
Терпенье побеждает все,
Для славы только подвизайтесь!
Не казни бойтесь, а вины.
Но в недостойный коль поступок
Вы повлечетесь судьбой,
Есть путь уйти не озираясь.

Я показую вам его.

Неокл

Ах, не покинь, благой родитель!

Аспазия

Возможно ль нам не зреть тебя?

(Расстаются).

Фемистокл

Но прекратим прощанье наше.
Расстанья мил и горек шаг.
Ах, чада, тяжело мне, любезны,
Я сил лишаюсь – я отец,
Я чувствую, простите, дети.

(Обнимает).

Удержите слезы токи,
Я отнюдь не йду на смерть;
Рок иду попрасть жестокий
Торжествуя его стерть.
Подвигом иду я новым
Плод трудов моих пожать
И чело венцем лавровым
При остатке дней венчать.

Явление 4

Аспазия и Неокл

Аспазия

Неокл! Кого лишились мы.

Неокл

Аспазия! Что случилось с нами?

Аспазия

Где мы?

Неокл

Какой сразил нас гром!

Аспазия

Что мы, несчастные, предпримем?

Неокл

Величия достойно нам
Великого отца явиться:
Пойдем за ним вослед скорей

Смотреть бесстрашно на победу
Его последню над собой.
Душ наших мужественна бодрость
Его в час смертный усладит!

Аспазия

Пойдем. И я иду с тобою.
Но гнутся ноги, не могу. *(Садится)*.

Неокл

О, как ты зришься, малодушна!

Аспазия

О, как ты твердым быть столь мог!

Неокл

Но коль и сил бы недостало,
Вдохнул бы их мне Фемистокл.
Чела, очей его сиянье
И самой смерти мгла не тмит,
Но паче доблести влиянье
Неустрасимым быть велит.
Родительская тверда воля
Да будет мне закон во всём,
Какая б ни встречалась доля,

Я не смотрю, иду по нём. (*Уходит*).

Явление 5

Аспазия
(*одна*)

Меня ли тверже брат мой будет?
С ним не одналь в нас кровь течет?
Пойдем, долг отдадим последний;
Уснет пусть на моих руках;
Дочь сирая да облобзает
Оледенелый труп отца,
Чело недвижно, побледневше,
Угасшие закроет очи.
Но как сей образ снести мне страшный?
Волнует в жилах огонь и хлад!
Спешу, колеблюсь, медлю, мчуся,
Долг побуждает, держит страх,
Слезам льюсь, отца лишаясь
И ни на что, ах, не решусь.
Здесь остаться мне? Бесчестно;
А идти мне? Нету сил.
Сколь соседство несовместно,
Страх где с бодростию жил!
Разлучите ж скорей, боги,
Плоть мою с душой моей,
Вы довольно были строги
Мне в течение моих дней.

Явление 6

Ксеркс и потом Роксана с письмом

Ксеркс

Где вождь мой Фемистокл девался?
Что от объятья он царя
Любящего его уходит?

Роксана

А я все за тобою, Ксеркс.

Ксеркс
(про себя)

Какая скука!

Роксана

Слышь, в последний!

Ксеркс

О, знаю я, Роксана, что
Что ты раздраженна и отмщеньем
Твоим мне хочешь угрожать.

Роксана

Так, льстить тебе хочу я точно,
Чрезмерно оскорбленной быв;

Но мщенье в чем мое, послушай.
В опасности твой трон и жизнь. (*Отдает письмо*).

Прочти в письме сем зломышление,
Предспей, остерегись, прости.

(*Хочет уйти*).

Ксеркс

Постой, любезная царевна,
И за толикий дар позволь...

Роксана

Довольно мне, я отомстила.
Приятно то отмщенье
Душе оскорбленной,
Коль платит озлобление
Добротой священной.
Сердце блаженным тут зрится,
Ежели с сердцем смирится,
Кем огорченно было,
Мученье сносило. (*Уходит*).

Явление 7

Ксеркс, потом Севаст

Ксеркс

Севаст писал к Оронту что?

Посмотрим (*читает*). О, враждебны звезды!
Измена всех мрачней измен!
Севаст бунт тайны во Египте
Возжег и сам служа при мне,
Притворствуя, усердье кажет!

(*Увидев вошедшего Севаста, про себя*).

Но вот и он. Как смел столь злой
Предатель предо мной явиться?

Севаст

Ксеркс, милости твоей прошу
За подвиги мои и верность.

Ксеркс
(*притворно*)

Так много заслужил Севаст
И уповать всего он может.
Скажи, чего желаешь ты?

Севаст

Брань Фемистокл несет в Афины,
Вождя еще в Египте нет:
Мне вверь туда полки идущи.

Ксеркс

Ты хочешь только лишь сего?

Севаст

На деле, государь, довлеет
Мою мне верность доказать!

Ксеркс

Премного дел твоих! Достоинно
Желаешь и сего. Скажи ж
Всё мне, что знаешь о Египте.

Севаст

Леса, моря, рек, гор пути,
И даже счесть могу там камни.

Ксеркс

В том нужды нет. Зачинщик кто?

Севаст

Оронт.

Ксеркс
(отдает ему письмо)

Но есть, мню, и другие.
Тут имена увидишь всех:
Но нет ли в них тебе знакомых?

Севаст
(взглянув на письмо свое, про себя)

Но чрез кого узнал их Ксеркс?
Погиб! (*Дрожит*).

Ксеркс

Что сделалось с тобою?
Смутился, побледнел, молчишь?
Но не дрожи, раб подлый и неверный!
Поздний теперь уж страх твой весь:
Плел когда твой ков надменный,
Тогда бы трепетать небес;
Но их премудры суть уставы,
Что вероломец бед не ждет,
На свой надеясь ум лукавый,
Покуда к казни не придет. (*Уходит*).

Явление 8

Севаст
(один)

Ты предала меня, Роксана,
И столь безбожно. Но глупец
Её почто я обвиняю?
Изменнику ль измену клясть?
Боги, Севаст, казнь ты заслужил.
Где, где мне скрыться от себя?
Палач во мне живет, скрежещет.
Куда нейду, и он за мной,
Страсть, ужас спутствуют со мною,
И на лице моем
Изображенно преступленье.
Совести страшны грызенья
Чада злодействий моих,
Что, небо, внутренни жженья
Казней и гроз мне твоих?
Поздно днесь слышу я пени
Мой умерщвляющи дух.
Что прежде остережений
Ваши щадили мой слух.

Явление 9

Театр переменяется и представляет царский дворец, посреди ротонду, в ней на возвышении пламенеющий алтарь, на коем видна жертвенная чаша.

Ксеркс, Севаст, Неокл, сатрапы, телохранители и народ

Ксеркс

Почто ты так, Неокл, уныл?
Почто и ты, Аспазья, плачешь?
Крушатся дети, как отец
Их в верности идет ко мне клясться.
Вам дружба и любовь моя

Быть искренней напастью мнятся.

Неокл и Аспазия
(вдруг)

О, боги!

Ксеркс

Что ж безответны вы?

Явление 10
Те же, Роксана, Лизимах и греки

Роксана

Зачем, о, государь, нас призывал?

Лизимах

Что хочешь, Ксеркс?

Ксеркс

Хочу, чтоб вы
Свидетельми моими были.

Лизимах

Но в чем? В ругательстве Афин?

Аспазия

Обиды новы чтоб терпели?

Лизимах

Аспазьи льстивой мне обман
И жесточайше вероломство?

Аспазия

О, нет, жестокой Лизимах,
Не мучь меня ты так безвинно;
Я та же, что была. И как
Язвить мою в страданье душу?

Ксеркс

Знать, друг вы в друга влюблены?

Аспазия

Что ты сказал, таить уж тщетно.

Ксеркс

Но руку отдаешь ты мне.

Аспазия

Жизнь отча требует сей жертвы!

Ксеркс

Ты ищешь гибели его!

Лизимах

Вспять Афины.

Ксеркс
(про себя)

О, величье!

Роксана

Идет к тебе афинский вождь.

Неокл
(про себя)

О, если б мне быть так бесстрашным.

Аспазия
(так же тихо).

Как сердце бедное дрожит!

Явление 11

Те же и Фемистокл, а Севаст под присмотром

Ксеркс

Итак, ты Фемистокл, решился
Быть другом, наконец, моим?
Приди, да царь тебя обнимет *(хочет обнять)*.

Фемистокл
(удаляясь с почтением).

Постой!

Ксеркс

Зачем?

Фемистокл

Не смею я,
Да прежде учинюсь достойным.

Ксеркс

Священна чаша предстоит,
На жертвеннике уж готова,
Желанну мне присягу дай
И бедства греков да начнутся.

Фемистокл

Изыдь из заблужденья, Ксеркс;
Я слово дал прийти, не клясться!

Ксеркс

Но ты...

Фемистокл

Внемли, о, государь!
И вы, стоящи с Лизимахом,
Все купно Фемистокла речь:
Рок неприязненный доводит
Меня неблагодарным быть
Или предателем отчизны.
Из зол сих выберу ль одно?
Нет! Смерть от них спасти лишь может.

Жизнь наша есть небесный дар,
И состоит он в нашей воле;
Путь мною избранный есть – гроб.

Лизимах
(*про себя*)

Что слышу!

Ксеркс
(*тоже*)

О, превечны боги!

Фемистокл
(*вынимая из-за пазухи яд*)

Вот в ссылке верный спутник мой.
Он в чаше все свершит священной!
О, божества всех дум моих!
Ты верность сердца, благодарность
В сей вольной жертве будьте мне
Везде вы соприсутны славой.

Аспазия
(*про себя*)

Кончаюсь.

Ксеркс
(также)

В изумление я!

Фемистокл

Уверь о, Лизимах, Афины,
Мой друг, ты в верности моей
И испроси благоволение
Их к праху моему; а я
Прощаю их в моем изгнание
И в бедствах, кои снес от них,
Коль там моя гробница будет,
Где прежде колыбель была.
А ты, царь, не раскаивайся
В благодеяниях твоих.
Ты воздан будешь удивленьем
За них потомства. Я же как
Уж отслужить другим бессилён,
То долг мой молча чтить тебя
И умирать. О, рок жестокий!
Но милосердны боги! Коль
Мольбы невинности последни
Идут до вас, услышьте их,
И сохраняючи Афины,
Под кров примите свой сего
Царя и все его вы царства,
Под скипетром кои суть его.
Да, к грекам Ксеркс склоняюсь душою,
Им будет друг, и гнев его
На них с моей да пройдет смертью.
Царь, дети, друг, народ, прости!

(Подносит чашу к устам).
Ксеркс

Что делаешь? Остановися,
Да чаша не коснется уст.

Фемистокл

А что ж?

Ксеркс
(отнимает чашу)

Мне съесть сего не можно.

Фемистокл

Зачем?

Ксеркс

Причины многи суть,
Их изречь вдруг не умею.

Фемистокл

Нельзя смерть у меня отнять;

Царей она не под начальством.

Ксеркс
(бросая чашу)

Живи, великий муж, честь дней
Моих, и вечно прославление!
Люби отечество, и я
С тобою в том согласен!
И можно ль ненавидеть край
Тот счастливый, в свет где произошел
Такой великий муж, как ты?

Фемистокл

Могла ль, о, боги, столь высоко
Моя надежда воспарить?

Ксеркс

Внемли, и позавидуй власти
Моей тебе соревновать:
На том же алтаре, где клясться
Противты греков должен был,
Клянусь днесь сам им в вечном мире;
Да будут, верный гражданин,
Великодушный их изгнанник,
Обязаны они тебе
Единственно своим спокойствием!

Фемистокл

Какое ты, изящный царь,
Обрел торжество искусство!
Столь смертный мог ли быть велик?
О, сколько греки и Афины
Вы счастливы, меня изгнав.

Аспазия

О, радостный!

Неокл

О, день желанный!

Лизимах

Позвольте же и мне лететь
Дать Греции весть о состязанье
Толь величайших душ. Она
Признательной, конечно, будет
И миродавцу, и тебе,
Великий за нее ходатай.

Севаст

(бросаясь к ногам Ксеркса)

За преступленье мне изречь
Прошу, Ксеркс, казнь, жизнь бремя.

Ксеркс

Восстань, Севаст! Я днесь хочу
Дышать лишь радостью единой:
Прощен ты мной. Даю любви
Свободу и тебе, Аспазья,
Как должну мзду. Тебе ж мою
За верность мне, Роксана, руку.

Аспазия

Ах, Лизимах!

Роксана

Ах, Ксеркс! Ты мой!

Фемистокл

Благоприятные боги!
Даруйте средство изъяснить
Мою вы Ксерксу благодарность!

Ксеркс

Молю и я их блюсть тебя:
Что в доблесть ты меня влюбивши,
Дал больше мне, чем мной приял!

Хор

Два светильника светлея
Как льют, соединяся, свет:
Так добродетель сильнее
Соревнованием живет.

Героические песни

1.

«Дети Геркулеса! Спешите, держа в одной руке меч, в другой пламя, спешите сойтись вместе; докажите, что племя Эллинов еще существует! Постройтесь в ряды и с суровым взором пройдите стройно твердою стопою – шум и пыль от ваших шагов могут обратить турок в бегство... Идриоты, Специоты и братья Ипсариоты (1), да не покажется ни один турок на вашем Архипелаге! Если кто из турок осмелится там показаться, пусть будет ввержен в бездну морскую».

2.

«Раз светлый фосфор ночи освещал шатры греков. Близ них, держа копье, пел молодой Пелопид (2). – Приятные зефиры, скажите моей милой Греции: – для славы твоей, родина, брожу я здесь на поле битвы, смотрю на блеск неприятельских костров и умолкаю от душевного волнения. Ночь – год. Грек, полный жизни, поет, облокотившись на копье: – для славы твоей, родина, брожу я здесь, на поле битвы, смотрю на блеск неприятельских костров и умолкаю от душевного волнения. Солнце благоприятно битве. Завтра день храбрости. Если умру я у своего копья за свободу, за родину – опять полетите, приятные зефиры, и скажите милой Элладе: – для славы твоей, родина, для славы твоей я умер на поле битвы...»

3.

«Есть добродетель – любить отечество, родившее великого мужа Фемистокла, которому удивлялся весь мир, север и юг. Будем подражать ему в добродетели и мужестве, славном и похвальном.

Поспеши к нам, Фемистокл, ты увидишь, как в войске нашем празднуют Музы, как некогда праздновали они на Парнасе. Они на веселых праздниках прославляют отечественное мужество и твои доблести. Да здравствуют дети Эллады! – этого желает все наше поколение, этого желает и тень Фемистокла».

4.

«За поясом меч мой, конь подо мною, – чего же мне больше желать! Выстрелив из ружья, я не забочусь, что готовит мне судьба. Захоти она, чтоб в этот миг пуля убила меня, – я не буду пенять на нее. Что завтра? – тоже мне нужды мало, и тем я буду доволен. Когда настанут труды боевые, загремят пушки, – я пою себе беззаботно. Крепясь, проживу препятствия мира, и самый мир есть мой, и я его. На мягкой ли постели или мчась на скакуне по полю битвы, я всегда смеюсь. Не плачь, милая красавица, сердце мое и там, за горами, не будет не занято: там, где лежит путь мой, всегда и везде я найду любящих красавиц. Слышу, труба сзывает нас: – меч мой рвется из ножен. Конь мой, вперед! Когда пули посыпятся дождем и кровь польется рекою, кто меня удержит? Тогда, как засвищет пуля, назначенная мне, – я, смеясь, встречу ее и, как жил весело, весело и умру.»

5.

«Кривой мой, острый мой меч, ружье, пламенный друг мой. Вы турок поражали, вы злодеев уничтожали для освобождения родины...

Да здравствует мой меч!

Меч мой, когда ты звучишь, когда гремишь ты, доброе ружье мое, когда валяются турецкие трупы и турки завопят *Аллах*, – вот моя музыка!

Да здравствует мой меч!

В тот час, как на небе сверкает молния, грохочут громы, льет ливнем дождь, ревет буря, я хожу по стремнинам, я взбираюсь на горы для восстановления отечества.

Да здравствует мой меч!

За свободу родины, за веру Христа я сражаюсь и дышу этими священными чувствами. И если не достигну этого – что мне в жизни! – час настал! Труба гремит: я от радости прыгаю, кровь во мне кипит.

Паф-паф, дзинь-дзинь начинают слышаться, а я турок бью.

Да здравствует мой меч!»

Примечания к «Героическим песням» Ригаса Фереоса

1. Идриоты, Специоты и Ипсариоты – жители греческих островов Идра, Спеце и Псара, прославившиеся своей борьбой за свободу Греции.

2. Пелопид – фиванский полководец времен Беотийской войны (378–362 до Р. Х.).

Гимн свободе

Дионисиос Соломос

Я узнаю твой меч чудесный
В сиянье греческих побед.
Я узнаю твой взор небесный,
Объемлющий весь белый свет.
О, вышедшая из-под свода
Святых отеческих гробов,
Ликуй, отважная свобода —
Эллады верная любовь.

Примечания

Геродот

Геродот Галикарнасский (484–425 до Р. Х.) – великий древнегреческий историк. Родился в городе Галикарнасе, который был основан дорийцами в Карии на средиземноморском побережье Малой Азии. Его отец Ликс происходил из карийского аристократического рода. Дядя будущего историка Паниасид был знаменитым эпическим поэтом, которого современники ставили на второе место после Гомера.

В молодости Геродот принял участие в политической борьбе против персидского тирана Лигдамида II, правившего Галикарнасом. Восстание горожан, выступивших на стороне Афинского морского союза, оказалось неудачным. Лигдамид II казнил заговорщиков, в том числе и Паниасида. Геродот был вынужден бежать на процветающий остров Самос, который впоследствии с благодарностью называл «наиболее выдающимся из греческих и варварских государств».

В дальнейшем Геродот предпринял длительные путешествия от Ливии до Вавилона. В Египте он поднялся вверх по Нилу до острова Элефантины. В ассирийской пустыне осмотрел развалины крепостной стены Экбатан, которую сравнил по размерам с обводной стеной в Афинах. Исследовав Восток, любознательный галикарнассец отправился в Малую Азию, где побывал в долине Меандра, Сардах, Тевтрании, Илионе, на Лесбосе и Геллеспонте. Он достиг областей Северного Причерноморья, посетив милетскую колонию Ольвию, расположенную в устье Днепро-Бутско-го лимана. Свои странствия Геродот завершил на островах Эгейского моря и на Балканском полуострове, где познакомился с жизнью греческих полисов.

После десятилетнего путешествия Геродот поселился в Афинах. Здесь представил публике некоторые результаты своих исследований – обширные отрывки из знаменитого труда «История», за который получил награду. По призыву Перикла, главы Афинской республики, Геродот вместе с философом Протагором и архитектором Гипподамом отправился в южную Италию, где основал афинскую колонию Фурию.

Геродот скончался в 425 году от Р. Х. На могиле «отца истории» благодарные эллины начертали эпитафию:

Гроб сей останки сокрыл Геродота, Ликсова сына.
Лучший историк из всех, кто по-ионийски писал,
Вырос в отчизне дорийской, но, чтоб избежать поношенья,
Сделал Фурии он новой отчизной себе.

* * *

Одним из лучших переводчиков трудов Геродота в России был историк античности **Федор Герасимович Мищенко** (1847–1906). Он родился в купеческой семье в городе Прилуки Полтавской губернии. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Под влиянием идей революционера-демократа Н. Г. Чернышевского написал магистерскую диссертацию «Отношение трагедий Софокла к современной поэту действительной жизни в Афинах» (1874). Преподавал на кафедре греческой словесности Киевского университета, где защитил докторскую диссертацию «Опыт по истории рационализма в древней Греции» (1881).

Во время преподавания Мищенко был тесно связан с украинскими националистическими кругами. Выступая на различных запрещенных собраниях, он призывал украинофилов к созданию единой программы борьбы, полагая, что «любовь малороссиян по происхождению к своему родному, Украине, к ее языку, песням, музыке сама по себе не исключает безупречной лояльности относительно общерусского правительства». Однако подобные высказывания не обезопасили Мищенко: он был признан политически неблагонадежным и в 1884 году отстранен от преподавания на пять лет.

Находясь в вынужденной отставке, ученый обратился к великому античному наследию и перевел на русский язык труды выдающихся древнегреческих историков Геродота, Фукидида и Полибия, а также географа Страбона. При этом он снабдил эти переводы обширными

статьями исследовательского характера, имеющими самостоятельное значение.

В 1889 году Мищенко был утвержден ординарным профессором Казанского университета и стал редактором «Ученых записок» этого учебного заведения. В 1890 году его избрали членом Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, а спустя пять лет – членом-корреспондентом Императорской академии наук.

Федор Герасимович Мищенко скончался 28 октября 1906 года, завещав всю свою библиотеку по классической филологии Казанскому университету.

Текст перевода Ф. Г. Мищенко печатается по изданию: Геродот. История. 2-е издание А. Г. Кузнецова, Москва, 1888, том 2.

Эсхил

Эсхил (525–456 до Р. Х.) – великий древнегреческий поэт и драматург. Родился в аристократической семье в городе Элевсин, известном своими древними мистериями, учрежденными, по преданию, самой богиней Деметрой.

Жизнь Эсхила овеяна легендами. Однажды ему приснился бог виноделия Дионис, который велел отроку сотворить трагедию. Проснувшись, он создал первое произведение, которое и представил зрителям. Так начался творческий путь великого поэта.

В 490 году до Р. Х., в разгар греко-персидских войн, Эсхил был призван на военную службу. Он защищал Афины в битве при Марафоне, участвовал в морском сражении при Саламине и сухопутной схватке при Платеях.

Боевой опыт поэта подтолкнул его к созданию трагедии «Персы», написанной около 472 года до Р. Х. В основу своей пьесы он впервые положил не мифологический сюжет, а реальное историческое событие – морское сражение при Саламине, когда могучий флот персидского царя Ксеркса был разгромлен отважной греческой флотилией под руководством афинского полководца Фемистокла. Пьеса была частью тетралогии, в которую входили утраченные произведения «Главк», «Финей» и «Прометей – огневозжигатель», объединенные темой божественного возмездия.

Слава Эсхила как драматурга распространилась по всей Греции. Его перу принадлежало около 90 пьес, из которых полностью сохранились только шесть. Он стал создателем греческой, а значит и всемирной трагедии. По примеру историка Геродота, некогда нареченного «отцом истории», драматурга Эсхила поименовали «отцом трагедии».

Будучи избранным для участия в Элевсинских мистериях, Эсхил был посвящен в ритуалы священного культа Деметры, рассказывать о которых запрещалось под страхом смерти. Однако, по свидетельству Аристотеля, драматург показал некоторые элементы таинственных ритуалов в своих постановках. Зрители закидали автора камнями и отдали под суд, на котором тот признал вину. В конце концов, судьи оправдали Эсхила как заслуженного ветерана греко-персидских войн.

По словам древнегреческого комедиографа Аристофана, в последние годы жизни Эсхил «не ладил с афинянами», и потому был вынужден покинуть Афины и отправиться на остров Сицилию. Там он скончался в городе Геле в 456 году до Р. Х. По преданию, пролетавший над ним орел сбросил ему на голову камень, приняв сверкающую лысину Эсхила за большое яйцо. На гробнице великого драматурга начертали эпитафию, сочиненную им самим: «Под этим памятником погребен Эсхил, сын Евфориона, афинянин, умерший в обильной пшенице Геле; о крепости и силе его скажет славная роща Марафонская и густовласый перс – он знает его!».

* * *

В России первым переводчиком трагедии Эсхила «Персы» был **Борис Иванович Ордынский** (1823–1861) – профессор греческой и римской словесности, переводчик античной классики. Родился в семье тульского дворянина. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал классические языки в ярославской и московской гимназиях. Исполнял обязанности адъюнкта по латинской словесности при Казанском университете, где защитил магистерскую диссертацию «О поэзии Аристотеля».

Ордынский был талантливым популяризатором классической древности. В лучших российских журналах публиковал научно-популярные статьи на античные темы: «Греческие женщины», «Обеды

древних греков», «Обращение книг в древнем Риме», «О занятиях молодого афинянина» и другие. Там же помещал и свои переводы античной классики – от гомеровских песен до речей Демосфена. В 1856 году в журнале «Москвитянин», издаваемом историком М. П. Погодиным, напечатал первый русский перевод трагедии Эсхила «Персы». Оживленную полемику в прессе вызвала публикация 12 рапсодий из «Илиады» Гомера, переведенных простонародным языком. Видный российский критик М. Н. Катков отметил: «Действительно, для перевода гомерического эпоса нужно свежее, оживленное и сильное слово. Но это не значит, что ему следует быть простонародным».

Весной 1861 года молодой ученый был избран экстраординарным профессором на кафедру римской словесности Казанского университета. Одновременно получил приглашение на такую же кафедру Харьковского университета. Но приступить к исполнению обязанностей не успел. 30 мая 1861 года Борис Иванович Ордынский скончался в Москве на 38 году жизни.

Текст перевода Б. И. Ордынского трагедии Эсхила «Персы» печатается по изданию: журнал «Москвитянин», Москва, 1856, том 4, № 13–16.

Тимофей Милетский

Тимофей Милетский (ок. 450–360 до Р. Х.) – выдающийся древнегреческий поэт и кифаред. Родился в семье милетского гражданина Ферсандра. Много путешествовал по Элладе, побывал в Афинах, Спарте, Македонии и других местах. Участвовал в поэтических состязаниях, где выступал со своими номами – песнями в честь Аполлона. Был чрезвычайно плодовитым поэтом. Согласно византийскому словарю Свида, он являлся автором 19 номов, 35 вступлений к гимнам и многих хвалебных песен.

Тимофей Милетский считался поэтом-новатором. «Если бы мы не имели Тимофея, – говорил Аристотель, – то в нашей лирической поэзии был бы большой пробел». С похвалой отзывался о нем Платон, и даже суровые дорийцы признавали красоту его песен. Восторженные жители Эфеса заказали Тимофею написать гимн в честь Артемиды.

Однако удивительные новации поэта вызывали и резкие порицания. Выступая на Элевсинских мистериях, Тимофей дерзнул приладить к семиструнной кифаре еще четыре струны, и возмущенные спартанские цари приказали подвергнуть его изгнанию, чтобы «каждый, видя суровый порядок города, воздержался вносить в Спарту что-либо непотребное, дабы слава состязания не была поколеблена никогда». По свидетельству Плутарха, комедиограф Ферекрат высмеивал новаторское творчество Тимофея: «Он всех превзошел своими чудовищными диссонансами, от которых ползут мурашки, недопустимые ноты чрезмерной высоты и какие-то свистульки». На эти нападки поэт с вызовом отвечал: «Старых песен я не пою – мои молодые сильнее!».

От обширного творческого наследия Тимофея до нас дошел только большой отрывок нома «Персы», посвященный известному эпизоду греко-персидских войн – морскому сражению при острове Саламин между флотом персидского царя Ксеркса и греческой флотилией, возглавляемой Фемистоклом. Очевидно, этот ном производил такое сильное впечатление на современников, что они зачастую завещали положить папирус с текстом в могилу. Один из таких папирусов и был обнаружен при раскопках в Египте в 1902 году.

Тимофей Милетский дожил до глубокой старости и скончался в македонском городе Пеле во времена царствования Филиппа II – отца Александра Македонского. Благодарные греки начертали на его надгробном камне эпитафию: «Он на кифаре своей ловким возницею был».

* * *

Стихотворный перевод нома Тимофея Милетского «Персы» осуществил **Евгений Валентинович Лукин** – петербургский поэт, прозаик, историк, переводчик. Родился в 1956 году. Окончил исторический факультет ЛГПИ имени Герцена. Работал учителем, журналистом, проходил военную службу. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и России. Лауреат ряда литературных премий.

Основной труд Лукина – перевод древнерусских песен «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и «Задонщина»

(1994), высоко оцененный академиком Д. С. Лихачевым и другими учеными Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН). Как переводчик Евгений Лукин также обращался к различным зарубежным произведениям лироэпического творчества. Ему принадлежат стихотворные переложения Эклоги IV римского поэта Вергилия и нома древнегреческого поэта Тимофея Милетского «Персы» (1993), одобренные профессором Петербургского университета Н. А. Чистяковой. Среди последних изданий – мемориальная антология «Книга павших» (2014), куда вошли его переводы стихотворений тридцати поэтов-фронтовиков из двенадцати стран мира. Он также перевел и издал стихотворные сборники английских поэтов Уилфреда Оуэна (2012) и Исаака Розенберга (2013), а также немецких поэтов Петера Баума (2019) и Берриса фон Мюнхгаузена (2019).

Наряду с переводческой деятельностью, Евгений Лукин создал ряд оригинальных поэтико-философских текстов, представленных в книгах стихотворений в прозе «Sol Oriens» (2003), «Lustgarten, сиречь вертоград царский» (2005), романе «По небу полуночи ангел летел» (2006) и других. Известный литературовед В. В. Кожин увидел в его поэмах «Костер амасийский» (1995) и «Каменный мед» (1997) стремление к философскому преодолению раскола «западного» Петербурга и «глубинной» Руси.

Древнерусские эпические песни и оригинальные поэмы стали непосредственными источниками при создании Евгением Лукиным либретто «Радонежской оратории». Музыку к либретто написала композитор Владислава Малаховская. Премьера оратории с успехом прошла в 2014 году в Петербургской филармонии и была приурочена к празднованию 700-летия преп. Сергия Радонежского. Кроме того, Лукиным написаны поэтические либретто к кантате «Ксилургийский скит» (2016), «Невской оратории» (2018) и оратории «Непобедимая воевода» (2019).

Концепция культурного влияния и взаимообогащения народов отразилась в таких книгах Евгения Лукина, как «Сказки и легенды народов России» (2013) и «Легенды и сказания о любви» (2014). Авторское повествование о мифологии древних городов России и мира, составляющих единую мировую цивилизацию, в полную мощь зазвучало в его фундаментальных трудах «Легенды и мифы великих городов мира» (2015) и «Легенды старинных городов России» (2017).

Последняя работа была удостоена диплома I степени на ^^Международном конкурсе «Искусство книги» (2018).

Плутарх

Плутарх (ок. 46-ок. 127) – древнегреческий писатель и философ. Родился в небольшом беотийском городке Херонее. В юности изучал философию, математику, риторику в Афинах. Относил себя к последователям Платона, однако на самом деле по своему мировоззрению был эклектиком. После обучения в Афинах вернулся в родной город и поступил на государственную службу, посвящая свободные часы литературным и философическим трудам.

Творческое наследие Плутарха обширно: за свою долгую жизнь он написал около 210 произведений. Большинство из них дошло до наших дней. По традиции, его труды делят на две категории – философские трактаты, известные под названием «Моралии», и «Сравнительные жизнеописания», которые принесли автору мировую славу.

Первые биографии Плутарх написал еще в молодости. Они были посвящены великим землякам писателя – поэтам Гесиоду и Пиндару. Со временем выработался оригинальный стиль жизнеописаний. Это было живое свободное повествование о жизни выдающегося человека с обязательным привлечением сведений из частной жизни, различных анекдотов и остроумных изречений. Тем самым Плутарх создавал психологический портрет своего героя, которого читатель мог зримо и выпукло себе представить.

«Сравнительные жизнеописания», над которыми писатель работал четверть века, состояли из 22 парных биографий знаменитых исторических лиц Эллады и Рима. Каждая пара подбиралась по какому-нибудь признаку. К примеру, пару великих полководцев составили Александр Македонский и Юлий Цезарь, а пару великих ораторов – Демосфен и Цицерон.

Еще в молодые годы Плутарх посетил общегреческое святилище Дельфы, стремясь познакомиться с культом Аполлона. Это событие оказало на него серьезное влияние. В своем творчестве он неоднократно обращался к великому наследию дельфийских оракулов

и пифий. В пятьдесят лет Плутарх стал жрецом дельфийского храма Аполлона. И именно в Дельфах он завещал себя похоронить. Местные жители, испытывая глубокое уважение к деятельности и трудам Плутарха, воздвигли над его могилой достойный памятник, который был обнаружен при археологических раскопках в 1877 году.

* * *

Сочинения Плутарха на русский язык переводил **Василий Алексеевич Алексеев** (1863–1919) – выдающийся переводчик античной классики. Он родился 13 апреля 1863 года. Получил блестящее образование. Преподавал в Московском Императорском лицее в память цесаревича Николая, который был основан в 1868 году известным российским критиком М. Н. Катковым. По сравнению с другими гимназиями в нем осуществлялись программы с углубленным изучением древних классических языков. Выпускниками лицея были такие выдающиеся деятели культуры как историк С. В. Бахрушин и искусствовед И. Э. Грабарь, а также Патриарх Московский и всея Руси Алексей I.

Помимо преподавания, В. А. Алексеев огромное внимание уделял переводам античной классики. Им были переведены на русский язык трагедии Эсхила и Еврипида, сочинения Фукидида, Лукиана и Плутарха, поэмы Овидия и Вергилия, басни Эзопа и речи Цицерона. Большая часть его переводов вошла в состав издаваемой им «Библиотеки греческих и римских классиков в русском переводе». Кроме того, он подготовил и издал две антологии – «Древнегреческие поэты в биографиях и образцах» и «Римские поэты в биографиях и образцах».

Переводчик состоял в переписке с известными историческими личностями своего времени – поэтом А. Н. Майковым, писателями Д. В. Григоровичем и А. И. Куприным, литературными критиками В. П. Бурениным и Б. Л. Модзалевским, издателем А. С. Сувориным и археологом Н. И. Веселовским.

Василий Алексеевич Алексеев скончался в 1919 году. Однако его переводы пользуются популярностью и поныне.

Текст перевода В. А. Алексеева печатается по изданию: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фемистокл и Камилл. Том 2, вып. 1. Санкт-Петербург, 1891.

Пьетро Метастазιο

Пьетро Метастазιο (1698–1782) – выдающийся итальянский драматург и либреттист. Родился в Риме в семье бедного ремесленника. Рано обнаружил незаурядный поэтический талант, чем обратил на себя внимание поэта и драматурга Джана Винченцо Гравины (1664–1718). Последний усыновил мальчика, дал ему фамилию Метастазιο, которая представляет перевод на греческий язык его настоящей фамилии Трапасси, и завещал свое состояние.

Пьетро Метастазιο получил прекрасное классическое образование. В 1718 году опубликовал первый поэтический сборник «Стихи», в который поместил трагедию «Юстин», идиллии на античные сюжеты «Пир богов», «Похищение Европы» и другие произведения. Был принят в академию Аркадия, главным теоретиком которой являлся Гравина. В 1724 году на сюжет IV песни «Энеиды» Вергилия написал лирическую трагедию «Покинутая Додона», посвятив ее своей первой возлюбленной – оперной певице сопрано Марианне Бульгарелли (1684–1734). Трагедия имела грандиозный успех, обошла театры Италии и других стран.

В 1728 году придворный поэт Апостоло Дзено (1668–1750), уходя в отставку, рекомендовал австрийскому императору Карлу VI пригласить на эту должность Пьетро Метастазιο. Начался самый плодотворный период творчества драматурга. Помимо ораторий и серенад, здесь, в Вене, он сочинил лирические трагедии «Адриан в Сирии» (1731), «Димитрий» (1731), «Ипсипила» (1732), «Олимпиада» (1732), «Милосердие Тита» (1734), «Ахилл в Скиросе» (1736), «Узнанный Кир» (1736), «Аттилий Регул» (1740) и другие. Его произведения были единодушно признаны шедеврами.

Среди них наибольшей популярностью пользовалась трагедия «Фемистокл» (1736), сюжет которой был навеян одноименным произведением Апостоло Дзено. Метастазιο затратил много труда на сочинение этой пьесы, которая отличалась большой простотой и

строгостью фабулы. Драматург нарисовал здесь образ великого афинского полководца, победителя персов в битве при Саламине, создателя морского могущества Афин. В 1740 году итальянский композитор Андреа Бернаскони использовал текст трагедии как либретто для создания оперы «Фемистокл». Позднее, в 1772 году, тот же замысел осуществил и немецкий композитор Иоганн Кристиан Бах – сын великого Баха. Трагедию Метастазियो перевел на русский язык поэт Г. Р. Державин.

В отличие от Апостола Дзено и других либреттистов, Метастазियो был музыкально образованным человеком, учеником неаполитанского композитора Никола Порпора (1686–1768), и всегда сочинял стихи, аккомпанируя себе на фортепьяно. Именно поэтому его поэтические тексты были гармонично слиты с музыкальным сопровождением. К тому же в стихах Метастазियो, который сам вышел из низов, оживали ритмы, мелодии и напевы народной поэзии.

Слава Метастазियो была беспримерной. Его почитали во всем мире, сравнивали с Софоклом, Корнелем, Расином, Шекспиром. Жан Жак Руссо называл Метастазियो «поэтом сердца, единственным гением, созданным для того, чтобы трогать душу очарованием поэтической и музыкальной гармонии». Сочинения на его либретто писали такие композиторы как Вивальди, Гендель, Глюк, Сальери, Моцарт и многие другие.

Пьетро Метастазियो скончался 12 апреля 1782 года в Вене. По примеру приемного отца свое состояние он завещал дочери друга – австрийскому композитору, клавесинисту и сопрано Марианне фон Мартинес (1744–1821). Ее имя, высокий голос и женственный образ напоминали старому драматургу первую любовь.

* * *

Переводчиком на русский язык лирической трагедии «Фемистокл» Пьетро Метастазियो был князь **Павел Гаврилович Гагарин** (1777–1850) – русский дипломат, военный деятель, писатель, переводчик. Родился в семье видного екатерининского сановника князя Г. П. Гагарина. Получил прекрасное домашнее образование. В 1780 году был записан в военную службу – лейб-гвардии Преображенский полк.

Участвовал в подавлении польского восстания (1794), итальянском походе под предводительством А. В. Суворова (1799), служил чрезвычайным посланником при дворе короля Сардинского (1801–1803), участвовал в сражении при Аустерлице (1805), был в главной ставке французского императора Наполеона Бонапарта (1805), ездил на Эрфуртский конгресс (1808), сопровождал императора Александра I в поездке по Финляндии, только что вошедшей в состав Российской империи (1809). В 1814 году вышел в отставку в чине генерал-майора.

Гагарин обладал огромной библиотекой: ему присылали все новые русские и зарубежные издания. Он занимался литературной и переводческой деятельностью. В 1790 году опубликовал перевод книги английского писателя Джорджа Литтлтона (1709–1773) «Опыт чувствительности, или Письмо одного персиянина из Лондона другому». В 1793–1796 годах печатал свои стихи в журналах «Чтение для вкуса» и «Приятное и полезное», впоследствии издал их отдельной книгой «Эротические стихотворения» (1811). Также в 1809 году напечатал отдельной книгой заметки о своем пребывании в Финляндии под заглавием «*Les treize journees ou la Finlande*» («Тринадцать дней, или Финляндия»).

В 1813 году Гагарин издал сборник сочинений своего отца князя Г. П. Гагарина «Забавы уединения моего в селе Богословском», который преподнес старому товарищу отца – поэту Г. Р. Державину. Видимо, тогда же Гагарину поступила просьба поэта перевести лирическую трагедию Пьетро Метастазиио «Фемистокл». «Желая скорее исполнить Вашу волю, я перевел или, лучше сказать, переложил, и во многих местах буквально Метастазиева Фемистокла, – писал он Державину, отсылая сделанную работу. – Намерение же мое было не перевод, который бы мог льстить моему самолюбию, а исполнение воли Вашей. Сначала вздумалось мне перевести кое-какими белыми стихами, но так выходило не складно, что я скоро заметил, что если на себя понадеюсь, то совершенно Метастазия обезображу».

После смерти жены А. П. Лопухиной (1777–1805) и выхода в отставку вел странный образ жизни: его особняк на Дворцовой набережной в Петербурге был населен больными и увечными собаками, которых он подбирал на улице, и летающими птицами. Князь прогуливался по улицам в старом халате и ермолке на лысой голове. В урочные часы кормил с балкона голубей и галок. Резкое

изменение образа жизни произошло лишь после женитьбы князя на балерине М. И. Спиридоновой в 1831 году.

П. Г. Гагарин скончался 2 января 1850 года. Был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Текст перевода П. Г. Гагарина печатается *впервые* по рукописи, которая хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (ф. 96, оп. 14, № 38). Публикатор Е. В. Лукин.

Гавриил Романович Державин

Гавриил Романович Державин (1743–1816) – великий русский поэт, драматург, переводчик. Член Российской академии наук. Государственный деятель, кабинет-секретарь императрицы Екатерины Великой, министр юстиции Российской империи.

Родился в семье мелкопоместных дворян в родовом имении Сокуры под Казанью. Окончил Казанскую гимназию. Девятнадцатилетним юношей поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Участвовал в государственном перевороте 28 июня 1762 года, в результате которого на престоле воцарилась Екатерина II Алексеевна. Позднее вместе с полком подавлял народное восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Работал в комиссии по расследованию дел бунтовщиков. За верную службу был удостоен офицерского чина. В 1777 году вышел в отставку и поступил на гражданскую службу в чине статского советника при Правительствующем Сенате.

С 1773 года Державин начал печатать свои литературные опыты, однако широкая известность к нему пришла после опубликования в 1782 году оды «Фелица», посвященной императрице Екатерине Великой. В его произведении «богоподобная царица киргиз-кайсацкия орды» превратилась в идеал просвещенной правительницы, перед которой преклоняется не только русский народ, но и весь мир. За эту оду Державин был пожалован золотой табакеркой с бриллиантами. На поэта, как из рога изобилия, посыпались высокие должности. В 1784 году его назначили Олонецким губернатором, а затем перевели в Тамбов. Спустя семь лет он оказался в ближайшем окружении императрицы, став ее личным кабинет-секретарем. Впоследствии был

выбран сенатором с производством в тайные советники. После кончины покровительницы в царствование императора Павла I служил в Верховном совете, был президентом Коммерц-коллегии и государственным казначеем, а при императоре Александре I достиг высокого поста министра юстиции Российской империи.

Находясь на чиновной службе, Державин продолжал заниматься творчеством. Писал торжественные оды, воспевавшие российских самодержцев и полководцев. В 1791 году, вдохновленный победой русских войск под предводительством А. В. Суворова при взятии крепости Измаил, создал первый гимн России «Гром победы, раздавайся!», положенный на музыку композитором О. А. Козловским (1757–1831).

После отставки в 1803 году Державин решил полностью посвятить себя литературе, в первую очередь драматургии. Образцом для подражания он выбрал лирические трагедии выдающегося итальянского драматурга Пьетро Метастазियो (1698–1782). «Теперь хочу попытаться в драматическом поле, – писал он поэту А. М. Бакунину 30 января 1804 года, – и вы бы меня обязали, если бы из Метастазиевых опер некоторые выписки или планы их вкратце сообщили, дабы я, с расположением и духом сего ознакомься, мог надежнее пуститься в сие поприще, ибо таковые важные лирические пьесы, кажется, мне более других свойственны». Позднее с такой же просьбой – сделать для него перевод лирической трагедии Метастазियो «Фемистокл» – Державин обратился к князю П. Г. Гагарину. Но основе присланного подстрочника поэт осуществил собственный перевод «Фемистокла». Таким же образом он перевел и трагедию Метастазियो «Милосердие Тита», которая была поставлена в его домашнем театре в августе 1815 года.

Державин написал несколько драматических произведений для театра – «Добрыня» (1804), «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), «Ирод и Мариамна» (1807), «Евпраксия» (1808), «Дурочка умнее умных» (1813), «Грозный, или Покорение Казани» (1814) и другие. Из них только одна трагедия «Ирод и Мариамна» была поставлена на сцене профессионального петербургского театра (премьера состоялась 23 ноября 1808 года). Наряду с сочинением пьес Державин работал над трактатом «Рассуждение о лирической поэзии

или об оде», посвященным теории стихосложения с примерами из всемирной поэзии, начиная с древнегреческой.

Последние годы жизни поэт жил на два дома: зимой – в петербургском особняке, летом – в новгородском имении Званка. Здесь он и скончался 8 июля 1816 года. Был похоронен в Спасо-Преображенском соборе Варлаамо-Хутынского монастыря, что неподалеку от Великого Новгорода.

Текст пьесы Г. Р. Державина «Фемистокл» печатается *впервые* по рукописи, которая хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (ф. 96, оп. 1, № 28). Публикатор Е. В. Лукин.

Ригас Фереос

Ригас Фереос (1757–1798) – национальный герой Греции, революционный деятель, поэт, писатель, переводчик. Родился в городе Велестинон (Фессалия), где в античные времена находился городок Феры, в честь которого поэт и получил прозвание Фереос.

Окончил академию Афониада на полуострове Афон. В 1774 году переехал в Стамбул, где стал секретарем османского дипломата Александра Ипсиланти (1725–1807) из фанариотского аристократического рода. Вместе с последним, назначенным в 1775 году господарем Валахии, переехал в Бухарест. Преподавал античную историю в городской школе. Занимался переводческой деятельностью, в частности, перевел на греческий язык пьесу итальянского драматурга Пьетро Метастазियो (1698–1782) «Олимпиада». Писал стихи, среди которых выделялись «Героические песни», призывавшие греков к восстанию против османского ига. Почти в каждой песне встречались имена великих мужей Эллады – Геркулеса, Пелопида, Фемистокла, а наименование современных поработителей (турок) неизменно соотносилось с давними завоевателями – персами, предводимыми легендарным царем Ксерксом. Кроме того, большой популярностью пользовалась его «Военная песнь» (1796), позднее ставшая гимном греческого национально-освободительного движения.

Под влиянием идей Французской революции Ригас Фереос написал и в 1797 году подпольно издал в Вене «Революционный манифест, или Новый политический строй для народов Румелии, Малой Азии,

островов Средиземного моря, Валахии и Молдовы», в котором призывал к созданию независимой Греческой республики, основанной на братстве поработенных Османской империей народов. В целях реализации этого плана основал в Вене тайное революционное общество «Этерия». При попытке проникнуть в Грецию для организации восстания был арестован австрийской полицией, выдан турецким властям и 24 июня 1798 года казнен в Белградской крепости.

Ригас Фереос стал символом борьбы греческого народа за свободу. Великий русский поэт Александр Пушкин, в частности, посвятил ему стихотворение:

Восстань, о, Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд, и Фермопилы.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

* * *

В России «Героические песни» Ригаса Фереоса переводил поэт **Николай Федорович Щербина** (1821–1869), предки которого по материнской линии были греками, переехавшими в Таганрог в царствование Екатерины Великой, спасаясь от османских притеснений. С детства внимая греческим песням и преданиям, будущий поэт считал себя связанным и духовно, и кровно с любимой Элладой. Не имея возможности поступить в университет, усиленно занимался самообразованием, изучал греческий язык и литературу, писал антологические стихи.

В 1844 году Н. Ф. Щербина опубликовал в просветительском журнале «Маяк» прозаический перевод «Героических песен» Ригаса Фереоса, используя для этого книгу «Песни разных поэтов, героические, клефтические, любовные и вакхические с антивакхическими» (Навплия, 1837). В предисловии к публикации Н. Ф. Щербина писал: «Ожесточение против турок, пробужденный дух народа, теплый раствор сердца, когда оно принимает и навсегда вкореняет в себе все впечатления, период юношеского увлечения народа, а главное, страстное стремление к возрождению народной и государственной самостоятельности своего любимого отечества, сияющего бессмертною славой прошедшего, – вот те причины, отчего греки горячо приняли новые песни, приняли их, как свои старые, задушевные думы».

Впоследствии Н. Ф. Щербина издал в Одессе сборник «Греческие стихотворения» (1850), который принес ему заслуженную славу. На стихотворение «Моряк» композитор А. Л. Гурилев написал популярный романс, который позднее был модифицирован и стал знаменитой песней «Раскинулось море широко» в исполнении певца Леонида Утесова.

После успеха сборника «Греческие стихотворения» поэт переехал в Москву, где работал помощником редактора «Московских губернских ведомостей», а затем перебрался в Санкт-Петербург, получив место чиновника особых поручений при товарище министра народного просвещения князе П. А. Вяземском. Здесь Щербина сблизился с поэтами Л. А. Меем и Ф. И. Тютчевым, писателями И. С. Тургеневым и Г. П. Данилевским. Принимал активное участие в общественной и литературной жизни.

Н. Ф. Щербина скончался 10 апреля 1869 года. Был похоронен в некрополе мастеров искусств – на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Великий русский поэт Федор Тютчев посвятил своему товарищу стихи:

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье

Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской выюгой снеговою,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

Текст перевода Н. Ф. Щербины печатается по изданию: журнал «Маяк», Санкт-Петербург, 1844, том 16, № 31–32.

Дионисиос Соломос

Дионисиос Соломос (1798–1857) – выдающийся греческий поэт. Родился на острове Закинф Ионического архипелага. Был незаконнорожденным сыном графа Николоса Соломоса и его экономки Ангелики Никли. После смерти законной супруги граф женился на матери Дионисиоса, что уравнило того в наследных правах со сводным братом.

Мальчику было два года, когда русская эскадра во главе с адмиралом Ф. Ф. Ушаковым вытеснила французов с архипелага, и на Ионических островах было образовано первое со времен падения Константинополя (1453) греческое государство – Республика Семи Островов.

В десять лет юного Дионисиоса по традиции отправили учиться в Италию, где он успешно окончил Кремонскую школу и юридический факультет университета в Павии, получив ученую степень. В годы учебы начал писать стихи на итальянском языке, стяжав заслуженное признание в литературных кругах.

Опыт итальянской поэзии, проникнутой духом патриотизма, свободолюбия и приверженности народному языку, оказал огромное влияние на начинающего литератора. Вернувшись на родину, он отдал должное зарубежному периоду жизни, издав итоговый стихотворный сборник «Римские импровизации» (1822). И сразу же переключился на

творческое овладение греческим языком, став ярким сторонником его народной вариации – димотики.

В 1823 году Дионисиос Соломос создал свой первый шедевр на греческом языке – поэму «Гимн свободе», состоявшую из 158 четверостиший. Поэма произвела сильное впечатление на композитора Николаса Мандзароса (1795-1872), который положил ее на музыку.

После споров со своим сводным братом за наследство, Соломос в конце 1828 года перебрался на остров Корфу, который являлся культурным центром Ионической республики. Начался самый плодотворный период жизни поэта. Его произведения, в основном, были посвящены теме народной борьбы за свободу – «Ода на смерть Байрона» (1825), «Ламброс» (1829), «Критянин» (1833). Но самым главным своим трудом поэт считал эпическую поэму «Свободные осажденные» (1826–1844), над которой он работал почти двадцать лет. В поэме была изображена героическая оборона города Месолонги, который дважды подвергся турецкой осаде. Вторая осада длилась целый год (1825), когда истощенные голодом защитники города решились пойти на прорыв:

Сквозь непоколебимый строй оружия чужого
Готовы продолжать они последний путь к свободе —
Быть с братьями своими там иль здесь принять кончину.
Посторонись же ты, ружье, и ты, клинок турецкий!
Зажав тростинку в кулаке, проходит безоружный.

Перевод А. С. Эфрон

В 1849 году поэт был награжден Золотым крестом, поскольку «своей поэзией возбуждал чувства народа в борьбе за свою национальную независимость».

Дионисиос Соломос скончался 9 февраля 1857 года. Его кончину оплакивали все греки. Работа парламента Ионической республики была приостановлена. На Корфу объявили всеобщий траур. Согласно завещанию, останки поэта были перенесены на остров Закинф.

После создания независимого греческого государства и принятия конституции в 1865 году первые два четверостишия поэмы «Гимна свободе» были объявлены национальным гимном Греции.

Перевод на русский язык текста «Гимна свободе» для данного издания осуществлен Е. В. Лукиным.

Е. В. ЛУКИН

ЗАПАД ПРОТИВ ВОСТОКА

САЛАМИН:
2500 ЛЕТ
ПЕРВОЙ
БИТВЕ

А Л Е Т Е Й Я

